

ПИОНЕР

ЯНВАРЬ № 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

МОСКВА. КРЕМЛЬ. СКВОЗЬ АРКИ ВОРОТ НЕПРЕРЫВНЫМ ПОТОКОМ ВЛИВАЮТСЯ ЛЮДИ. ЖИВЫМИ РУЧЕЙКАМИ РАСТЕКАЮТСЯ ОНИ ВОКРУГ ДРЕВНИХ СТРОЕНИЙ, ЧТОБЫ ПОТОМ СОБРАТЬСЯ В ОДНО РУСЛО, ВЕДУЩЕЕ ТУДА, ГДЕ СТОИТ ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ.

КАК ЭТО ХОРОШО, ЧТО ПОСТАВЛЕН ЕМУ ПАМЯТНИК В КРЕМЛЕ! ЗДЕСЬ ОН ЖИЛ, ЗДЕСЬ НА КАМНЯХ КРЕМЛЕВСКИХ ПЛОЩАДЕЙ ЗВУЧАЛО ЭХО ЕГО ШАГОВ. ПРОСТОЙ И ВЕЛИКИЙ, ОН УЛЫБАЛСЯ СОЛДАТАМ-ЧАСОВЫМ, ПРОХОДЯ МИМО НИХ НА РАБОТУ; ОН ШУТИЛ С РЕБЯТИШКАМИ, ИГРАЮЩИМИ В ТАЙНИЦКОМ САДУ; ТАСКАЛ БРЕВНА НА СУББОТНИКЕ; БЕССОННЫМИ НОЧАМИ ЧИТАЛ С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ ВЕСТИ С ФРОНТОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ; РАБОТАЛ В МАЛЕНЬКОМ, СКРОМНОМ СВОЕМ КАБИНЕТЕ.

СВЕЖЕОТПОЛИРОВАННЫЙ ГРАНИТ ПОСТАМЕНТА. И, КАК ПЕНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРИБОЯ, СВЕЖИЕ ЦВЕТЫ НА ЭТОМ ГРАНИТЕ У НОГ ИЛЬИЧА.

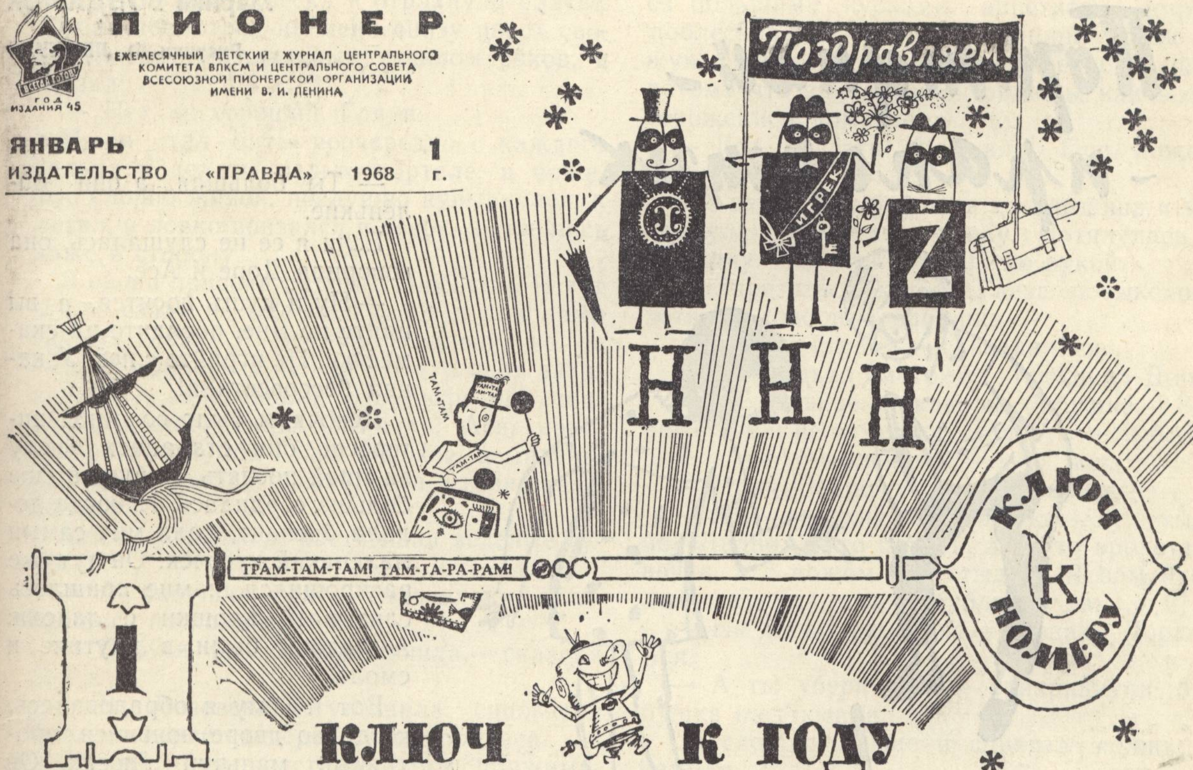

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЯНВАРЬ **1**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

КЛЮЧ К ГОДУ

Вот он перед тобой, первый номер твоего журнала.

Здравствуй, читатель! С НОВЫМ ГОДОМ!

С Новым годом Мудрых Мыслей, Добрых Дел, Великих Открытий, Веселых Выдумок, Интересных Встреч, Таинственных Приключений и Дерзких Побед!

Первый номер — это один из двенадцати, и в каждом из них тебя ждут рассказы смешные и серьезные, стихи, повести, фантастика, путешествия, приключения.

Три буквы «ННН» (Новое, Неизвестное, Нужное) готовы щедро выложить тебе ворох блестящих идей.

Икс, Игрек и Зет ждут не дождутся, чтобы озадачить тебя своими задачами.

Уже плывет по страницам **«Кораблик»** с трюмом, полным стихов и рисунков, а **«Фонарик»** весело светит у опущенного еще пока занавеса.

Разумеется, и **Шах,** и **Пешкин,** и **Смехотрон,** и **Нескучайка** заранее радуются встрече с тобой.

Но ты найдешь в журнале и то, чего не было в прошлом году. Встретятся тебе, например, звери. Да не просто, а звери **«крупным планом».**

Прислушайся! Это **«Научный Телеграф»** уже выстукивает для тебя последние новости о необыкновенных открытиях, изобретениях и находках.

Но самое главное — это страницы, посвященные **ИМЕНИННИКУ.**

Кто именинник? **КОМСОМОЛ!**

В этом году комсомолу исполняется пятьдесят лет.

«КОМСОМОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ» журнала расскажут тебе о делах, о жизни и подвигах орлиного племени.

Итак, бери ключ и открывай первый номер.

НОВЫЕ РУБРИКИ:

* "КРУПНЫМ ПЛАНОМ"
* КОМСОМОЛЬСКИЕ страницы
* "НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ"

Марина БОНДАРЮК

Рисунки Ф. ЛЕМКУЛЯ

Портупей-прапорщик

Этим летом я рано приехала с дачи. Шли дожди, дача не отапливалась, и все-то у нас отсырело: одежда и постели. Тепло от керогаза, гудящего синим коротким пламенем, быстро уходило сквозь тонкие тесовые стены. Я схватила насморк. Мы собрались и приехали в Москву.

А в Москве жара: середина августа. Пройдет сильный дождь, и тут же лужи на глазах высыхают. И снова асфальт накален. Во дворе уже с утра жарко и сонно. Никого нет. Знакомые ребята еще не вернулись в город. Только две девочки-дошкольницы, Дора и Ася, иногда выходят во двор покопаться в песочнице, а потом их бабушка уводит гулять в Тимирязевский лес.

Я однажды тоже с ними увязалась и пожалела. Бабушка им говорила: «доченьки», «умницы». А мной все время была недовольна:

— Ишь, как быстро бегает! Куда несешься, девочки за тобой не поспевают.

Или:

— Ты большая, а они маленькие.

Если я ее не слушалась, она говорила Доре и Асе:

— Ну и пусть носится, а вы идите ко мне, посидите на скамеечке. Не играйте с ней. У, какая бессовестная!

Девочкам было со мной интересно, они старались всюду за мной поспеть. Бабушка еще больше сердилась. И когда делила бисквит, дала мне самый маленький кусочек. Он тут же раскрошился, и мне пришлось слизывать крошки с ладони. А ладони были в паутине и смоле.

Вот почему я обрадовалась, когда во дворе появился противный мальчик Люсик. Он жил в деревянном флигеле, в заднем дворе нашего дома, и часто приходил к нам играть. В его доме не было других детей, и он хотел дружить с нашими ребятами.

Но мы его редко принимали в игру и дразнили «Косым». Был он маленького роста, в очках с одним стеклом, заклеенным пластырем. Губы его были вечно измазаны зеленкой.

Он мне издали показал ножичек.

— Чур, первая,— сказала я, подбегая к песочнице возле котельной.

Он протянул ножичек, и я пять раз ударила им в песок. Ножичек с тяжелой ручкой мягко входил в рыхлый песок, чуть клонился в сторону, но не падал.

— Ага,— обрадовалась я,— теперь буду бить с пальчика.

Я приставила конец лезвия к указательному пальцу. Ножичек скользнул по воздуху и брякнулся плашмя на песок.

— Не в счет, сорвалось,— отводя Люсикову руку, сказала я.— Начну с сальто-мортале.

Я подбросила ножичек вверх, он перевернулся и ушел в песок тяжелой ручкой.

— Ну и ножичек,— сказала я.— Дрянь ножичек! Ручка-то перевешивает.

Я поднялась с песка и отряхнула платье. Люсик посмотрел на меня снизу вверх своим глазом, увеличенным стеклом очков, и сказал:

— Нет, он хороший. Гляди.

И он стал бить поочередно с каждого пальца и делать сальто-мортале, и ножичек, словно живой, послушно кувыркался, и летал, и ловко вонзался в песок, не клонясь даже в сторону.

Я снова присела рядом с Люсиком. И тут кто-то сзади ко мне подкрался и ладонями закрыл глаза. Я мотнула головой, но не смогла вырваться. А над ухом у меня захихикали и заверещали. Это были мои подружки-дошкольницы. Старшая, Ася, наконец оставила мои глаза в покое, а маленькая Дора, задрав платье, села штанишками на песок.

Люсик улыбался, растягивая зеленые губы.

— А бабушка где? — спросила я, оглянувшись на подъезд.

— Бабуся за хлебом пошла,— сказала Дора.

— В Лазовский,— уточнила сиповатая Ася,— и вернется через целых полчаса.

Обе они были счастливы. Ася прижималась ко мне, а Дора рукой перебирала песок, незаметно придвигая ее к ножичку.

— Нельзя маленьким,— сказала Ася.— Маленькие порежутся.

Дора надулась.

— Встань сейчас же с песка,— басила Ася,— песок мокрый. Нельзя маленьким на песке сидеть.

Дора еще больше надулась и губу нижнюю вывернула.

— А я его закрою,— сказал Люсик, убирая лезвие.— Хочешь подержать?

Дора кивнула и убрала губу.

— Ну, подержала? — спросил Люсик.

— Подержала,— сказала Дора довольно.

И мы снова начали резаться в ножички. Девочки болели за меня. Они хлопали в ладоши. Я чувствовала себя героем, хотя Люсик мог десять раз бросить и попасть, а у меня и два раза подряд редко получалось. Зато, когда мне удавалось продемонстрировать свою ловкость, девочки начинали визжать и рявкать, каждая на свой лад — от души радовались. И Люсик радовался, сияя своим огромным глазом, хотя и был моим противником.

Во дворе самое хорошее место — у котельной. Здесь стоит гигантская катушка с проводами. Играя в песок, к ней можно прислониться спиной. И вар здесь валяется большими кусками, аппетитно, жирно поблескивает — хватай, очищай песок и жуй, сколько хочешь. Взрослые не увидят, потому что за катушкой сидишь, как в отгороженной комнате.

— Вот новости! Удумали! Под ножом сидеть!

Это вернулась бабушка из магазина и заглянула к нам за катушку. Потянулась к ножичку. Люсик прикрыл его рукой.

— Зарезаться хотят! Глаза повыколоть хотят! — говорила бабушка.

— Мы не играем,— сказала Ася.

— Мы только смотрим,— пискнула Дора.

— Глупенькие,— сказала бабушка.— Зарежетесь и не заметите. Ладно, эти-то большие, а вы-то маленькие — туда же...

— Прямо, зарежутся,— сказала я.

— Ах,— вздохнула бабушка,— не стыдно? Ладно, он-то парень, а ты-то вроде девочка, и с ножом. Не стыдно? Я вам бубличка купила, идите, бубличка дам.

— Не хотим бубличка,— сказали Дора и Ася.

— А ты убери нож! — прикрикнула бабушка на Люсика.

Он сложил лезвие и спрятал ножик в карман.

— Ладно,— вздохнула бабушка,— был бы хулиганом, а то ведь тихий и видишь плохо. Куда ж ты с ножом-то лезешь?

Люсик покраснел и облизнул свои зеленые губы.

— Пойду хлеб отнесу,— сказала бабушка,— и сию минуту вернусь.

Из подъезда навстречу бабушке вышла лифтерша тетя Люба. Бабушка ей что-то сказала, тетя Люба кивнула. Села на скамейку возле котельной и стала смотреть к нам за катушку.

— Пошли за дом, к нему,— шепнула смышленая Ася.

— Пошли к тебе в палисадник и спрячемся, — пропищала догадливая Дора и вскочила на ноги.

Люсик молчал. Незалепленное стекло его очков затуманилось. «Еще заплачет»,— подумала я и вспомнила, почему наши не любят с ним играть. Начнем, например, в круговую лапту, бегаем, носимся, увертываясь от мяча. Если мячом ударит, хоть и по голове,— боли не чувствуешь, не думаешь о ней. Обидно только, что из круга вылетел и твоя команда на тебя злится. А Люсику, если его мячом заденет, почему-то обязательно больно. И он, отойдя в сторону, молча страдает. И все видят, что ему больно и что он страдает.

— Что ты, Косой, обижаешься,— начнут его утешать,— бегал бы лучше.

А Люсик вдруг повернется и пойдет к себе за дом. И там плачет. А мы смеемся. Действительно, чего плакать? Вон Жирного в нашем дворе зовут Жирным, и Жирный не обижается. Однажды, играя в прятки, Жирный забился между гаражами, а вылезти не может. Все до слез хохочут, дергают его, тащат, и сам он хохочет и рвется — и никак. Потом уж, когда все отстали и успокоились, вылез. И ничего. Не обиделся. А раз играли в казаков-разбойников, и у нас не хватало одного казака, и мы приняли Люсика. Он обрадовался, побежал, побежал и о крышку водосточного люка споткнулся. Очки потерял. Стоит столбом, а времени-то терять нельзя. Разбойники и так уж далеко убежали. Ему говорят:

— Что ж ты, Косой, очки потерял? Держал бы крепче.

Нашли ему очки. А Люсик повернулся и спасибо не сказал. Ушел к себе за дом. Так и пришлось доигрывать без одного игрока в команде.

Вспомнились мне эти игры, когда ребят полон двор, когда так весело, что дух перехватывает. И горишь вся — щеки, ладони, лоб. И в висках стучит, и сердце радостно колотится — от азарта, беготни, от собственной удали, оттого, что ты тут за всех, а все — за тебя.

Вспомнилось это, посмотрела я на Люсика, который плакать собрался, и стало мне грустно.

...А наступит вечер, стемнеет: мяч в воздухе не виден, салку путаешь, и палочки с землей сливаются. Домой пора идти, уже звали, и ноги гудят, деревянные. Тут устало опустишься на скамейку возле котельной, а из котельной вдруг выйдет Федор и задымит махоркой. И тогда все, кто уже домой собрался и пошел к подъездам, вернутся и начнут просить:

— Федор, расскажите! Федор, расскажите!

И Федор в своих огромных сапогах сядет между нами и начнет рассказывать историю с вариантами про Портупея-прапорщика. Совсем темно, и всем нам так хорошо, тесно, тепло на скамейке друг с другом. Иногда страшновато, но большей частью смешно (я чувствую, как сбоку покатывается Жирный и никак успокоиться не может) слушать про препирательства Портупея-прапорщика с хитроумным чертом, про комнату с гробом, где провел ночь на спор с трусливым и кровожадным царем храбрый прапорщик, и про то, как он суп из топора варил, и как Марью-королевну замуж брал, богатых разорял, бедных одаривал, со злой силой сражался и слабых защищал.

Домой возвращаешься спокойная, задумчивая. Послушно и охотно, удивляя домашних, быстро разденешься и ляжешь спать. Закроешь глаза и видишь наш темный двор, и котельную, и гаражи в глубине, и видишь в нашем темном дворе терема с высокими башнями, и осиновый лес с нечистой силой, и пересеченные дороги, по которым весело и широко шагает Портупей-прапорщик, высокий и сутулый, как Федор, в больших сапогах, как у Федора, и с лицом, скуластым и молодым, лукавым и добродушным — лицом Федора.

...А Люсик истории про Портупея-прапорщика, наверное, и не слышал. Его и во дворе-то вечерами не было видно. Сидел в своем деревянном доме и скучал, наверное, и плакал.

— Люсик!

— Что тебе?

— Ты что?

— А что?

— Ничего?

Люсик мотнул головой, не заплакал.

— Ну, пошли, ну, пошли,— бубнили Дора и Ася.

— Тут играть будем,— сказала я.

— А как?

— Да, вот как? В эту нельзя: мало нас, в эту нельзя: Ася с Дорой не поймут, не сумеют... Вот что,— сказала я,— вор — не вор хотите?

— Хотим! — закричали девочки.

— Знаете как? — Я объяснила.— Есть царь, есть судья, есть вор и работник. Судья не знает, кто вор. Царь его спрашивает, указывая на кого-нибудь: вор? Судья отвечает: вор. А это не вор. Тогда царь приказывает работнику наказать судью горячими или холодными. А если судья угадывает, попадает вору.

— Давайте считаться. Ты, Люсик, оглох?

— Нет, — сказал Люсик. — Просто не хочу играть.

— Не хочешь?

Я рот раскрыла от удивления и возмутилась. Всегда сам напрашивался, а тут не хочет. «Ну и катись к себе за дом!» — хотела я сказать, но подумала, что мне одной тут делать с этими малолетками.

— Почему это ты не хочешь? — спросила я.

— Игра глупая.

— Глупая? Еще какая неглупая! Поиграй сначала, а потом говори.

— Сам ты глупый! — сказала Ася и преданно заглянула мне в лицо.

Я усмехнулась. «До чего все-таки он противный. Урод какой-то, косой. Правильно, что наши с ним не играют, правильно!»

Вышла бабушка, села на лавочку у подъезда, и тетя Люба перебралась к ней с вязаньем. Бабушка стала звать:

— Дорочка, Асенька, идите ко мне, девочки, идите ко мне, доченьки, я вам ложечку принесла — песочек копать.

Но Дора и Ася не двигались с места.

— Ну давайте в вора играть! — ныли они.

— Чего же не дразнишься? — вдруг спросил Люсик, уставясь на меня своим большим пронзительным глазом.

— А чего мне дразниться?

— Ведь хотела, чего же не дразнишься?

Я смутилась и сказала:

— Очень надо!

Дора и Ася прямо стонали:

— Ну, Машенька, ну, поиграем.

— Ладно, — неожиданно согласился Люсик. — Считаемся.

Мы играли, а бабушка разговаривала с тетей Любой. Тетя Люба вязала и поддакивала: «Так, так». А потом закричала:

— Оставь их, Матвеевна, пусть играют!

А бабушка уже шла к нам, размахивая ложкой.

— Дылды бессовестные, связались с маленькими! То ножи у них, то драка! Глаз с вас нельзя спускать, разбойники!

Люсик испуганно отпустил руку Аськи-«воришки», по которой я только что несильно хлестала пальцами.

Бабушка замахнулась на меня ложкой. Я увернулась.

— Матвеевна, сядь, кому говорят! Покою себе не даешь. Сядь! — кричала тетя Люба.

Я видела, что бабка не собирается драться ложкой, а только запугивает меня и девочек, чтобы те, испугавшись, убежали и не подходили ко мне больше. А Люсик это принял всерьез и как закричит ей в ухо:

— Что вы деретесь? Кто им что сделал?

Бабка ложку чуть не выронила.

— Иди, иди отсюда! Иди, паршивец! — сказала она и вдруг оступилась, охнула и схватилась за сердце.

— Ах, дьявол! — сказала тетя Люба, отбросила клубок ниток и подбежала к бабушке. — Уморишь ты себя, Матвеевна, и вправду уморишь. Беспокойная какая.

Она усадила бабушку, а Дора и Ася, всхлипывая, стали цепляться за ее колени.

— А вы идите и вправду идите,— сказала нам с Люсиком тетя Люба.— Старших-то надо слушаться, а не так — шаляй-валяй. Не компания вам девочки...

— Нет, они не уйдут,— сказала бабушка.— Они смерти моей хотят-дожидаются.

Ася вдруг взвыла своим густым голосом и стала обнимать бабушку, стискивать ей шею. Бабушка еле высвободилась и крикнула, тяжело дыша:

— Ладно, она-то, она в своем дворе, а ты-то зачем сюда пришел, чего приплелся, паршивец, черт косой?

— Оставь их, Матвеевна,— сказала тетя Люба.— Не мешают они. Гляди, уходят.

А бабушка все повторяла:

— Паршивец, меня чуть не убил, черт косой...

И лицо у нее было такое злое, такое противное. Я просто не понимала, как можно такую обнимать и жалеть. Мне хотелось броситься на нее с кулаками, но я, конечно, не бросилась, а побежала за Люсиком.

Он скрылся за углом. Я слышала, как он всхлипнул. Не выдержал, расплакался. А я бы выдержала?! Выдержала бы, если б меня дразнили тем, в чем я не виновата и от чего сама страдаю, а меня бы дразнили, дразнили, и ответить мне было бы нечем, дразнили все кругом: дети и даже взрослые! А Жирный с нашего двора — типичный дурак. Ему бы драться, такому здоровому, когда его дразнят. А он сам же над собой смеется. Ничего! Стал бы драться, перестали бы дразнить, отвыкли бы.

Я подбежала к палисаднику деревянного дома, но в цветнике за кустами никого не было.

— Люсик,— позвала я.

— Что? — Он выглядывал в окно со второго этажа.

— Люсик! — Я не знала, что сказать. Не кричать же отсюда на второй этаж, что я тоже на его месте не выдержала бы, что я не буду над ним смеяться, что я никогда не буду его дразнить.

— Люсик! — снова крикнула я.

— Ну что, что?

— Федора знаешь?

— Какого Федора?

— Истопника. Он нам про Портупея-прапорщика рассказывал.

— Не знаю.

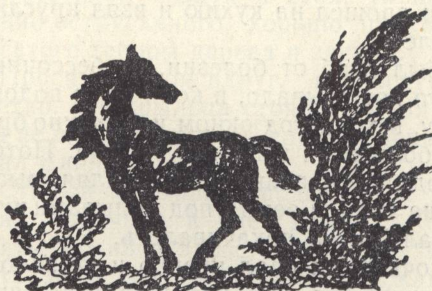
— Иди расскажу. Очень смешные истории про храброго солдата.

Люсик закрыл окно, и стало слышно, как он затопал, побежал по своей деревянной лестнице вниз.

Лошадиная поляна

Владислав БАХРЕВСКИЙ **Рисунки О. ВАСИЛЬЕВА**

Никто в доме не знал, что ночью мальчик не спит. Его будили глухие глубокие звуки, словно под окном, поджидая, прохаживался кто-то.

Был август, и небо ночами, густо посыпанное звездами, было черным.

Мальчика пугали яркие тяжелые звезды. В них жил злой зеленый огонь, он то разрастался вдруг, то замирал, уходил вглубь — так дремлющая кошка щурит глаз, поджидая маленькую мышь.

Чтобы не видеть звезд, чтобы не слышать непонятные звуки, мальчик забирался с головой под одеяло и плакал.

Ему казалось, что за окном гуляет смерть. Он родился в деревне и по ночам верил в колдунов, оборотней и в другие многие страсти. Днем он не верил в них, днем было стыдно верить в такую чепуху.

Звали мальчика Ваней. В обычной школе он учился в третьем классе, но оттого и произошла беда, что в другой, необычной школе он зашел слишком далеко. Ему шел десятый год, и в той необычной школе он учился по десять часов в день.

Ваня должен был удивить мир. От него хотели этого, и ему казалось, что он тоже этого хочет.

Ваню учили играть на скрипке. Привезли из далекой деревни и стали учить.

Их росло восемь у матери, мальчиков и девочек. Когда отец был жив, в доме хоть и бедновато было, но все же терпимо. А потом мать оставила себе старшего и двух меньших, а пятерых взяли в детдом. Ваня в детдоме даже обвыкнуть не успел. Нашлись в нем способности, и его повезли в большой музыкальный город.

Здесь он учился прилежно. Сначала от боязни, что вернут с позором назад. А потом еще прилежнее, потому что полюбилась ему скрипка. Он дома нянчил ее, носил ей из лесу ягоды, рассказывал про свои горести, хотя она ничего еще не понимала.

Однажды Ване сказали, что он будет выступать в большом концерте. Пришлось совсем отложить тонкие учебники третьего класса и все играть, играть.

Он был талантливый мальчик, но скрипке мало таланта, а Ваня не успел отдать ей столько труда, сколько она требовала. Он пустился взапуски со временем. У него хватило упорства и не хватило силенок.

Как-то на восьмом часу занятий он выронил смычок и упал без крика, без стона. Ваня болел долго, лежал в больнице, жил в санатории, а потом его привезли в лесной домик старого музыканта, на берег реки, на поляну, окруженную окаменелыми дубами.

В ту ночь, когда мальчик наконец решил посмотреть, кто же разгуливает под окном, опять было темно и звездно.

Он так устал бояться, что захотелось ему или уж сразу умереть, или жить спокойно и, конечно, долго.

Он встал с постели, подошел к окну, словно это было днем. Открыл его. На поляне

перед домом стояли кони. Они подняли морды и посмотрели на мальчика. Они долго смотрели на него, и он догадался: кони ждут хлеба.

Осторожно, чтобы не разбудить в доме людей, он прошел на кухню и взял круглый мягкий хлеб.

Ваня был слаб от болезни, от бессонных ночей. Его пошатывало, и кони сами подошли к дому, встали под окном и бережно брали хлеб большими теплыми губами. Потом они отходили, красиво переставляя высокие тонкие ноги, и земля под копытами чуть вздрагивала, чуть покачивалась.

В ту ночь Ваня спал крепко и не запомнил ни одного сна. Все, что подали на завтрак, съел, съел обед, съел ужин.

В доме настороженно обрадовались, а на следующий день поверили: Ваня пошел на поправку. Много ел, был весел, и под прозрачной кожей едва-едва, но уже затеплился румянец.

В эти дни недовольной была одна кухарка: у нее пропадал хлеб, буханка, две, а то и булка. Наконец она не выдержала и пожаловалась хозяину дома. Воришку решили выследить.

К тому времени уже наступило полнолуние.

Спать легли рано. Дом скоро затих.

Луна взошла. Белые стены комнат замерцали, и где-то за домом раздались глухие глубокие звуки.

«Лошади пришли,— подумал хозяин.— Интересно, откуда они приходят. И почему всегда ночью? Может быть, из лесничества? Днем работают, ночью пасутся».

Раздался шорох. Хозяин затаил дыхание, но в доме все молчало. Хозяин хотел было подняться, но тут явственно прозвучали шаги босых маленьких ног.

Дверь в спальню была приоткрыта, и старый музыкант увидел, как мимо проскользнула фигурка в ночной белой рубашке.

«Эге, наш больной!»

Мальчик прошел на кухню, повозился там и скоро опять мелькнул в двери.

Старый музыкант поднялся и стал следить.

Он увидел, как Ваня распахнул окно, как подошли к окну лошади и как он кормил их из рук, говоря невнятные ласковые слова.

Ваня говорил:

— Ешьте, лошади. Вы ешьте и хорошо работайте. Тогда ваш хозяин будет вас жалеть. А если меня больше не будет, вы меня помните. Я вас очень жалел. А тебя, темный конь, я жалел лучше всех.

То, что произошло минуту спустя, так поразило старого музыканта, что когда он очнулся, почувствовал: лицо в слезах, и совсем не хотелось корить себя за «женскую моду плакать».

Вот что произошло.

Темный конь съел хлеб и стал под окном боком, словно приглашал мальчика к себе на спину. Он стоял долго, терпеливо, поворачивая к Ване голову.

Ваня колебался, потом заправил длинную рубаху в трусы, надел теплую рубашку и с подоконника сел на коня, обхватил его высокую шею маленькими руками.

Конь тихо отпрянул от окошка, повернулся и пошел через поляну в дубовую рощу. Другие кони стояли неподвижно и смотрели им вслед.

Старый музыкант оделся и вышел на улицу.

Он прошел мимо лошадей, по низкой августовской траве, вброд по лунному половодью, под чешуйчатыми куполами дубов, где каждая пластина была кованой, старинной.

Прошел над старицей, аккуратно засыпанной серебряной мелочью ряски, с темными глубокомысленными окнами, в кото-

рых стояла чистая, как лицо спящего ребенка, луна.

Потом он сразу остановился, услышал, как падает преждевременно отживший лист, услышал, как возле дома от души всхрапнула лошадь, и больше ничего.

Луна, словно большая настольная лампа, ласково осветила ему воду, блестящие иглы невысокой сосны, золотистые сплетения молодого ствола, приблизила небо. Было видно, что небо земное, объяснимое. Что небо — воздух. Воздух, воздух, воздух, пронизанный лучами, колышемый ветром, холодный, ясный, ледяной где-то там, у самой луны.

— Не догнать,— сказал тихо и внятно старый музыкант.

И он услышал, как затрепетала, загудела земля, как с посвистом прокатилась за лесами тугая волна воздуха.

— Поезд,— сказал музыкант вслух.

Он вернулся к дому, сел на крыльцо, положил голову на холодную росную ступеньку. Потянул воздух в себя, уловил запах давно оструганного, хорошо просушенного, богатого теплом дерева и заснул.

Проснулся он вдруг, вздрогнув. Было светло, а у крыльца стояла темная лошадь. На ее спине, припав к упругой нервной шее, спал Ваня.

Старый музыкант подошел к лошади, снял мальчика и унес домой. Когда он опять ложился в постель, потому что вставать было еще рано, услышал, как за стеной негромко и грустно заржал, видимо, тот темный конь.

И вечный бой!

С. АРТАМОНОВ

Александр Александрович Блок. 1907 год.

Язык наш мы все знаем с самого детства, и нет ничего для нас удивительного в том, что все мы понимаем значение слов, умеем складывать из отдельных слов фразы, пишем, разговариваем, читаем. Удивительное начинается тогда, когда из этих же общеизвестных слов кто-то другой, сложив их так, как это ему одному кажется правильным и нужным, создает вдруг такие картины, которые потом поражают многих людей, запоминаются, стоят в воздухе перед глазами.

Вот, смотрите, слова. Я даю их вам вразнобой. «Карманный нож. Пылинка. Случайно. Мир. Дальние страны...»

А вот вам стихотворная строфа из стихотворения, которое написано прекрасным русским поэтом Александром Александровичем Блоком 6 февраля 1914 года:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Это замечательно красиво, нежно и звонко. И это удивительно верно сказано. Четверостишие тут же, просто незамедлительно отправляет нас в мир мечтаний о странствиях и путешествиях. Один человек обрадуется этим словам, как находке, другой человек станет грустить о несбыточности этой сладкой мечты. Но что же случилось, что произошло? Прочитаны всего четыре строки из Блока — всего четыре строки! А ведь у Блока тома и тома стихов, пронзительные поэмы, сильные и глубокие статьи, необыкновенные пьесы — целый театральный мир. В один только стихотворный цикл «Стихи о Прекрасной даме» входит более восьмисот стихотворений. Нежная певучесть этих стихов завораживает, как волшебный сон.

«Прекрасная дама» грез и мечтаний, чистый и нежный рыцарь, с любовью и верностью служащий ей,— эти сказочные и легендарные образы из ранней лирики Блока, придет время, откроются и многим из вас, ребята, это неизбежно. Блоком «заболевают» все, кто умеет любить стихи, все подпадают под его магическое влияние, и навсегда уже Александр Блок остается с ними, как Родина, как близкий, понятный человек.

Родился Александр Блок в родовитой дворянской семье в 1880 году, умер он в 1921-м, когда ему едва перевалило за сорок, так рано оборвалась его талантливая, освещенная ярким внутренним светом жизнь, но сделать поэт успел поразительно много. Начав стихами, сотканными из того же зыбкого материала, что и сны и грезы, относящиеся к земной жизни не более, чем перистые облака, Блок кончил «Скифами» и «Двенадцатью», поразительными по силе, ясности и глубине. Ни до него, ни после уже никому не дано было так почувствовать и так выразить саму душу Революции и революционной России, ее ветер, ее музыку, ее непримиримую ненависть и любовь.

А сразу понять и принять Революцию, шагнуть вместе с восставшим народом вперед, в неведомое многим, даже очень умным и талантливым людям в России оказалось не под силу, и в конце концов они очутились далеко от Родины.

Но с Блоком такого и не могло случиться, — всю свою жизнь он вглядывался в родную страну, слушал ее не всем внятные голоса и писал о России с силою пушкинской и гоголевской, а выше этих мы еще не знаем примеров!

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Или:

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

Это из стихов «На поле Куликовом», и отдаленно, конечно, это похоже на предчувствие степной конницы времен гражданской войны, когда старая Россия перерождалась в новую, неслыханную и невиданную.

Блок был пророком, от стихов его веет таинственностью провидца, глядящего сквозь времена. Удивительный дар, которым владеют лишь немногие из людей!

Есть предание о том, как в канун Куликовской битвы была над станом русских великая тишина — страшная тишина. И тогда приник ухом к земле воевода Боброк, приник и заплакал... Заплакал мужественный воин, который потом, в решающий миг, вылетит из засады и полком своим расстроит ряды татар.

Но отчего же он заплакал? Воевода услыхал, прильнув ухом к земле, как неутешно плачет вдовица, как мать бьется о стремя сына... Сердце воеводы содрогнулось от пророческого предчувствия той горькой цены, во что обойдется русским победа князя Дмитрия, с той поры — Дмитрия Донского.

Это древняя легенда, и не надо, конечно, понимать так, что поэт Александр Блок был новым воеводой Бобром и тоже приникал ухом к земле. Тут важно подумать вот о чем.

Блок был одним из тех великих русских людей, которые не только понимали сокровенное в России, но и умели громко, внятно для всех выразить это сокровенное. Он чутче других вслушивался в музыку народной души и в сильных, ярких картинах выражал открывшуюся ему тайну.

Пророчества и ожидания поэта сбылись. Россия сдвинулась и пошла новым путем. И Блок сказал об этом в 1918 году со страстью и удивительной смелостью:

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городового —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жмется шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.
Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Это строки из гениальной поэмы «Двенадцать», пересказать которую невозможно, да и делать этого не надо — поэму надо читать и знать. Вы ее прочтете. Надо лишь прибавить тут, что в вихревом восемнадцатом году поэт ответил на «безмолвный вопрос» так, что строки его ответа сделались лозунгами восставшего народа:

Революцьонный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Жил Блок напряженно и стремительно, написал много, и у вас, ребята, завидная возможность — читать его стихи впервые, и здесь, у нас, и в больших, толстых книгах.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Ты помнишь! В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
Их загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям,— и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

6 февраля 1914 г.

Сны

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня,
И манит, и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он мани́т и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей!
На седьмую — над царевной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлется в кроватке.
Дремлешь! — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Октябрь 1912 г.

Фабрика

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на́ спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903 г.

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,—
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну, что ж! Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908 г.

Из цикла «НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ»

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.

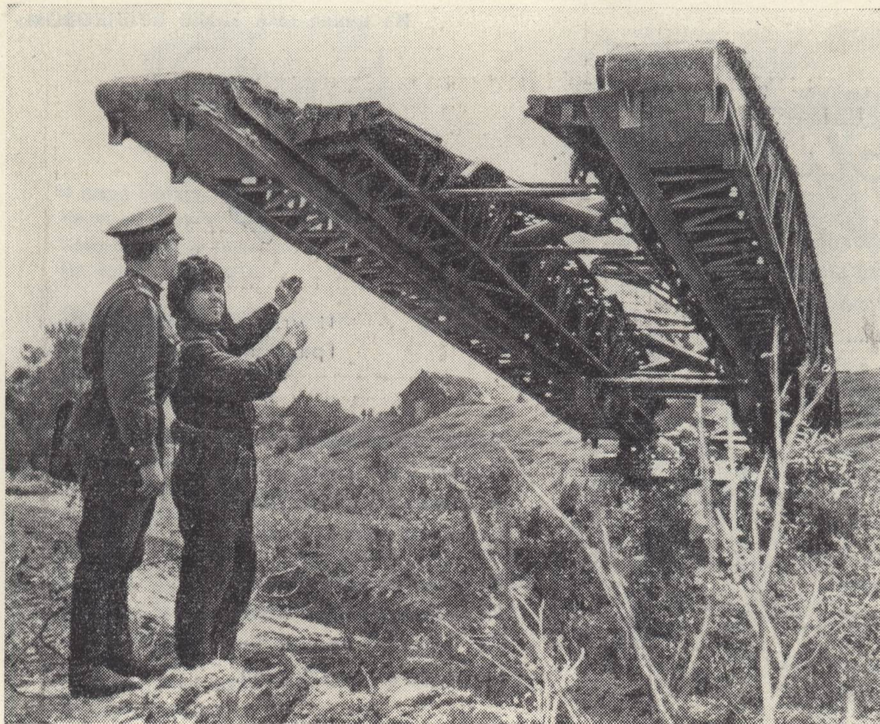
Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. Молись!

23 декабря 1908 г.

Рисунки В. НЕКЛЮДОВА

Механические руки мостоукладчика перекидывают мост.

Будь осторожен, сапер!

Минувшей весной в Волгограде строители обнаружили огромную бомбу, сброшенную фашистскими летчиками. В полтонны весом, она лежала, зарывшись глубоко в землю. Строители нашли ее совершенно случайно.

По каким-то причинам не взорвалась она в те дни, когда в городе шли ожесточенные бои. И на протяжении четверти века постоянно угрожала людям смертью, а городу — разрушением.

Что было делать? Продолжать работу опасно. С бомбой шутки плохи. И кто-то предложил:

— Надо вызвать саперов.

Через несколько минут прибыли солдаты с эмблемами саперов на черных погонах. Оцепили опасный район, эвакуировали людей, технику. А самые опытные и смелые начали страшный поединок.

Сначала отрыли котлован, стараясь освободить ее из цепких объятий земли. Рыли осторожно, сантиметр за сантиметром. Лопатами, потом ножами, а рядом с бомбой руками. Иначе нельзя. Одна малейшая неосторожность, всего один просчет — и взрыв...

Недаром говорится: сапер ошибается только один раз.

Сегодняшние саперы знали об уловках отступавших фашистов—о так называемых «минах-ловушках» или «минах-сюрпризах». Такие мины особенно опасны. Саперы находили их, но не всегда замечали, что под ними спрятаны другие, соединенные с первыми тончайшими проводниками. Ничего не подозревая, сапер осторожно извлекал из земли первую мину. И тут же взрывалась вторая. Обо всем этом знают те, кто сегодня служит сапером и никогда не был на фронте.

Поединок с бомбой в Волгограде закончился в пользу воинов. Они обезвредили ее, извлекли из котлована и положили на специальную «подушку» из песка. Потом на транспортере осторожно вывезли ее из города. Вскоре далеко за Волгоградом раздался взрыв. Бомба была подорвана, никому не причинив вреда.

Так было в Курске, в Воронеже, в Витебске, в Калининграде и многих других городах, где саперы обезвредили целые склады боеприпасов, оставленных гитлеровцами в годы войны. В Алжире по просьбе мест-

От берега к берегу протянулся понтонный мост.

ных властей наши саперы мастерски провели разминирование минных полей, оставленных изгнанными французскими колонизаторами. Тысячи крестьян были спасены и смогли обрабатывать свои поля.

Вот так в мирные дни саперы, рискуя своей жизнью, несут боевую вахту — и каждый год мы читаем в газетах о награждении воинов-саперов боевыми орденами.

А в дни войны — что тогда поручалось саперам? Они вступали в бой задолго до наступления. Да, именно так: пока не сделаны проходы для пехоты и танков в минных заграждениях противника, не начиналась ни одна атака. Саперы готовят для бойцов укрытия, прокладывают дороги, строят мосты и переправы, минируют вражеские дороги. Трудно в пустыне с водой — ее добудут саперы. Встретились бойцам проволочные заграждения под током высокого напряжения — снова на помощь придут саперы.

Раньше почти все делали вручную. Лопатами рыли траншеи, мины искали палками-щупами, мосты строили медленно. Бывало, подолгу приходилось ждать войскам, пока саперы расчистят им путь.

Теперь войскам ждать нельзя. Закон современного боя такой: опоздал — проиграл. И саперы работают по-новому. Мо-

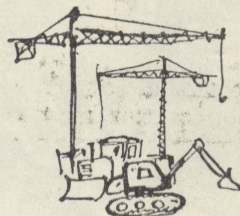
Стоп! Мина!

сты, например, возят с собой, и, чтобы собрать его из готовых конструкций, нужны теперь не дни, а часы и даже минуты. Понадобится мост через ров или овраг — его быстро перекинет со своей «спины» специальный танк. И по минным полям тоже пускают танк. Танк катит перед собой многотонный трал, под которым взрываются мины, не причиняя вреда экипажу. И безопасная дорожка для пехоты готова!

Машины «научились» даже устанавливать мины. Механические «руки» такой машины сами делают лунки, устанавливают туда мины и засыпают их. И все это делается на ходу, без остановок. Саперам в наши дни трудно без технического образования — просто не справишься с такими умными машинами.

Подполковник Н. ВАСИЛЬЕВ

Про посошных людей РЕДУТЫ и „ДОРОГУ ЖИЗНИ"

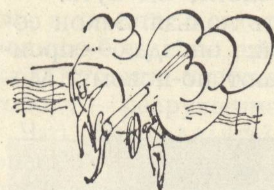

Первых саперов на Руси называли «городниками» и «мостниками». Это было в IX—X веках, когда приходилось вокруг городов строить оборонительные сооружения.

«Посошные люди»— это название появилось во время похода на Казань. Специальные отряды посошных людей шли впереди русских войск, ремонтировали и строили дороги, мосты, наводили переправы.

Мосты «на плаву», с опорой на лодки, плоты, суда строили на Руси давно. Еще при Владимире Мономахе в Киеве был построен деревянный наплавной мост через Днепр.

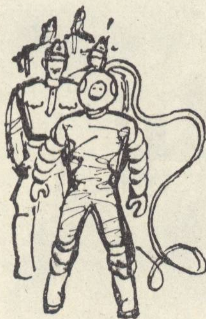
При Петре I появляются первые кадровые подразделения инженерных войск. Создается минерная рота и рота понтонеров.

На Бородинском поле русские саперы возвели замечательные сооружения — редуты. Они были расположены так, что заставляли противника раньше, чем он хотел, развернуть свои войска, мешали ему собрать их в единый кулак.

Во время обороны Севастополя впервые появились одиночные окопы или «завалы», как их называли солдаты. Они защищали стрелка во время боя. Иногда завалы соединялись между собой — так возникли «ложементы», окопы,— новый и важный вид инженерных сооружений.

В 1904 году защитники Порт-Артура впервые в мире построили «электрическую изгородь». Автор ее — лейтенант Кротов с броненосца «Пересвет».

«Дорога жизни»— так назвал народ ледовую трассу через Ладожское озеро к осажденному Ленинграду. Построили ее саперы. Протяженность трассы — 38 километров.

Героически работали саперы в тяжелые дни битвы под Сталинградом. Несмотря на бомбежки, переправа через Волгу ни на один день не прекращала работы.

Раньше советские саперы носили на своих черных погонах эмблему в виде двух скрещенных топориков. Лопата и топор были действительно их основным инструментом. Теперь все изменилось. В помощь саперы получили сложную технику: экскаваторы, краны, бульдозеры и т. п. И на погонах появилась новая эмблема. Главное на ней — машины. Сегодняшние саперы — это механики-водители, бульдозеристы, крановщики, катеристы, водолазы.

Л. ВОРОНКОВА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Сон царя Астиага

Мидийскому царю Астиагу приснился сон, который сильно смутил его. Ему снилось, что дочь его Мандана разлилась рекой и затопила не только его город Экбатан, но и всю Азию.

Астиаг позвал к себе жрецов из племени магов — толкователей сновидений. Маги долго обсуждали этот сон. И наконец сказали царю:

— Сон твой вещий. А предвещает он тебе, царь, вот что: у твоей дочери Манданы родится сын, который завладеет Мидией и всей Азией.

Астиаг встревожился. В те древние времена люди всерьез верили снам. Они считали, что это боги посылают им предупреждение.

Мысль о том, что внук может отнять у него царскую власть, Астиагу была нестерпима. Его отец Киаксара царствовал целых сорок лет, и Астиаг был уже не молод, когда наконец смог назвать себя царем. И теперь он крепко и жадно держал свою царскую власть. Настолько жадно, что даже мысль о внуке, который явится и будет царем всей Азии, отстранив Астиага, надолго омрачила его жизнь.

Мандана ничего не знала о зловещих снах отца. Она была послушной дочерью. И очень удивлялась и огорчалась, когда нечаянно подмечала тяжелый и подозрительный взгляд Астиага. В чем она провинилась? Чем недоволен отец? О чем так мрачно задумывается он, глядя на нее?

Мандана была единственной дочерью царя, наследницей его царства. Может, он думает, что Мандана что-нибудь замышляет против отца? Да пусть он царствует вечно!

А царь все думал о своем. Мандану надо выдавать замуж. А когда она выйдет замуж, у нее родится сын, тот самый сын, который отнимет у деда царскую власть.

Однако Мандану надо выдавать. Но за кого? Если выдать за кого-нибудь из богатых и могущественных мидийских вельмож, ее сыну будет легко захватить власть...

И Астиаг придумал. Он выдал Мандану за скромного человека, перса Камбиса. Камбис происходил из знатного персидского рода и даже был правителем в своей стране. Но какое это имело значение! Персия — маленькая, подчиненная Мидии страна, еще дед Астиага Фраорта покорил ее и заставил платить дань. Хоть и знатного, даже царского рода был Камбис, Астиаг все-таки считал его ниже любого мидянина. К тому же Камбис не отличался ни отвагой, ни честолюбием, и Астиаг мог успокоиться: ни о каком мидийском царстве Камбис помышлять не станет.

Мандана вышла замуж за Камбиса и уехала с ним в Персию.

Кто родится?

Мандана живет в Персии. Все тихо. Царь Астиаг прочно сидит в своем царском дворце за семью зубчатыми стенами. Царственный блеск золотых зубцов самой высокой стены наполняет своим отсветом его покои.

Власть Астиага крепка. Сокровищница полна золота. Сильное войско хорошо вооружено. Его

отец Киаксара, человек воинственный и много воевавший, покорил все племена Верхней Азии. А потом ходил сражаться с Ассирией. Он хотел покорить Ниневию, богатую, могущественную, поработившую многие страны. Киаксара хотел разбить и уничтожить Нин и тем отомстить за смерть своего отца, погибшего в войне с Ассирией, отомстить за свою Мидию, на которую ассирияне не раз делали грабительские набеги, уводили в плен мидян, угоняли скот...

В первый раз Киаксаре не удалось разорить Нин, ему помешали скифы, которые вдруг нахлынули в Мидию несметными полчищами на своих полудиких лошадях. Мидяне пробовали защищаться, но скифы покорили их. И завладели Азией.

Скифы хозяйничали в Азии двадцать восемь лет. Своим буйством и разбоями они разорили и опустошили азиатскую землю.

Но царь Киаксара умел ждать. Он понимал, что силой со скифами справиться нельзя, и терпел унижения, терпел горе своей страны. Однако все долгие годы рабства он не терял упорной решимости освободиться от этого дикого и свирепого врага.

Наконец после такого тяжкого и длительного рабства Киаксаре удалось вырваться из-под скифского ига. И не силой, а хитростью.

Киаксара и его придворные-мидяне устроили пир и пригласили скифского царя Мадия.

Мадий явился на пир и привел с собой лучшую боевую часть своего войска.

Астиаг помнит этот жаркий вечер, когда огни костров плавились и сливались с пламенем зари, а в неподвижном душном воздухе висел густой запах дыма и жареного мяса. Над кострами на вертелах жарились туши баранов, быков, лошадей...

Скифы пришли толпой, следуя за своим царем и военачальником. Видя, что мидяне безоружны, они положили на землю свои луки и колчаны со стрелами, свои медные секиры и копья и большие кожаные щиты. Головные повязки скифов на длинных, заплетенных в косы волосах сияли золотом. Золото играло у них на поясах и перевязях, отражая пламя костров. Так и запомнились они Астиагу — косматые, с большими бородами, в стеганых кафтанах и в золотом сиянии уборов...

А потом на поле пиршества упала ночь — черная, безлунная, внезапная, как всегда на юге. Огни костров стали зловещими.

Скифы ели мясо, пили виноградное вино. И снова ели и снова пили. Казалось, они могли выпить целый Понт Евксинский этого сладкого, веселого вина: ведь такого вина они не знали на своей суровой земле.

Скифы пили, веселились, горланили... А мидяне коварно подливали им вина. И когда пьяное скифское войско, сраженное вином, повалилось на землю и царь их Мадий заснул на полуслове, скифов настигла смерть. Киаксара и его мидийцы перебили их. Астиаг еще помнит это побоище, страшные вскрики и стоны среди душной тьмы...

А наутро Мидия вздохнула с облегчением: владычество скифов окончилось!

Таков был отец Астиага. Он выдержал скифское нашествие и уничтожил скифов. Он еще раз ходил войной на Ассирию и добился своего — разорил великий город Нин...

Но Киаксара не успел покорить Вавилон. Не успел, не смог. И это сделает Астиаг. Жажда захвата, жажда порабощения чужих племен, жажда еще большего обогащения, еще большей власти томила и сжигала Астиага и не давала покоя. Глаза его, будто ослепшие, глядели на зреющие хлеба, на бесчисленные стада, пасущиеся на склонах гор, на мирную радость поселян — и ничего не видели.

Его глаза видели только то, что рождалось в его свирепом мозгу,— отряды солдат, идущие по равнинам Вавилонии, сверкание их стрел и копий сквозь жаркую, красную пыль, поднятую копытами коней.

Вавилон — огромный город, полный богатых дворцов и храмов. Но стены его высоки и улицы заперты медными воротами. Взять его нелегко. Но с помощью богов его отец Киаксара пришел в Ниневию, которая была укреплена не менее. Что осталось от нее после Киаксары? Пыль и пепел.

Астиаг — сын Киаксары. Чего не сделал Киаксара, сделает Астиаг. Он разграбит Вавилон и оставит там пыль и пепел и тем еще более возвысит себя и свое высокое царство!

И вот теперь, когда Астиаг обдумывал свой поход в Междуречье, ему вдруг опять явилось сновидение, которое снова наполнило смятением его душу. Ему приснилось, что над его дочерью Манданой выросла виноградная лоза, и лоза эта была так огромна, что покрыла собой всю Азию.

Угрюмо сдвинув брови, Астиаг рассказал магам свой сон. И маги истолковали этот сон так же, как и тот, что приснился ему раньше.

— Сын твоей дочери, царь, будет царем всей Азии.

— После меня?

— Вместо тебя, царь.

Злые молнии зажглись в черных глазах Астиага. Он знал, что Мандане скоро предстоит родить ребенка. Кто родится у нее?

Астиаг приказал дочери немедленно явиться к нему в Экбатан. Мандана покорно явилась.

Астиаг рассказывал магам свой сон.

Камбис, тихий, спокойный перс, ее муж, сопровождал ее.

Мандана только переступила порог отцовского дома, как ее тут же взяли под стражу. Камбис недоумевал. Мандана плакала. Страшная догадка уже мучила ее. Она слышала о снах царя, и она хорошо знала своего отца.

А царь ждал. Если у Манданы родится девочка, он отпустит их с ребенком обратно в Персию. Если родится мальчик, он отпустит их в Персию, но без ребенка.

Родился мальчик.

Гарпаг

Мандана, ничего не видя от слез и горя, покинула отцовский дворец. Камбис, подавленный и безмолвный, возвратился вместе с ней в Персию. Их ребенок, их сын, остался у деда.

Они чувствовали, что царь задумал что-то недоброе, но не смели противиться. Только надежда, что у царя в груди все-таки человеческое сердце и не поднимется у него рука на собственного внука,— только эта надежда поддерживала их.

Едва Камбис и Мандана вышли из дворца, едва затих стук копыт их коней на каменистой улице, Астиаг призвал к себе своего родственника Гарпага. Это был самый надежный, самый преданный царю человек.

— Не отнесись легко, Гарпаг, к тому делу, которое я поручу тебе,— сказал царь, глядя прямо ему в глаза, словно желая видеть его мысли и чувства,— не предай меня и самому себе не готовь беды.

Гарпаг, чувствуя угрозу, склонил голову. Он уже заранее был готов сделать все, что прикажет ему царь.

— Возьми рожденного Манданой ребенка,— продолжал Астиаг,— отнеси его к себе, убей и похорони, где хочешь.

Гарпаг содрогнулся. Но, внешне спокойный, он ответил, как преданный друг и слуга:

— Никогда прежде, царь мой, ты не видел от меня ничего неприятного тебе. И впредь я буду стараться ни в чем не провиниться перед тобою. Теперь, если такова твоя воля, мне необходимо надлежаще выполнить ее.

Напрасно вглядывался в его лицо Астиаг своими пронзающими глазами. Гарпаг был спокоен, сдержан и почтителен.

«Он сделает это»,— подумал Астиаг. И успокоился.

Гарпагу принесли ребенка. Одетый, как одевают на смерть царских детей, здоровый, крепкий мальчик весело глядел на Гарпага черными, как спелая олива, глазами. Гарпаг взял корзину с ребенком и понес домой.

Когда Гарпаг вышел из царских покоев, сердце его не выдержало, и он заплакал. У Гарпага у самого был маленький сын. И ему представилось, что чья-то злая воля может вот так же погубить его дитя.

А черноглазый мальчик весело ворковал в корзине. Гарпаг взглянул на него и снова заплакал.

Гарпаг был храбрый воин. На войне он умел сражаться, умел быть беспощадным к врагу. Он немало убил людей в боях, его копье не знало промаха.

Но убить младенца!..

Пока он с плачем шел до своего дома, мальчик, убаюканный его мерным шагом, уснул в своей корзине. И лежал он там в роскошной одежде покойника, крепенький, румяный, теплый, как птенчик в гнезде.

Гарпаг принес ребенка к жене и рассказал все, что случилось. Жена встревожилась, задумалась.

Убить ребенка!.. Поднимется ли на это рука?.. Но ослушаться царя — Гарпагу ждать смерти. Все знали, что Астиаг жестоко наказывает за ослушание.

— Как же ты намерен поступить, Гарпаг?

— Не так, как повелел мне царь,— ответил Гарпаг.—Пускай он гневается, неистовствует,— я не поступлю так, как он решил, и не приму на себя такого злодеяния. Я не хочу губить младенца по многим причинам: и потому, что он мне самому родственник, и потому, что Астиаг уже стар, а наследника у него нет. А если после его смерти власть перейдет к его дочери, сына которой я теперь должен убить,— разве она простит мне? Но если ребенку суждено умереть, то убийцей его пускай будет кто-нибудь другой. Пускай слуги Астиага убивают его. А я даже слугам своим не позволю этого.

Пастух Митридат

Высокие горы, заросшие лесом, поднимались над Экбатаном. В горах среди вековых деревьев и густых зарослей водилось много зверей. Волки, львы и медведи бродили там, преследуя добычу. Дикие вепри подходили к самым деревням, вытаптывая посевы.

Высоко в горных долинах, обильных пастбищами, пастухи пасли многочисленные царские стада. Там, среди скалистых уступов, в зеленой тени дубов и буков, ютились хижины пастухов. Там жил и пастух Митридат. К нему-то и послал Гарпаг слугу с приказом немедленно явиться.

Митридат явился.

— Слушай внимательно, Митридат,— сказал Гарпаг, стараясь не глядеть ему в лицо.— Царь приказывает тебе взять этого ребенка, положить его на самой дикой горе, чтобы он погиб как можно скорее. При этом он велел сказать тебе следующее: если ты не погубишь ребенка, а каким-то способом сохранишь его живым, царь казнит тебя мучительной казнью. Мне приказано наблюдать за тем, чтобы ребенок был выброшен.

Пастух побледнел. Ребенок, одетый в золотом шитые одежды, весь, как сверкающая рыбка, барахтался в корзине и громко плакал. Он требовал, чтобы его взяли на руки, чтобы его накормили.

«А где-то там, в персидском доме, сидит и плачет его мать,— подумалось Гарпагу,— но она не может прийти и накормить его».

Не поднимая глаз, Гарпаг передал Митридату корзину с ребенком. Пастух молча взял ребенка и в тяжком раздумье отправился к себе в горы.

У Митридата была жена, царская рабыня. Ее звали Спако, что по-мидийски означает «собака». В этом имени не было ничего неприятного, потому что мидяне считали собаку священным животным.

Спако сама ждала ребенка. Она должна была родить как раз в этот день, когда Митридата позвали к Гарпагу. И день этот был полон тревог и волнений. Спако волновалась за мужа: зачем позвали его в Экбатан? Может, не угодил чем-нибудь царю, и тогда жди беды. А Митридат тревожился за жену: как оставить ее в такую трудную минуту? Но раз приказывают — приходится оставить.

Митридат спешил домой. Ребенок то умолкал, то снова принимался кричать. Смуглый и розовый, как персик, созревший под южным солнцем, он беспомощно тянулся к Митридату. И пастух отворачивался: он не мог смотреть на невинного мальчика, который должен был погибнуть.

Жена лежала в постели, когда Митридат, еле переводя дух от быстрой ходьбы, переступил порог хижины.

— Зачем так внезапно позвал тебя Гарпаг? — тревожно и нетерпеливо спросила она.

Митридат оставил корзину у порога, прикрыв ее расшитым покрывалом. Сел у постели жены и все рассказал ей.

— Я пришел в город и там увидел и услышал то, чего не пожелал бы я своим господам. Когда я со страхом вошел в дом Гарпага, там все плакали. И вижу, лежит младенец среди покоев, плачет, кричит. А сам весь в золоте. Гарпаг, как увидел меня, сейчас же велел взять ребенка и бросить на самой дикой горе. Я взял ребенка и понес. А как вынес из дома, там все заплакали еще громче. И я ничего не могу понять. Сначала думал, что этот ребенок принадлежит кому-нибудь из слуг Гарпага. Но в то же время удивительно мне было, что он весь в золоте. А когда я вышел из дома, тут мне слуги все и рассказали. Этот мальчик — сын царской дочери Манданы, и сам царь Асти-

аг приказал умертвить младенца. А теперь гляди — вот он!

Митридат поставил корзину около постели жены и поднял покрывало. Жена, увидев ребенка, такого здорового и красивого, со слезами обняла колени мужа.

— Нет, нет, не бросай его! Прошу тебя, не губи младенца!

— Но как же мне быть? — возразил Митридат. — Ведь Гарпаг пришлет своих соглядатаев, они увидят, что я его приказания не выполнил, и тогда я погибну жестокой смертью!

— Ну так вот что я тебе скажу,— ответила Спако.— Я признаюсь тебе: я родила мертвого ребенка. Вот ты возьми его и отнеси на гору, если уж обязательно надо показать, что ребенок выброшен и погублен. Наш сынок будет погребен в царской гробнице, а сына Манданы мы вырастим, как родное дитя. Так мертвый будет похоронен, а живой не лишится жизни. К тому же и мы не сделаем злого дела, и ты не будешь наказан.

Совет жены понравился Митридату, и он тут же передал ей сына Манданы. Спако с любовью приняла его в свои теплые руки, приласкала и стала кормить. А Митридат одел своего мертвого ребенка в царские одежды, положил его в корзину, накрыл расшитым покрывалом

Ловкий, крепкий и смелый, Кир был хорошим помощником Митридату.

и отнес на самую дикую гору, где лишь одни звери прокладывают свои тропы.

На третий день пастух снова отправился в город. Он пришел к Гарпагу и сказал, что его приказ выполнен.

Гарпаг мрачно выслушал его. Ему было жалко мальчика. Лишь одно немного утешало его: все-таки не его рука убила ребенка.

Желая удостовериться, что приказ Астиага действительно выполнен, он послал с Митридатом надежных оруженосцев, чтобы они собственными глазами убедились в этом.

Оруженосцы принесли маленькое мертвое тело. И Гарпаг похоронил его в царской усыпальнице.

А сын Манданы, дочери царя, остался жить в семье пастуха Митридата.

Так, по свидетельству историка Геродота, началась жизнь персидского царя Кира.

Дед и внук

Прошло десять лет. Спако души не чаяла в своем приемном сыне. Да никто и не знал, что сын этот приемный. И сам Кир, конечно, не знал. Он любил Спако и Митридата, слушался их и уважал как родителей.

Как только мальчик подрос, пастух стал брать его с собой в долины пасти царские стада.

— Куруш,— будил его Митридат, как только заря заглядывала в окна,— вставай. Помоги согнать быков.

Кир проворно вскакивал, накидывал на плечи войлочный пастушеский плащ — в горах по утрам холодно,— прихватывал сумку с едой, приготовленную Спако, и выходил вслед за отцом в серебряное от густой росы утро. Ловкий, креп-

Кир велел своим оруженосцам схватить сына Артембареса.

кий и смелый, Кир был хорошим помощником Митридату. Пастух учил его ловить диких лошадей, ездить верхом, стрелять из лука и бросать дротик, защищая стада от зверей. Во всей пастушьей деревне не было мальчишки, который мог бы во всех этих доблестях сравниться с Киром.

И кто знает, как сложилась бы жизнь Кира в дальнейшем, если бы не один случай.

Однажды Кир играл на улице со своими сверстниками. Ребята вздумали играть в цари. Будто кто-нибудь из них царь, а остальные — слуги.

Кого же выбрать в цари?

— Куруша! Митридатова Куруша!

Кир спокойно принял «царскую власть». И словно он всю жизнь провел при дворе, Кир тотчас начал править.

Прежде всего он разделил ребят на группы.

— Вы будете моими оруженосцами. А вы будете строить мне дворец.

Самого лучшего своего товарища он назначил «Оком царя» — главным соглядатаем. Другому товарищу, которому доверял, Кир приказал доставлять ему все известия.

— Вы, ребята, будете лучниками. Вы — всадниками. Вы — копьеносцами.

Так у Кира появились и придворные и войско.

Случайно среди детей пастухов оказался сын одного знатного мидянина, Артембареса. Он прибежал сюда поиграть с ребятами. Когда Кир приказал этому вельможному мальчику что-то сделать, тот отвернулся.

— Вот еще! Я, сын Артембареса, буду слушаться какого-то пастуха!

Тут и сказался впервые властный, крутой характер Кира. Он велел своим «оруженосцам» схватить его. «Оруженосцы» охотно схватили Артембаресова сына, и Кир жестоко отхлестал его своим пастушьим бичом. Ведь всем было известно, что цари за непослушание наказывают своих подданных.

Лишь только «оруженосцы» отпустили ослушника, он тут же побежал жаловаться отцу. Он бежал, не останавливаясь до самого города, и ревел во весь голос от боли и от злости.

Прибежав к отцу, мальчик со слезами все ему рассказал.

Артембарес разгневался. Он взял сына за руку и тут же пошел с ним к Астиагу.

— Царь, нас так оскорбляет твой раб, сын твоего пастуха! Смотри!

И он обнажил перед царем спину мальчика, полосатую от бича.

Астиаг нахмурился. В узких черных глазах его зажглись злые огни.

— Немедленно привести сюда пастуха Митридата и его сына!

Митридат явился во дворец, дрожа от страха. Но Кир спокойно стоял перед царем, не опуская глаз.

— Как ты осмелился,— закричал царь,— будучи сыном пастуха, так оскорбить дитя первого после меня человека!

— Я поступил в этом деле совершенно правильно,— ответил Кир с достоинством.— Мальчики той деревни, из которой я родом, затеяли игру и меня поставили царем над ними. И все они выполняли мои приказания, потому что я царь. А он ослушался и за это и получил должное наказание. Если за это я заслуживаю какой-нибудь кары,— изволь, я здесь!

Астиаг слушал его и бледнел. Кровь отливала от сердца. Непостижимо, но в этом мальчике он узнавал себя!

Астиаг попробовал отогнать наваждение:

«Не может этого быть! Этот мальчишка — сын пастуха. Или боги издеваются надо мной?»

Не может быть... Но не его ли, Астиага, осанка у этого маленького пастуха? Не его ли огненный взгляд? А как свободно он говорит, как независимо держится!

«...Изволь, я здесь!»

Кир молчал. Астиаг молчал тоже, не в силах справиться с волнением.

Овладев собой, Астиаг увидел, что Артембарес стоит здесь со своим сыном и ждет его решения. А он уже забыл о них.

— Артембарес,— сказал он,— я поступлю так, что ни тебе, ни твоему сыну не будет в чем упрекнуть меня.

Астиаг отпустил Артембареса. А Кира велел увести в дальние покои дворца.

Перед Астиагом остался один пастух Митридат, который стоял понурясь в предчувствии большой беды.

«Не узнает... Не узнает,— старался он убедить себя.— Откуда ему знать? Только зачем же он отослал мальчика к себе в покои?..»

— Сколько лет твоему сыну? — спросил Астиаг.

Этот вопрос заставил задрожать пастуха.

— Десять,— ответил он, стараясь говорить спокойно. Астиаг уставил на него свои огненные глаза.

— Откуда у тебя этот мальчик?

— Царь, это мой сын! — ответил пастух, делая вид, что даже не понимает, о чем его спрашивают.— Никто мне его не передавал. Моя жена... его мать... Она и сейчас жива, живет вместе с нами!

— Ты поступаешь неблагоразумно,— сказал Астиаг.— Ты вынуждаешь меня, твоего царя, прибегнуть к пыткам.

И тут же позвал стражу и велел взять Митридата.

— Царь, пощади! — закричал несчастный Митридат.— Ведь я сказал тебе правду, за что же хочешь казнить меня?!

Но Астиаг словно не видел и не слышал Митридата. Брови его сошлись в одну черную черту и нависли над глазами. А стража уже тащила Митридата из дворца.

В ужасе перед пытками, которые его ожидали, пастух упал на колени перед царем.

— Прости мне, царь, я все расскажу тебе. Только умоляю тебя, прости!

Митридат рассказал царю все, как было. И о том, как Гарпаг приказал убить этого мальчика, и о том, как Митридат с женой усыновили и вырастили его...

— Хорошо. Я прощаю тебя,— сказал Астиаг.

И тут же приказал позвать Гарпага. Вельможа спокойно вошел во дворец. Но увидел Митридата и понял, что сейчас ему придется отвечать перед царем за свое ослушание. Он знал, как беспощаден бывает в таких случаях Астиаг. Но на умном, непроницаемом лице царедворца не отразилось ни тени его внутреннего смятения.

Астиаг, прищурившись, глядел на него.

— Скажи мне, Гарпаг, какою смертью умертвил ты ребенка моей дочери, которого я передал тебе?

Гарпаг мог бы придумать любую историю, но здесь стоял Митридат, и в его присутствии солгать было никак невозможно.

Тогда Гарпаг решил правдиво признаться во всем.

— Взяв от тебя ребенка, царь, я был озабочен тем, чтобы исполнить твою волю и в то же время не быть убийцей перед твоей дочерью и перед тобой. Поэтому я поступил так: позвал этого пастуха и передал ему ребенка, сказав, что ты приказываешь сгубить его. В этом я не лгал, потому что такова была твоя воля. Передавая ему ребенка, я приказал бросить его на дикой горе и сторожить, пока он не умрет. Я угрожал Митридату всяческими наказаниями, если он ослушается. Когда исполнено было мое распоряжение и ребенок умер, я послал туда вернейших моих слуг. И через них убедился в смерти ребенка и велел похоронить его. Так поступил я в этом деле, и такой смертью умер ребенок.

Астиаг видел, что Гарпаг говорит правду. Он тут же передал рассказ пастуха Гарпагу, и теперь тот узнал, что сын Манданы жив.

— Мальчик пускай живет,— решил Астиаг,— и благо, что так случилось. Меня сильно мучила совесть за мой поступок с этим мальчиком. Да и упреки моей дочери мне нелегко было переносить. Теперь, так как судьба ребенка изменилась к лучшему, ты, Гарпаг, во-первых, пришли своего сына к моему возвращенному внуку, во-вторых, приходи и сам ко мне на пир. Спасение внука я должен отпраздновать жертвоприношением — эта честь подобает богам!

И он улыбнулся Гарпагу.

Если бы Гарпаг видел эту улыбку, он бы содрогнулся. Но Гарпаг, счастливый тем, что его ослушание так благополучно разрешилось, упал перед царем на колени и поклонился до земли.

— Я даже на пир приглашен! — радовался он, направляясь домой.— Я знал, что Астиаг пожалеет о своем злом приказании и будет счастлив, если внук живой и здоровый вернется к нему!

Придя домой, он тут же отослал своего сына к царю.

— Иди во дворец. И смотри, выполняй все, что бы ни повелел тебе царь!

Гарпаг проводил мальчика любящим взглядом. Это был его единственный сын, наследник его семьи, его радость и надежда. Сейчас мальчику тринадцать лет, он почти ровесник Киру. Они, конечно, подружатся. А ведь рано или поздно Кир станет царем. И как знать? Может быть, сын Гарпага станет ему самым близким человеком.

Мальчик ушел веселый, гордый честью, оказанной ему. Ведь никого другого не позвал царь Астиаг к своему внуку!

Однако на пороге он вдруг остановился, словно какое-то предчувствие смутило его. Ему стало страшно идти во дворец. Может, потому, что он вообще боялся царя Астиага.

Но отец ободрил его.

— Иди, иди,— с улыбкой сказал он,— и, смотри, будь послушен.

Мальчик ушел. Гарпаг направился в покои жены. Она уже давно в тревоге поджидала его.

— Не тревожься, все обошлось,— успокоил ее Гарпаг,— и так счастливо обошлось!

И он все рассказал жене.

— А теперь мне надо торопиться,— закончив рассказ, сказал он.— Я иду к царю на пир.

Слуги подали его богатую одежду. Жена помогала ему собираться. Они — и Гарпаг и его жена — были так веселы и так радостны, будто в дом их вошел большой праздник.

А в то время, когда Гарпаг собирался на пир и жена его радовалась и смеялась, их сын, их мальчик, был уже мертв. Его убили во дворце Астиага, как только он туда вошел. И тело его, разрубленное на куски, лежало в корзине, прикрытое покрывалом.

На пир к царю явились все приглашенные. Царь ласково принимал гостей. И особенно ласков и приветлив он был с Гарпагом.

Слуги наливали гостям вино из полных бурдюков, подавали сочные куски баранины и ставили блюда с мясом перед каждым гостем. И каждый раз перед Гарпагом ставили какое-то особое блюдо.

В самый разгар пира слуги поставили перед ним корзину, прикрытую белым.

— Возьми отсюда, что тебе будет угодно!

Гарпаг с улыбкой открыл корзину. Там лежали голова, руки и ноги его сына.

Гарпаг поднял глаза на царя. Их взгляды скрестились, как два копья. Но царедворец умел владеть собой и недрогнувшей рукой закрыл корзину. Он понял, что мясо, которое он ел, было телом его сына.

— Ну как, хорошо ли ты попировал? — с сатанинской усмешкой спросил Астиаг.

— Все хорошо, что делает царь,— ответил Гарпаг. На это у него еще хватило силы.

Но оставаться на пиру Гарпаг уже не смог. Он встал, взял корзину с останками своего сына и покинул дворец царя.

Астиаг отпускает Кира

Так наказал царь своего родственника и преданного слугу за ослушание.

Гарпаг не мог простить себе смерти своего сына. Разве не знал он Астиага? И как мог он поверить, что царь может хоть что-нибудь простить, если даже за малые проступки наказывает людей смертью?

Собственной рукой послал Гарпаг своего сына на смерть. А мальчик еще не хотел идти, запнулся у порога... Но он пошел, потому что отец велел идти!

Гарпаг в глубине своих покоев выл и стонал от горя и ненависти, он проклинал Астиага и призывал на его голову все беды и все муки, какие есть на свете.

Но, являясь к царю, Гарпаг был так же спокоен, как и раньше, так же почтителен, так же готов выполнять любое его приказание. И Астиагу порой казалось, что, может быть, он не так уж сильно наказал Гарпага, может быть, надо было придумать что-нибудь более страшное?

Сам никого не любивший, Астиаг не представлял себе, что смерть единственного сына — это и есть то самое страшное, что может обрушиться на человека.

Во дворце было тихо. Черноглазый мальчик в царских одеждах появлялся иногда перед его глазами. И снова исчезал в дальних покоях дворца. Казалось, он тосковал. Астиаг иногда заставал его стоящим у окна в одиночестве. Мальчик задумчиво смотрел мимо золоченых стен на далекие горы, где зелень лесов мешалась с красными тенями ущелий и лиловыми зубцами скал...

— Что ты смотришь туда? — спрашивал Астиаг.— Кого ты оставил там?

— Там моя мать Спако.

— Твоя мать не Спако. Ты знаешь это.

— Спако любила меня.

Астиаг усмехался своей кривой усмешкой.

— Любила? Тебе нужно, чтобы тебя, внука царя Астиага, любила жена какого-то презренного пастуха?

— Она кормила меня, когда я хотел есть. Она укладывала меня спать, когда я хотел спать. Она утешала меня, если я плакал. И каждый вечер она так ласково звала меня: «Куруш, иди домой, уже поздно!»

— Так ступай туда и живи с пастухами!

Тогда Кир умолкал и словно весь подбирался.

— Теперь я этого не могу. Я твой внук.

И было что-то такое опасное в глазах этого мальчика, в его голосе и осанке, отчего старая тревога снова просыпалась в душе царя.

Однажды после такой встречи Астиаг призвал магов, толкователей снов.

— Повторите, как вы истолковали мое сновидение.

— Мы можем повторить то же самое, царь: сын твоей дочери будет царем.

— После меня?

— Вместо тебя. Если бы он остался в живых.

— Он остался в живых,— сказал Астиаг.— Он вырос в деревне. Но когда мальчики, его товарищи, выбрали его царем, он все сделал и устроил совершенно так, как поступают настоящие цари,— установил звание телохранителей, привратников, вестовщиков и все прочее... По вашему мнению, что все это значит?

Маги посовещались.

— Если мальчик живет,— сказали они,— и стал царем без чьего-либо предумышления, то будь спокоен и добр духом: вторично он не будет царствовать.

— Я сам такого же мнения,— согласился Астиаг,— если мальчик уже был царем, то тем самым сновидение оправдалось и внук мой больше не опасен для меня. Однако,— добавил он с угрозой,— рассудите хорошенько и дайте совет, наиболее безопасный для моего дома... и для вас.

— Для нас самих, царь, весьма важно упрочить твою власть,— принялись уверять его маги,— ведь если власть перейдет к мальчику, по

— Как ты осмелился так оскорбить сына первого после меня человека? — спросил Астиаг.

происхождению персу, мы, мидяне, обратимся в рабов, персы будут презирать нас, потому что мы чужие для них. А пока царствуешь ты, наш соплеменник, до тех пор и мы пользуемся долей участия во власти и через тебя нам оказывают большие почести. Как же не заботиться нам о тебе и о власти твоей? Так и теперь, если бы мы заметили какую-нибудь опасность, то сейчас же предупредили бы тебя. Но сновидение кончилось ничем. Поэтому мы и сами спокойны и тебе советуем успокоиться. А мальчика отошли к его родителям в Персию.

Астиаг выслушал это, и морщины на его лбу разгладились.

Маги ушли. Астиаг позвал к себе Кира.

— Из-за пустого сновидения я было обидел тебя, дитя мое. Но тебя спасла судьба. Теперь уходи с миром к персам, я пошлю с тобой проводников. Там разыщи своих отца и мать.

И добавил с усмешкой:

— Только не таких, как Митридат и Спако!

«А каких? — думал мальчик, оставшись один.— Мои родители царского рода. Но они бросили меня. А Митридат и Спако меня любили. Так почему он смеется над ними?»

И снова — уже в который раз! — он пытался понять: почему он, Кир, внук царя, оказался в семье пастуха? Почему родители оставили его, отдали Митридату?

Сколько раз он пытался узнать это от слуг, от рабов, но у всех были запечатаны уста. И почему никогда, ни разу Спако, лаская и приголубливая его и называя его милым сыном, не проговорилась, что он вовсе не сын ей?

Теплые воспоминания о Спако увлажнили его глаза.

— Прощай, моя мать Спако! Прощай, мой отец Митридат!

Тут ему вспомнились слова Астиага:

— Так иди туда и живи с пастухами!

Вернуться... Снова войти в хижину под низкой кровлей, где кисло пахнет не просохшим от ночной росы пастушеским плащом, сотканным из грубой рыжей шерсти. Снова сесть за стол, на котором нет ничего, кроме сухих лепешек и молока. Снова гонять по горным пастбищам царевы стада и беречь их от диких зверей. И так всю жизнь — сегодня, завтра, послезавтра?..

Нет, он внук царя. Он сын царской дочери. Разве для того родился Кир в царской семье, чтобы остаться пастухом?

Нет! Но, когда он вырастет, он возьмет к себе и Спако и Митридата.

Он долго стоял у окна и смотрел на гаснущие вершины гор. И словно видел маленькую хижину, утонувшую в темной зелени, и людей, живущих там. Он стоял и плакал, прощаясь и с горами, и с лесами, растущими на них, и с дорогими сердцу людьми, которых он покидает.

Кир стоял и плакал, потому что ему было тогда всего только десять лет.

Письмо Гарпага

В доме отца Кира учили всему, что должен знать и уметь перс: ездить на коне, стрелять из лука и всегда говорить правду.

Учили Кира и тому, что не дозволяется делать. И опять прежде всего не лгать. Лживость считалась у персов самым постыдным из всех пороков. Чего нельзя делать, того нельзя и говорить.

Вторым после лживости важным пороком было иметь долги. И тут сказывалось отвращение ко лжи: ведь должник вынужден лгать!

Нельзя плевать в реку. Нельзя мыть руки в реке. И нельзя позволять кому-либо делать это. Река — божество. А богов надо почитать.

Богам не нужно ни храмов, ни алтарей. Глупцы те, кто делает это и кто представляет себе богов такими же, как люди.

Но жертвы богам надо приносить. Приносить жертвы надо Солнцу — оно согревает, дает жизнь, посылает урожай; Луне — она ведает водами; Земле — она кормит людей и кормит их стада. А также Воде, Огню, Ветрам — природе, от которой зависит жизнь человека.

Кира учили, как дòлжно вести себя с людьми. Кто с тобой одного звания, встретившись на улице, целуешь в уста. Если встретишь человека званием немного ниже, целуете друг друга в щеку. Если же повстречаешь знакомого, который гораздо ниже тебя по званию, тот должен пасть на колени и поцеловать тебе ноги.

Проходили годы. Кир стал сильным, красивым юношей. В кругу своих сверстников из знатных персидских семей Кир проводил веселые дни. И во всем он был первым. Никто лучше его не стрелял из лука, никто так отважно и красиво не умел скакать на коне, никто так метко не бросал копья. Кир превосходил всех, он был как луна среди звезд. И все его любили, потому что он был прост в обращении и умел вести себя так, что никого не подавлял и не оскорблял своим превосходством.

Может быть, веселые, пестрые дни цветущей юности Кира, которые мчались, полные приятных забот, путешествий, игр и развлечений, совсем отодвинули бы тяжелые воспоминания детства и мстительную ненависть к тому, кто сидит сейчас за семью зубчатыми стенами в Экбатане, к тому, кто держит в подчинении его отца, к тому, кто когда-то приказал убить его, Кира... Может, еще ждал бы Кир в бездействии поворота своей судьбы, если бы обо всем, что случилось тогда, забыл Гарпаг.

Но Гарпаг ничего не забыл.

Он был тем же преданным царю вельможей. Он охотно выполнял поручения Астиага, был всегда спокоен, всегда почтителен. Все, что ни делает царь, хорошо. Все, что он решает, мудро. Он весь принадлежит царю: пусть в любую минуту Астиаг потребует от Гарпага его жизни — Гарпаг умрет!

Но, приходя домой, он становился самим собою. Печальная тишина покоев неизменно напоминала ему о том маленьком живом человеке, который ушел отсюда, посланный на смерть рукой отца... Гарпаг видел его, он видел вдруг расширившиеся от страха глаза мальчика, когда, запнувшись, он остановился на пороге. Гарпаг протягивал руки, будто стремясь удержать ребенка, и тут же, опомнившись, бессильно опускал их.

И тогда он скрежетал зубами, и злым шепотом проклинал Астиага, и призывал на его голову гнев всех богов, какие только могут вмешаться в жизнь человека. И, устав от проклятий, плакал.

Гарпаг еще не знал, как отомстит царю. Но его мысль работала над этим неустанно. Он должен отомстить, и он это сделает. Но как? Что он может сделать Астиагу, человеку подозрительному и осторожному, который всегда окружен охраной за своими семью стенами? Как ему добраться до Астиага? Ведь не может же он собрать войско и захватить царя и потом казнить его так, как он заслуживает за свою свирепость! Гарпаг только родственник царя, но царем он никогда не будет.

И тут перед ним возникал Кир. Вот кто будет царем! Рано или поздно он будет царем. И он поможет Гарпагу отомстить за все. Только не надо дать Киру забыть о прошлом.

И Кир от времени до времени стал получать подарки из Мидии. То прибывали кони из Несейской равнины, самые лучшие лошади страны. которые славились своей выносливостью, быстротой и красотою. Подарок Киру от Гарпага.

То привозили египетский чешуйчатый панцирь, украшенный золотом,— подарок Киру от Гарпага.

То красивый, красный, расшитый золотыми птицами плащ, достойный царского плеча,— подарок Киру от Гарпага.

Кир принимал и благодарил. И Гарпаг знал, что юный Кир помнит о нем.

Годы шли. Гарпаг торопил их. По ночам, лежа без сна, он считал и подсчитывал, сколько лет теперь Киру. Гарпаг знал о мальчике все: что он растет, как выхоленное деревцо, что он лучше всех своих товарищей скачет на коне и стреляет из лука, что он красив, как молодая луна... Скоро, уж скоро станет Кир взрослым,

станет мужчиной, с которым можно будет вести серьезный и трудный разговор. Как он отзовется на то, что скажет Гарпаг?

А пока подрастал Кир, Гарпаг не терял времени. Осторожно, с опаской, с каждым порознь он вел тайные разговоры с мидийскими вельможами.

— Наш царь жесток,— говорил он.— Мы никогда не можем поручиться за то, что будет через день, через час. Нынче он тебе улыбается, завтра прикажет схватить и заковать в цепи, зарезать, пустить стрелу из-за угла. Как дальше жить с таким царем? И почему мы должны терпеть его?

А так как в редкой семье кто-нибудь не пострадал от Астиага, то придворные все больше прислушивались к Гарпаговым речам. Одни молча соглашались, другие робко отмалчивались. А третьи сами горели от ярости и готовы были на все, чтобы отомстить Астиагу за свои беды и горести.

И каждый спрашивал:

— А кто же у нас будет царем? Ведь у Астиага нет сына!

И Гарпаг каждый раз отвечал:

— Но у него есть внук!

Имя Кира постепенно проникало во все дома влиятельных людей. Мидийцам надоело трепетать перед взором Астиага, он утомил и раздражил их своей жестокостью, вспышками своей ярости, своим безграничным своеволием и вероломством.

Астиаг позвал к себе Кира.

Вельможи молчали и прятали глаза перед Астиагом. А царь, уверенный в своем могуществе, ничего не замечал, ничего не подозревал. У него не нашлось ни одного друга, который предупредил бы его. Вокруг были только враги. Астиаг достаточно потрудился в своей жизни для этого.

Наконец наступил день, когда Гарпаг решил открыть свой замысел Киру.

Но как сообщить ему об этом? Как узнать, согласен ли Кир стать их царем при живом царе? Эта игра такая, в которой на кон ставится жизнь. Астиаг, если победит, щедро расплатится казнями и пытками.

Как сообщить Киру? Кир живет в Персии. Все пути из Мидии охраняются стражей. Всюду лазутчики и шпионы. Письмо, отправленное в Персию, будет немедленно прочитано.

Пришлось пойти на хитрость. Гарпаг приказал доставить ему убитого зайца. Взяв зайца, Гарпаг заперся в своем покое. И там тайно, чтобы никто не знал и не видел, разрезал живот зайца и сделал это так искусно, что не тронул шерсти. В живот зайца он вложил свое письмо, в котором рассказал Киру, что готовится в Мидии. И снова зашил зайца. Потом он позвал своего самого верного слугу.

— Возьми зайца,— сказал он,— и возьми сеть. Если спросят, кто ты и куда идешь, скажи, что ты охотник, что ты охотился и вот поймал зайца, теперь идешь домой. А сам иди в Персию, в дом Камбиса. Найди Кира и пере-

дай ему этого зайца. И скажи ему, пусть он собственноручно разрежет зайца, но чтобы при этом никого не было.

Верный слуга не стал ни о чем спрашивать. Он взял зайца, сунул его в сеть и тотчас отправился в дорогу.

Молодой Кир удивился, когда, вернувшись с охоты, увидел человека, дожидавшегося его с зайцем. Но, заглянув ему в глаза, он скрыл свое удивление.

— Разрежь зайца, чтобы никто не видел,— шепнул ему слуга Гарпага.

Кир заплатил ему, сделав вид, что сам просил доставить зайца. Слуга тотчас ушел.

Кир, волнуясь, заперся в своем покое и, схватив кинжал, нетерпеливой рукой разрезал зайца. Осторожно раскрыв ему живот, он достал письмо.

«Боги хранят тебя, сын Камбиса,— писал Гарпаг,— иначе ты не поднялся бы на такую высоту. Отомсти Астиагу, своему убийце. Он желал твоей смерти. Ты живешь только благодаря богам и мне. Я полагаю, что все давно тебе известно: и то, как поступили с тобой, и то, как я наказан Астиагом за то, что не погубил тебя, а передал пастуху. Если пожелаешь довериться мне, будешь царем всей земли, в которой царствует теперь Астиаг. Склони персов к восстанию и иди войной на мидян. Если Астиаг назначит полководцем меня в войне с тобою, то случится желательное для тебя. Если же кого-нибудь другого из знатных мидян,— все равно, ибо мидийская знать прежде всех отложится от него и постарается вместе с тобой низвергнуть Астиага. Так как здесь все готово, то действуй, действуй возможно скорее».

Кир действует

Кир с пылающими глазами и крепко сжатым ртом долго сидел в одиночестве над посланием Гарпага.

«...Если пожелаешь довериться мне, будешь царем всей земли...» Царем всей земли!

«...действуй возможно скорее...»

Действуй! Но как действовать? Что надо делать?

«...склони персов к восстанию...»

Но как склонить? Если он сейчас начнет говорить об этом с персами, то кто поручится, что в ту же ночь не помчится какой-нибудь предатель к Астиагу с доносом?

Нет. Так просто это дело начинать нельзя. Посоветоваться с отцом? Но Камбис слишком робкий и осторожный человек. Он женат на царской дочери, а живет почти в изгнании. У него отняли и чуть не погубили сына, первенца, а он отдал своего сына, даже не пытаясь защищать его!

Нет, отец ему в этом деле не советчик.

Юный Кир в ту ночь не ложился спать. Мысли вихрились, не давали успокоиться. На секунду мелькнуло: а может, отказаться от всего этого чересчур рискованного дела?

Но только мелькнуло — Кир уже не мог отказаться от тех головокружительных перспектив, которые в таком блеске раскрылись перед ним.

«...будешь царем всей земли, в которой царствует теперь Астиаг».

«Но я никогда не буду таким царем, как Астиаг,— думал Кир.— Он злодей и убийца. Он не знает границ своей свирепости, его боятся и ненавидят. Я освобожу от него все порабощенные им народы и мидян тоже. Я верну свободу Персии. Персия! Как она придавлена, в каком она презрении! Я должен освободить страну моих отцов, страну моего народа. Я должен. Но как?»

Долго обдумывал Кир предстоящее ему дело. И наконец решил, что без хитрости ему не обойтись.

И вот что он придумал.

Кир написал письмо, поставил подпись Астиага, запечатал. И объявил всем, что письмо это получил от царя.

Чтобы прочитать письмо, он созвал персов — всех, кто мог прийти на площадь. Персы собрались, всем было важно знать, что пишет царь их соплеменнику Киру.

Кир вскрыл письмо и прочел его вслух. В письме говорилось, что царь Астиаг назначает своего внука Кира военачальником персов.

Известие это было принято хорошо. В первый раз с тех пор, как Мидия поработила Персию, военачальником над персами является перс. Сразу какие-то неясные, но радостные надежды засияли в глазах людей, какое-то оживление появилось в разговорах... В один голос они приветствовали своего нового военачальника Кира.

— Теперь, персы, слушайте меня,— сказал Кир, чувствуя, как радость и надежды народа приподнимают его и наполняют его сердце смелостью.— Предлагаю вам явиться сюда завтра с косами в руках.

Кир позвал не всех персов. Он отобрал наиболее уважаемых и влиятельных людей из рода Пасаргадов, Марафий, Маспий... Пасаргады — род, откуда происходят персидские цари. Из Пасаргадов и дом царского рода Ахеменидов, к которому принадлежал отец Кира, а значит, и сам Кир.

Когда те, кого позвал Кир, явились к нему с косами в руках, он приказал им выкосить за

один день огромный луг, совсем заросший бурьяном и терновником. Персы недоумевали, однако тотчас принялись за работу. Они верили, что Кир назначен Астиагом управлять ими, а при имени Астиага каждого пробирала дрожь. Они радовались, что военачальником назначен именно Кир — молодой перс, умный, рассудительный, смелый... Они только не могли понять, что придумал Кир и зачем заставил делать эту трудную рабскую работу.

К закату солнца луг был скошен. Он лежал чистый, росный, только косматые кучи бурьяна чернели на нем.

К концу работы Кир явился на луг.

— Я вижу, вы сделали то, что я велел. И сделали хорошо, хотя, как видно, вам пришлось как следует потрудиться. Теперь я прошу вас всех явиться сюда завтра, но предварительно хорошо омывшись.

Все так же недоумевая, персы разошлись по домам.

Ночью Кир приказал согнать в одно место отцовские стада — коз, овец, быков. Всю ночь шли приготовления к пиру: резали скот, жарили мясо, запасали вино.

Камбис ни во что не вмешивался. Он подозревал, что Кир затевает опасное дело, но понимал, что удержать и помешать ему он уже не сможет. Со страхом и радостной надеждой он следил за его распоряжениями и не мешал Киру.

Да и как помешать, если сам Астиаг назначил его военачальником!

Утром персы явились снова в ожидании: что же Кир заставит делать сегодня? Кир встретил их любезной улыбкой и пригласил расположиться на лугу. Слуги поспешно стали разносить мясо и вино, а Кир ходил среди гостей, угощал, приветствуя их, как самых лучших друзей и родственников. И по всему лугу зашумело веселье.

Пир окончился только к вечеру. Но прежде чем гости разошлись, Кир обратился к ним:

— Что вы предпочитаете, персы: вчерашнее или сегодняшнее?

Персы с улыбкой переглядывались.

— Между этими двумя днями большая разница! — отвечали они.

— Вчерашний день — одни лишь тягости, а сегодня — только удовольствия!

Кир тотчас подхватил эти слова.

— Таково ваше положение, персы,— сказал он.— Если вы последуете за мною, то будете пользоваться этими и многими другими благами, будете свободны от работ, которые дают только рабам. Если же не захотите, то будете обременены так, как были вчера. Поэтому идите за мною и будьте свободными. Я чувствую, что божеским определением назначен я выполнить это дело. А вас я считаю ничем не ниже мидян и к войне не менее их способными. Поэтому отлагайтесь от Астиага немедленно.

Слова эти были неожиданны и потрясающи. Восторженный гул долго стоял над лугом, где догорали пиршественные костры. Персы давно были готовы вступить в бой за свою свободу, но у них не было вождя.

Теперь вождь явился.

Первый бой полководца Кира

Так как у царя Астиага по всей стране бродили «подглядыватели и подслушиватели», то он очень скоро узнал, что происходит в Персии.

Астиаг был вне себя.

— Что он там делает! — кричал Астиаг.— Что он задумал? Я знал, я чувствовал. Боги не обманывали меня, они меня предупреждали!

Астиаг приказал немедленно послать вестника в Персию.

Пусть Кир сейчас же явится ко мне!

Молодой Кир встретил вестника очень спокойно. Он только что сошел с коня, вернувшись из дальней поездки: он ездил вербовать войска.

Кир стоял в простой кожаной одежде, в грубом плаще из толстой шерсти, который так хорошо защищает в непогоду. Кир в то время еще не знал роскоши и не стремился к ней. Только ножны его короткого, широкого меча, висевшего по персидскому обычаю у него на правом боку, сверкали золотом и дорогими камнями.

Кир выслушал приказание царя Астиага. Явиться в Экбатан, во дворец с семью зубчатыми стенами, и там умереть мучительной смертью! Разве не знает он своего деда?

В черных глазах Кира засветилась насмешка, похожая на угрозу.

— Передай царю Астиагу: Кир приедет к нему, и даже раньше, чем царь того желает.

С трепетом принес вестник царю эти дерзкие слова. И Астиаг тотчас приказал мидянам готовиться к войне.

Мидия встревожилась, зашумела.

— Ты не приедешь! — повторял Астиаг, грозя Киру.— Тебя привезут ко мне!

Он еще не знал, как накажет Кира. Но что наказание будет страшным, это он знал.

Со всех сторон Мидии шли в Экбатан отряды, вооруженные мечами, стрелами и копьями. Готовили обозы с продовольствием. Сгоняли скот, который на войне должен следовать за войском.

Чтобы подготовиться к походу, понадобилось

немало времени. Целый год прошел в этих сборах и приготовлениях. Астиаг хотел хорошенько снарядить свои войска, чтобы сразу усмирить восставшую Персию.

Но и через год Астиаг не тронулся с места. Ему захотелось отдохнуть перед войной. Астиаг не спешил, он был уверен в победе. Такое ли грозное государство Персия, чтобы Астиагу беспокоиться? Да и персы еще могут одуматься и прийти с повинной. Нельзя же всерьез принимать такого полководца, как этот мальчишка Кир.

Однако время шло, а персы по-прежнему отвергали власть Астиага.

Надо начинать войну. Мидийские войска готовы. Но кого же назначить полководцем?

И тут боги помрачили рассудок царя: он назначил своим главным военачальником Гарпага. Астиаг забыл, что он сделал этому человеку. Гарпаг, выслушав приказ, опустил ресницы, чтобы царь не увидел, какой жестокой радостью загорелись его глаза.

Гарпаг не стал медлить, он тут же повел войска на персидскую границу.

Царь, глядя из-за золотых зубцов своей крепости, как сверкают под солнцем копья уходящих солдат, сжимал бескровные губы с затаенным торжеством. Скоро эти войска вернутся обратно: Гарпаг — опытный воин и полководец, ему ничего не стоит усмирить Персию. Войска вернутся, а вместе с ними придет в Экбатан Кир. Вот тогда Астиаг поговорит с ним!

Каждый день Астиаг ждал вестей о победе мидян. Но вести пришли странные, ошеломляющие. Мидийские войска не стали сражаться с персами! В бой бросилась только небольшая их часть, не знавшая о сговоре Кира и Гарпага. А остальные или открыто вслед за Гарпагом перешли на сторону персов, или просто бежали, не желая сражаться.

Лишь только Астиаг услышал о таком позоре, он грозно воскликнул:

— Несдобровать же Киру!

И тотчас велел позвать магов.

— С кем из богов совещались вы, когда велели мне отослать Кира в Персию? Что видели вы, предсказывая мне мою судьбу?

Маги молчали, дрожа от ужаса. Они уже знали, что их ждет смерть.

— Если вы могли предвидеть, что так случится со мной, то предвидели ли, что случится с вами?

— Без тебя мы погибли бы, царь,— отважился возразить один из магов.— Твой сон предсказывал...

— Я знаю, что предсказывал мой сон,— прервал Астиаг,— мой сон предсказывал, что вы будете висеть на кресте!

Маги с воплями упали перед Астиагом. Они умоляли помиловать их и не казнить такой страшной смертью. Но Астиаг позвал охрану и приказал немедленно распять магов.

Стража схватила магов. И вскоре они уже висели на деревянных крестах, руки и ноги их были прибиты гвоздями к перекладинам, и стоны их разносились далеко вокруг.

Люди слышали их, но каждый спешил прочь.

— Да минует нас гнев Астиага!

Астиаг не оставался в бездействии. Проклиная Гарпага, проклиная себя за то, что доверился изменнику, он поспешно вооружал всех, кто еще мог носить оружие. И, кипя негодованием, не в силах спать по ночам, забыв о еде и отдыхе, Астиаг сам повел свое войско в поход против персов.

Три года длилась эта война. Напрасно стремился Астиаг разбить Кира и снова привести в подчинение Персию — он проигрывал сражение за сражением. Но он не успокаивался, он продолжал наступать, собрав в свои отряды даже мальчиков и стариков. Он все еще надеялся победить.

Наконец, к концу третьего года войны, Астиаг был разбит. В этом последнем сражении все его войско легло на поле боя на персидской земле. А сам Астиаг был взят в плен.

— Как ты поторопился, Астиаг,— сказал ему Кир.— Мог бы дождаться, когда я сам приду к тебе!

Астиаг в плену. Астиаг в темнице, в цепях. Астиаг в руках Кира.

«Сбылось предсказание богов! — думал Астиаг в тоске.— Они меня предупреждали, что так будет».

Но эти маги! Если бы можно было, он распял бы их и во второй раз. И в третий! И что теперь решит Кир? Что он сделает с Астиагом? А Мандана, его дочь, разве она не заступится за своего отца? Ведь он в конце концов не убил ее сына!

В то время, как пленный царь сидел и раздумывал о своей грядущей судьбе, к нему в темницу вошел Гарпаг.

В богатой кольчуге и плаще, с дорогим кинжалом у пояса, высокий, словно распрямившийся, он стоял и смотрел на Астиага. Он смотрел на него сверху вниз с высоты своего роста, и видно было, как он наслаждается этим зрелищем. Сейчас он мог как угодно оскорбить и унизить своего злейшего врага — Гарпаг так долго ждал этой минуты, и он ее дождался!

— Что такое рабство вместо царской власти,— сказал он наконец с горькой насмешкой,— по сравнению с тем пиром, на котором ты так знатно угостил меня?!

Астиаг вскинул на него острые, злые глаза. В них блеснула догадка.

— Уж не причастен ли ты к делу Кира?

Гарпаг усмехнулся:

— Не причастен ли! Да я сам все это обдумал. Я сам написал Киру и научил его, как надо поступить. Не причастен ли! Дело Кира — это мое дело!

Астиаг вскочил, громыхая цепью.

— Ты глупейший и бессовестнейший человек! — закричал он.— Глупейший потому, что мог бы сам быть царем, а ты сделал царем другого человека. И бессовестнейший — ты из-за пира, который тебе не понравился...

— Из-за пира! — с негодованием и слезами в голосе прервал его Гарпаг.— Из-за пира, который мне не понравился!

— Из-за пира, который тебе не понравился! — не слыша его, кричал Астиаг.— Ты из-за этого пира обратил в рабство мидян. Если уж тебе непременно нужно было другого царя вместо меня, почему же ты не сделал царем мидянина, а отдал царскую власть персу? Теперь ни в чем не повинные мидяне из господ стали рабами! А персы, бывшие рабы, стали господами их!

— Не ищи, на кого свалить вину за это,— сказал Гарпаг с презрением,— во всем, что случилось, виноват только ты сам, твоя свирепость. Мидяне не будут более несчастными под властью персов, чем были под властью безумного, бесчеловечного царя, который сам терзал свой народ!

И, более не слушая Астиага, Гарпаг вышел из темницы.

* * *

Так кончилось царство Астиага, продолжавшееся тридцать пять лет.

И так началось царство персидского царя Кира.

«Астиагу Кир не причинил никакого вреда и держал его при себе до смерти»,— этими словами заканчивает Геродот свое повествование о том, как молодой Кир победил Астиага и стал царем.

* * *

Кир любил персидские города Персеполь и Пасаргады. В этих городах, как наиболее укрепленных, хранились его сокровища, его государственная казна. Там же находились гробницы его персидских предков.

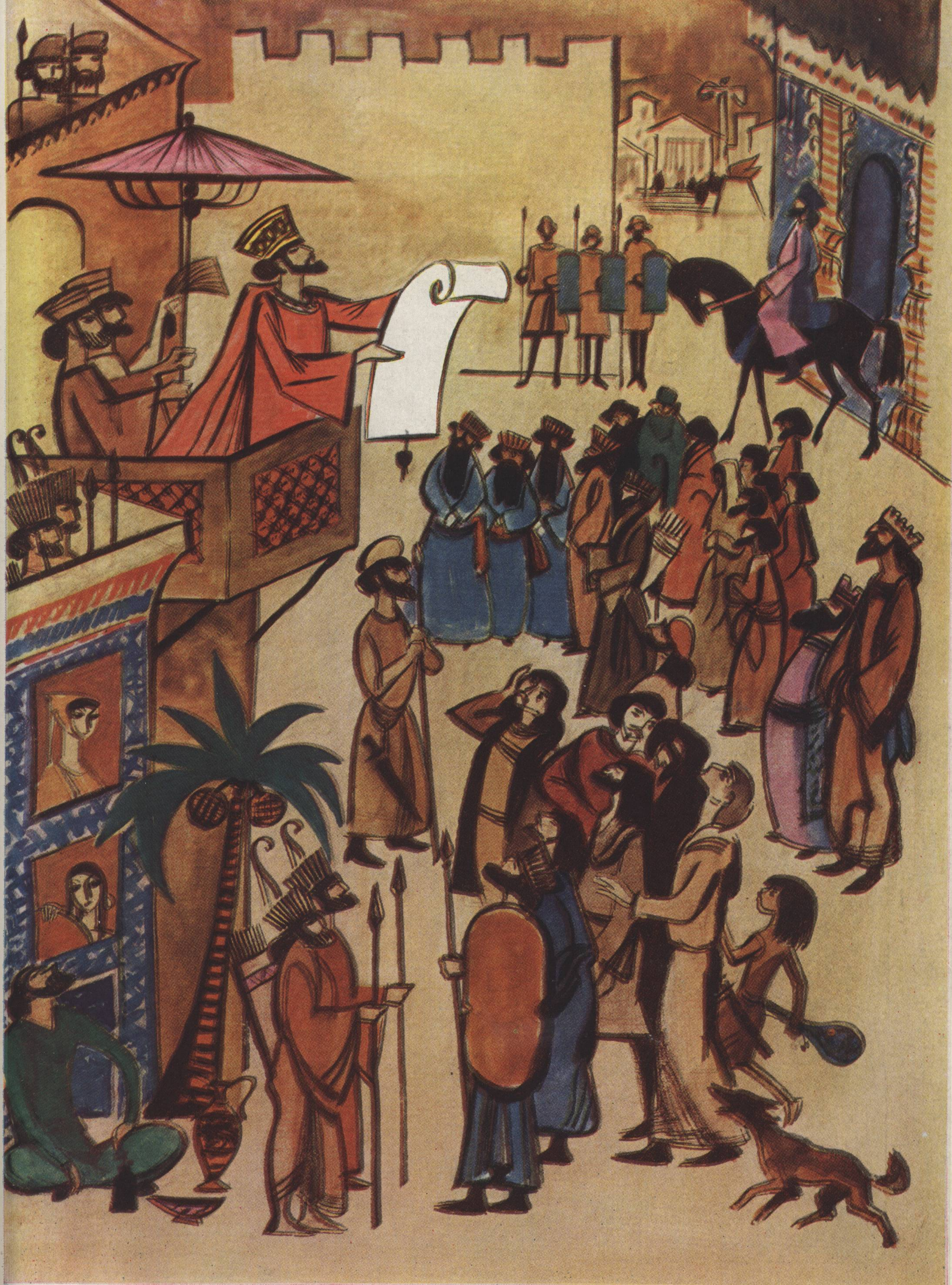
Но, став царем, Кир увидел, что эти города, да и вся Персия, лежат на окраине его большого государства. И что гораздо удобнее для его замыслов основать царскую резиденцию в Сузах, или в Сусах, как тогда говорили. Область Сусида находилась в глубине страны, ближе к Вавилонии, у моря, и побережье ее тянулось почти до самого устья Тигра.

Кир украсил и укрепил Сусы. Он возвел крепкие городские стены из обожженного кирпича и асфальта. Построил там дворец, который был роскошнее всех дворцов Персии и Мидии.

Однако жить там он мог только зимой. Сусида была очень плодородная страна. Река Хоасп, на которой стояли Сусы, была свежая и чистая. Но высокие горы на севере Сусиды перехватывали холодные, северные ветры, и они проходили поверху, не опускаясь в Сусы. И поэтому в летние месяцы в городе стояла такая жара, что даже ящерицы и змеи не успевали переползти улицу: сгорали посреди дороги,— а рассыпанные на открытом месте ячменные зерна начинали прыгать, как в сушильных печах. Из-за жары жителям приходилось покрывать крыши толстым слоем земли, чтобы укрыться от солнца.

Кир, выросший в холодной гористой Мидии, не выносил этой жары и на лето переезжал в Персеполь, в Пасаргады. А чаще всего — в страну своего детства, в город Экбатан, где попрежнему за семью стенами стоял царский дворец.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

КАК ПИФ ВСТРЕЧАЛ НОВЫЙ ГОД

С НОВЫМ ГОДОМ!

ПРОСТИТЕ, Я НЕЧАЯННО...

НИЧЕГО, ПЕРВЫЙ БЛИН ВСЕГДА КОМОМ

С НОВЫМ ГОДОМ!

ХЛОП!

ЧТОБ ТЕБЯ!

ПРЕКРАСНАЯ МЫСЛЬ!

С НОВЫМ ГОДОМ!

ТСС... ТСС... ПРЕДОСТАВЬТЕ ЭТО МНЕ

ВОТ ТЕБЕ В ПОДАРОК ОТЛИЧНАЯ ХЛОПУШКА

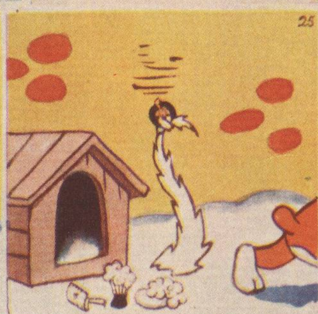
ЖЖЖИК!

БУММ!

ХЛОП!

НУ, ПОДОЖДИ, ГОЛУБЧИК...
ГРР!

ОН ДУМАЕТ, ЧТО ОН ОТ МЕНЯ ИЗБАВИЛСЯ.... ПОСМОТРИМ!

ОН ОПЯТЬ ЗДЕСЬ?!

ПЛЮХ!

ТЕПЕРЬ ЗА ДЕЛО ВОЗЬМУСЬ Я...

С НОВЫМ ГОДОМ!
СПАСИБО ЗАХОДИ, ПОЖАЛУЙСТА

ПОПРОБУЙ НАШЕГО УГОЩЕНЬЯ!

ОТ КОСТЮМА ПРИДЁТСЯ ОТКАЗАТЬСЯ...

МММ.... КАК ВКУСНО!

СКОРЕЙ, ПОКА ОН ЗАНЯТ!

НО ОТ ИДЕИ — НИКОГДА!

С НОВЫМ ГОДОМ!
СПАСИБО, И ВАС ТАКЖЕ!

С НОВЫМ ГОДОМ!

Вот она, летучая мышь. Из всех четвероногих только она одна приобрела способность летать.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

МАСТЕРА НАВИГАЦИИ

Пер ХАФСЛУНД,
норвежский ученый

Никакое другое живое существо не было для меня так интересно, как летучая мышь. Мальчишкой я изобретал разные способы, чтобы поймать хоть одну летучку и поселить ее у себя в комнате. Из носовых платков делал маленькие парашюты с грузиком и вечерами подбрасывал их в нашем саду, воображая, что смогу таким образом поймать хоть одну летучку, когда они будут кружить между деревьями. Потом я придумал другую ловушку. Развесил на сучьях и кустах простыни и прятался в засаде, с сачком наготове. Но мне снова не везло.

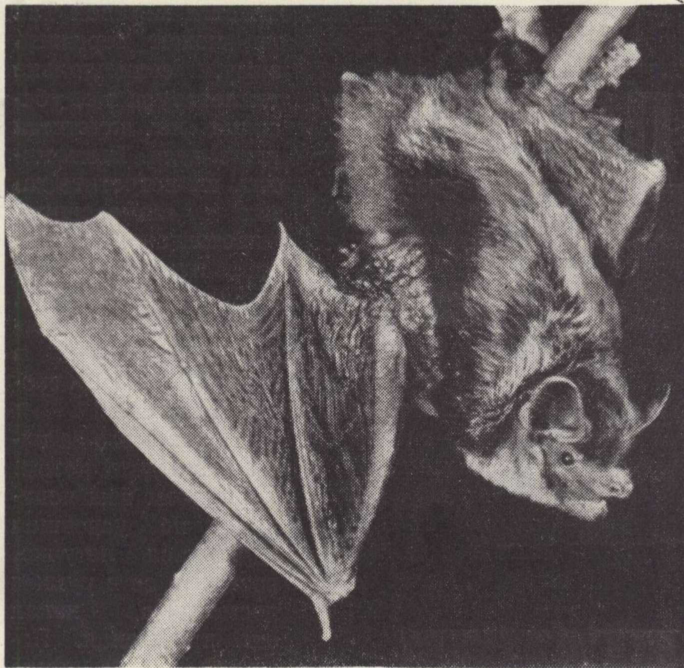
Много позже, когда я уже стал взрослым, я понял, почему в детстве меня преследовали неудачи. Прежде всего нужно было отыскивать места, где летучки прячутся на день. Они ведь охотятся по ночам, а днем спят. Обычно они забираются в дупла деревьев, в щели стен и скал, на чердаки. Иногда я находил их за ставнями и за оконными наличниками.

Теперь ловить их мне не стоило никакого труда. Я хватал мышей прямо руками, и они даже не пытались ускользнуть. Сначала меня это поражало, а потом я узнал, что во время сна температура тела у них понижается и сравнивается с температурой воздуха. То же самое бывает и во время зимовки. Летучка висит совершенно неподвижно и даже кажется мертвой. Так она может пережить зиму, если только температура в ее убежище не опустится ниже нуля. Быть может, вы встретите таких «замерзших» животных — не трогайте их: нужно быть очень осторожными, чтобы они снова могли погрузиться в спячку, иначе им грозит гибель.

Лучше всего за ними наблюдать летом. Если днем вам попадется не успевшая спрятаться летучка, возьмите ее в руки и посмотрите, какая она крошечная. Пожалуй, нет на земле млекопитающих меньше нашей северной летучки. Шерсть у нее длинная и мягкая, а крыло-перепонка на ощупь кажется холодной и скользкой. Возьмите мышь за кончики крыльев. Перепонка растянется, и вы увидите летучку в полной красе. Посмотрите, как устроены ее крылья, — совсем не так, как у птиц. Тонкая кожаная перепонка распрямляется во время полета и как бы опирается на воздух, а пальцы служат каркасом, как лонжероны в крыле самолета.

Глаза у летучек крошечные, их не сразу и заметишь, Они слишком слабы, чтобы управлять ее быстрым и вертким полетом в темноте. Так как же удается летучим мышам их воздушная акробатика? Ведь им ничего не стоит ночью пролетать между деревьями, не зацепившись ни за один сучок. Объяснение оказалось простым: полетом управляют уши, которые у летучек чудовищно велики. Когда-то я был убежден, что ни у одного животного нет таких громадных ушей, как у африканского слона, но теперь я знаю, что самое ушастое животное в мире — длинноухая летучая мышь. Именно уши и еще голос летучих мышей дают им картину окружающего мира, помогают ориентироваться.

Давайте (мысленно, конечно) отправимся в полет вместе с мышью. Вот она поднялась в воздух, и во все стороны понеслись звуки. Мы этот писк не слышим, такого он высокого тона: пятьдесят тысяч звуковых колеба-

Поздний вечер. Летучка проснулась. Сейчас она расправит крылья и улетит.

этой волне она особенно хорошо слышит отраженный звук.

Аппетит у летучек чудовищный. Они насыщаются, только когда проглотят корм, равный пятой части своего веса. Представляете, сколько ей нужно охотиться, — ведь почти весь ее корм — это насекомые, которых она ест на лету. А сколько вредных мошек гибнет в этой маленькой зубастой пасти! Так что запомните, летучки — наши друзья.

Как-то мне довелось узнать, что в нашем городке есть сеновал, где видели летучих мышей. Я решил отправиться туда. В сарае было темно, как в пещере, пыльно и полно паутины. Я ползал на четвереньках, обшарил все балки и щели и уже совсем отчаялся, когда мой фонарик выхватил из темноты пар двадцать большущих, как раструбы, ушей, которые отчаянно качались и двигались. Только уши и можно было разглядеть; их владельцев скрывала от меня балка. Некоторое время я неподвижно смотрел на все это и вдруг, сам не знаю почему, замычал басом: «Му-у, му-у, му-у!» Однако это не произвело никакого впечатления. Тогда я пронзительно завизжал: «Хи-и, хи-и», — и тут все уши пришли в особое волнение. Они поворачивались и раскачи-

ний в секунду! Впрочем, мышь тоже не слышит себя, но по другой причине: она словно глохнет, когда издает звуки, зато ловит эхо — звук своего голоса, отраженный от предметов. Эхо рисует ей картину ночного мира в звуках, подобно тому, как мы видим ее в красках.

Вот мышь приближается к скалистому склону, ее крик звучит все чаще — перед ней звуковая картина массивной преграды, и мышь, словно падая на крыло, делает резкий поворот. Путь снова свободен: ни деревья, ни скалы не мешают полету. Секунда — и эхо доносится справа! Теперь оно совсем другое. Мышь бросается прямо на него: на «звуковом экране» появилась муха. Бедняга моментально попадает в раскрытую пасть и исчезает за булавками острых зубов. Снова сигнал! Эхо сообщает о летящей бабочке; быстрый поворот — и бабочку постигает судьба мухи. Так летучка охотится, кормится, живет.

«Видят» летучки недалеко: уже на расстоянии в полтора-два метра все для нее как бы в тумане. Но, как бы близко друг возле друга ни кружились мыши, это им не мешает. Чужие сигналы не вызывают путаницы. Дело в том, что каждая посылает сигналы только на своей волне, и именно на

Под этим снимком Пер Хафслунд сделал шутливую подпись: «Простите?»

вались из стороны в сторону. Это было уморительно. Уморительно и любопытно.

Было ясно, что уши настраиваются на прием звуков высокого тона. Я осторожно взял одну из летучек за шерсть на загривке. Она сразу же защебетала, застрочила, как пулемет, и стала вертеть головой, показывая острые зубки. Угрозы эти были мне знакомы, и совсем не хотелось снова подставлять пальцы. Невзирая на неистовые протесты, я отправил ее в коробку…

Никогда не забуду и другой случай. В чудесный июньский вечер мы с приятелем сидели на скамейке возле маленького озерца. Садилось солнце, и медленно наползали сумерки. Вот уже несколько часов подряд мы ждали, когда сюда прилетит на ночлег ворон. Незаметно облака рассеялись, небо побледнело, и только на западе горела красная полоска. Несколько лет назад нам довелось услышать здесь трескучее «крэкс, крэкс» коростелей, обитавших за рекой, на лугу. Луг зарос. Пришел в ветхость летний сарай с сеновалом, и давно уже не слышно криков коростелей. Не успел я мысленно пожалеть об этом, как услышал знакомое «крэкс, крэкс» где-то со стороны горы. «Слышишь, там!»

Я схватил Арнульфа за руку. Он кивнул и судорожно затянулся своей пустой трубкой. Я смял сигарету. Звук слышался непрерывно, ритмично усиливаясь и замирая.

Не отрываясь, я смотрел на гладкую поверхность воды: неужели нам так повезло и удастся сейчас сфотографировать птиц или найти гнездо с самкой, сидящей на яйцах? Но что это там плеснуло — утка? Нет, вряд ли. Может быть, рыба? Я напряженно раздумывал, что бы это могло плыть к берегу, прямо к нам. В полутьме смутно различалось что-то движущееся.

В это мгновение Арнульф рванулся вперед, поскользнулся на камнях и, едва удержав равновесие, вошел в воду по край высоких сапог. «Я поймал, Пер, — закричал он, — ты знаешь, что это? Это летучая мышь!» Я плюхнулся рядом с ним. В его руке была мокрая летучая мышь! Оскалив острые зубки, она приготовилась защищаться. То ли от ужаса, то ли от ярости она издавала какой-то крэкающий звук.

Приходилось нам сталкиваться со всякими удивительными вещами, но это превосходило все виденное. Мы сели у воды, и Арнульф, разжав пальцы, выпустил мышь. Она повернулась и поползла вверх по рукаву его рубашки; повыше локтя она остановилась и отряхнулась, как крошечная собачонка, потом снова поползла вверх. На плече отряхнулась еще раз и, расправив крылья, исчезла в темноте. Мы были счастливы, что оказались зрителями, перед которыми летучки продемонстрировали свои способности пловчих.

И как вы думаете: какой они избрали стиль? Ну конечно же, баттерфляй. Скорость? Пожалуйста: мышь, за которой я однажды следил с секундомером в руках, плыла, не отставая от меня, а это совсем неплохо для зверька в два дюйма длиной!

Перевод Ю. БАЕВСКОГО.

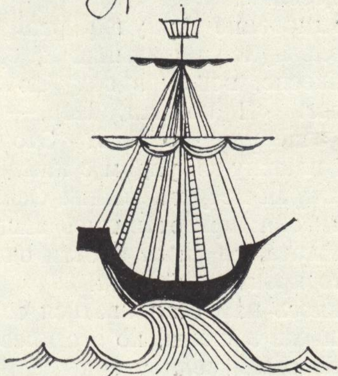
Рисунок Н. СТЕПАНОВА

Евгений РЕЙН

ФОНАРЬ

Я — электрический фонарь,
Я освещаю тьму,
И если грустно вам идти
Куда-то одному,
От фонаря
До фонаря
Шагайте, где светлей.
И станет вам и станет вам
Гораздо веселей.

КОРАБЛИК

печатает только тебя

Повторение

«Ты мое повторенье, повторенье мое»,—
Так звенят мне сосульки тающим днем.
«Ты мое повторенье»,— плачут снега,
«Ты мое повторенье»,— кричат облака.
«Ты мое повторенье, ты мое
повторенье»,—
Шелестит тихий ветер, играя
деревьями.
«Ты мое повторенье,— шепчет мне
иней,
Повторенье всего, что на свете есть
зимнего,
Повторенье всего, что на свете
весеннего,
Ты прекрасного в мире всего
повторенье».

Оля РОМАНЕНКО,
12 лет.
г. Рига.

Стихи Оли Алексеевой

Оле пятнадцать лет. Живет она в городе Мелитополе.

●

Коридоры длинные
Вот уж давно утихли.
Засопели палаты,
В подушки носами уткнувшись.
Верно, сотые сны
Видят наши смешные рахиты.
А один все ворочается,
Внезапно ночью проснувшись.
Незнакомые стены,
Огни за окном н е т а к и е,
Незнакомые шорохи
Нарушают палатную тишь.
Человеку не спится
Оттого ли, что окна другие?
Оттого ли, скажи мне,
Ты, человек, не спишь?
Человеку пятнадцать.
Он прощается с четырнадцатилетьем;
Бессловесно прощанье,
Без разных там глупых слов.
За окном фонари,
И бульвар от них мертвенно-светел,
Будто соткан из всех
Существующих в мире снов.

Летний ливень

Прогрохотало где-то,
Где-то на краю земли.
И пришло к нам лето —
Дожди его привели.

«Ветер». Линогравюра Володи Дворцова,
г. Сасово.

Разлились они реками,
Потоками разлились.
От дождливой тяжести ветки
Наклонились вниз.
Затопило сад лужами,
Из-под них не видно земли.
А гроза, как охотники с ружьями,—
Постреляли и ушли.

Небо

Небо, как каша манная,
Что стояла три дня и прокисла.
Небо такое странное,
Что я удивленно присвистнула.
Но сравненье пришло потом,
А пока я
ошеломленно
Смотрела на небо
С чуть-чуть приоткрытым ртом,
Его странностью удивленная.

«Маяк светит».
Линогравюра Юры Журавлева, г. Сасово.

ИЗ ПОЧТЫ «КОРАБЛИКА»

Чем мне нравится «Кораблик»?.. Да вот чем.

Дома все для тебя есть. Но еще есть у тебя дома свой уголок, или у меня был кукольный уголок. Так и в «Пионере» все для тебя: и стихи, и рассказы, и повести; но есть и в «Пионере» уголок, который всех теплее. Туда ты пишешь все, что думаешь.

Вот чем нравится мне «Кораблик».

Оля ЦЫЦЫЛИНА,
13 лет.
Село Чемал, Алтайского края.

Сухостой

Здесь плесень захлестнула сухостой,
Легли стволы в туманную кровать.
Иголки хвои в плесени — как соль;
Здесь жизнь уже не будет вышивать.

Зажаты в пальцах скрюченных корней
Грибы сухие — пригоршни монет.
Земля крива, а эти корни в ней —
Как жилы, где ни капли крови нет.

Но чувствуется всюду некий ритм;
Так дождь настойчиво по стеклам бьет.
И почему-то сжалось все внутри,
Как будто выжимают там белье.

Так, значит, грусть лежит не только
в травах,
Сверкающих росою на заре,
А вот в стволах, нестойких и корявых,
Что рухнут при морозе в январе?

Они в последнюю вступили осень.
Им, старым, ветхим, тоже, верно, грустно.
Мы чувствуем друг друга, даже очень.
Не потому ли ель сухая с хрустом,

Как старый доктор, вникнув в думы эти,
Проводит мне суком широким по лбу?..
Шершавыми рывками грубый ветер
Деревья разрывает, будто воблу.

Митя ЩЕДРОВИЦКИЙ,
14 лет.
г. Москва.

●

Травинка зимой

Травинка из снега торчит,
Тень на дороге лежит.
Как сухой травинке,
Должно быть, холодно зимой!
Какая печаль на травинке
той!..
Ветер набежал —
И травинку сорвал.
Сорвал и унес неизвестно
куда —
Не осталось от травинки следа.

Коля СЕМЧЕНКО,
13 лет.
Станция Верино, Хабаровского края.

СТАРЫЙ ИСПАНЕЦ

Вит. ЗЛОТНИКОВ

Рисунки В. ПЕРЦОВА

Когда началась война, отец сразу ушел на фронт, а мы с матерью эвакуировались из Москвы. На небольшой железнодорожной станции на Урале жила мамина сестра, тетя Дуся. Ее муж тоже ушел на фронт, детей у них не было, и она очень звала нас к себе. Маму не пришлось долго уговаривать, и через два дня после получения письма мы уже ехали в душной теплушке на Урал.

Ехали мы очень долго — больше двух недель. Тетя Дуся встретила нас на вокзале. Они с мамой бросились друг другу навстречу, обнялись, и обе заплакали. И в этих слезах смешались радость и горе, и больше было горя.

Но мне было только семь лет, и я ничего еще не понимал. Меня все очень развлекало: поездка в вагоне, новые места, новые люди. В поселке, где жила тетя Дуся, мне понравилось больше, чем в Москве. Как ни странно, но здесь для меня было больше простора. Для меня огромная Москва была маленькой, она ограничивалась нашим двором на Таганке и редкими короткими прогулками до ближайшего «Гастронома». Здесь же я бродил по всему поселку. Я быстро нашел себе друзей и почти все время проводил с ними. Особенно подружился я с одним мальчиком, моим ровесником, которого звали Сережей. Они с матерью эвакуировались из Ленинграда и тоже приехали сюда к родственникам.

Первое время мама и здесь пыталась ограничить мою свободу, но тогда вмешалась тетя Дуся:

— Ничего с ним не приключится. Машины здесь почти не ходят, а на станцию он бегать не будет, ему там нечего делать. А если пойдет с ребятами на речку, что ж тут такого?

— На речку?! — испугалась мама. — Вадик ведь не умеет плавать.

— Ну вот, как раз и научится, — резонно возразила тетя Дуся.

В общем, после непродолжительного пререкательства победу в споре одержала тетя Дуся, и я получил свободу передвижения. К тому же еще мамы целыми днями не было дома, и за мной некому было следить. Тетя Дуся работала на станции кассиршей, а маму она устроила уборщицей. До войны мама училась в педагогическом институте на последнем курсе филологического факультета.

В поселке, кроме нас, были и другие эвакуированные из разных городов. У большинства из них не было здесь никого родных, и они просто жили на квартирах у чужих людей. И среди них был один старик — испанец. Он принимал участие в испанской рево-

люции и после поражения республики эмигрировал в Советский Союз. Все эти годы он жил в Москве, а в начале войны очутился вместе с нами на Урале. По-русски он говорил с очень сильным акцентом, и его даже несколько раз принимали за немецкого шпиона и водили в комендатуру. А его квартирная хозяйка, бабка Лукерья, и не сомневалась в том, что он немец. Звали его Хосе Дельгадо, а у нас в поселке его шутя называли дон Хосе. Это «дон», конечно, очень не шло к простому астурийскому горняку, и он всегда злился, когда его так называли.

— Какой я вам «дон»! — возмущался он, горячо жестикулируя мозолистыми руками. — Я рабочий, я шахтер, я воевал в революции!

Он жил недалеко от нас и часто заходил к нам в гости. Он очень любил поболтать и целыми часами без умолку рассказывал об Испании, о революции, о своей жене и сыне. Сын сражался вместе с ним за республику и сейчас сидел в тюрьме. Старик очень надоедал своими рассказами, и его приход ни у кого не вызывал особого восторга. Но особенно невзлюбила его почему-то тетя Дуся.

— Опять этот болтун! — говорила она громко, едва завидев в сенях его старые галоши в заплатах.

— Тише! — испуганно говорила мама. — Он услышит.

— Да черт с ним, пусть слышит! У нас у всех сейчас мужья на фронте, и неизвестно, вернутся ли, а он тут точит лясы без дела.

Но дон Хосе продолжал к нам заходить. И, конечно, главной его слушательницей была моя терпеливая мама. Наболтавшись вдоволь, он уходил на работу. Работал он в магазине на станции ночным сторожем. И через несколько минут после его ухода приходила бабка Лукерья. Она опасливо поглядывала на дверь, за которой только что скрылся ее квартирант, и быстрым шепотом говорила:

— Немец он. Самый что ни на есть настоящий немец. Я их еще с той войны помню, все они одинаковые. Помяните мое слово: быть от него беде!

Тетя Дуся со злостью перебивала ее:

— Ты-то еще тут расквакалась! Замолчи!

Бабка Лукерья испуганно замолкала. Она знала, что тетя Дуся никогда не позволит себе пальцем до нее дотронуться, но все равно ей было страшно. Бабка Лукерья была маленькая, а тетя Дуся огромного роста, со здоровенными кулаками. В поселке даже мужчины опасались с ней связываться.

Однажды дон Хосе предложил маме учить меня испанскому языку.

— Мне нечем вам платить за уроки, — ответила мама.

— О-о-о! Не надо мне платить. Давайте мне за один урок один кусочек хлеба.

— У нас нет лишнего хлеба.

— О-о-о! Не надо хлеб. Давайте мне за каждый урок две картошки.

Картошка у нас пока еще была, и я стал заниматься с доном Хосе испанским языком. А чтобы мне не было скучно, я уговорил заниматься вместе со мной своего лучшего друга Сережку. Причем его мать сторговалась с доном Хосе не за две картошки, а за полторы. Все-таки они были из Ленинграда, из осажденного, но не сдающегося героического Ленинграда, и дон Хосе согласился брать с Сережки меньше, чем с меня.

На занятия мы ходили к дону Хосе. После первого же урока к нам пришла бабка Лукерья и все рассказала тете Дусе:

— Посадил он их перед собой и начал тарахтеть по-немецки, а те сидят, бедняжки, и ушами только хлопают. Помяните мое слово: добром это не кончится.

Услышав это, тетя Дуся возмущенно всплеснула руками:

— Ах, старый черт! На детях нажиться решил!

— Ну что ты, Дуся! — возразила мама. — Вадику совсем не помешает испанский язык. Каждый культурный человек должен владеть хоть одним иностранным языком. И потом ведь они с Сережей в школу еще не ходят и у них много свободного времени.

— Да на кой черт он ему нужен?! — не сдавалась тетя Дуся. — Война идет, люди умирают, голодают. Да из этих картошек суп можно наварить на всю семью.

— Вот именно, — поддержала ее бабка Лукерья.

Тетя Дуся была старше мамы на десять лет, и обычно мама ее слушалась. Но на этот раз она все-таки настояла на своем, и наши занятия продолжались.

Дон Хосе, конечно, абсолютно не владел никакими педагогическими навыками и обучал нас самым примитивным методом. Он говорил отдельные слова и предложения и велел нам повторять их и заучивать наизусть.

— La mujer, — говорил он и показывал на бабку Лукерью.

Она испуганно крестилась.

— La mujer, — повторяли мы с Сережкой.

— Veo, — говорил дон Хосе.

— Veo, — повторяли мы.

— Veo la mujer. — Я вижу эту женщину.

— Veo la mujer, — говорили мы.

Дон Хосе слушал нас и приходил в восторг.

— О-о-о! Мол-од-цы! — восклицал он и заставлял нас повторять одну и ту же фразу много раз. Сам же он в это время закрывал глаза и так, с закрытыми глазами, слушал нас, и на лице его было такое наслаждение, как будто он слушал музыку.

Через несколько уроков Сережкиной матери стало жаль отдавать картошку, и Сережка сказал, что больше заниматься не будет. Тогда моя мама втайне от тети Дуси стала давать дону Хосе по три с половиной картошки — за меня и за Сережку. Дон Хосе требовал, чтобы мы занимались с ним ежедневно, и очень скоро наши запасы картошки заметно поубавились. Тетя Дуся все косилась на худеющий с каждым днем мешок и наконец сказала маме:

— Вот что, Галя, давай-ка кончать с этим. Я ведь не о себе стараюсь, мне Вадьку жалко. Войне не видно ни конца, ни краю, а ты картошку отдаешь ни за что ни про что.

Бабка Лукерья, как всегда, поддержала ее:

— Вот именно.

У мамы показались слезы на глазах, но она ничего не ответила. Она понимала, что тетя Дуся права. Она пошла к дону Хосе и сказала:

— Извините, но Вадик больше не сможет заниматься с вами.

На лице дона Хосе появился испуг.

— Как не сможет?! Почему? — спросил он.

— У нас картошка кончается.

— О-о-о! Я буду брать по одной картошке.

— И по одной картошке мы больше не сможем давать, — ответила мама и совсем покраснела от смущения.

— О-о-о! Тогда мне ничего не надо давать, — сказал дон Хосе. — Я буду с ним заниматься без давать... как это у вас говорится?...

— Бесплатно, — подсказала мама, не поднимая глаз.

И он закивал головой и замахал руками.

С этого дня мы стали заниматься с доном Хосе бесплатно. Но на занятиях это не отразилось. По-прежнему мы занимались каждый день по два, а то и по три часа.

— Совсем замучил ребят, — продолжала ворчать тетя Дуся, а когда мамы не было дома, шептала нам с Сережкой: — Да бросьте вы этого болтуна! Какой от него толк? Понимаю, учил бы чему-нибудь дельному, а то — эс, парэс, устэс...

Тетя Дуся очень похоже копировала дона Хосе, и мы смеялись. Нам с Сережкой и без того стал надоедать испанский, и, если бы не уговоры моей мамы, мы бы давно его бросили. Другие ребята бегали по улице, играли в прятки, лазили по деревьям, а мы по нескольку часов в день долбили испанский.

— Ну его! — сказал как-то Сережка. — Не хочу больше заниматься испанским. Давай бросим! Завтра ребята за ягодами пойдут в лес, и мы с ними пойдем, а к дону Хосе не пойдем.

Я подумал и согласился с ним. Несколько дней мы избегали дона Хосе, а встретив его, сказали, что мы съели ядовитых ягод, и с тех пор у нас болит голова. Дон Хосе поверил нам и терпеливо ждал, когда мы выздоровеем.

— Не прошла голова? — спрашивал он нас.

— Нет еще, — отвечали мы.

А потом Сережка набрался храбрости и прямо заявил ему, что нам надоели занятия.

— Если бы вы нас чему-нибудь дельному учили, а то так — ерунда, — повторил он слова тети Дуси.

Дон Хосе так расстроился, что я подумал, что он вот-вот заплачет. У него и в самом деле навернулись на глаза слезы. Он хотел нам что-то сказать, но от волнения не смог подобрать нужные русские слова. Он ушел, так ничего нам и не сказав.

Мы перестали заниматься испанским и наслаждались свободой.

Началась зима, выпал снег. Мы катались с гор на лыжах и санках, играли в снежки, разделившись на два лагеря — на «немцев» и «русских». Причем нас с Сережкой всегда делали «немцами» за то, что мы занимались испанским. Как раз в это время пришло извещение с фронта, что Сережкин отец геройски погиб.

Внешне Сережка ничем не выражал своего отношения к гибели отца и никогда не говорил об этом. И только когда мы играли в войну, он больше никогда не соглашался быть «немцем», а всегда хотел быть «русским».

Прошло недели три. За это время мы несколько раз встречали дона Хосе. Но он так был на нас обижен, что каждый раз при встрече с нами отворачивался. К нам в гости он тоже перестал заходить. Бабка Лукерья говорила тете Дусе, что «немец» тронулся.

— Ходит целыми днями из угла в угол и сам с собой по-немецки разговаривает.

Как-то раз мы с Сережкой стояли на улице около нашего дома и вдруг увидели дона Хосе.

Он быстро шел, опустив голову. Я подумал, что он нас не заметит. Но он нас заметил и на этот раз не стал отворачиваться, а даже сам подошел к нам.

— Buenas dias! — поздоровался он по-испански.

— Buenas dias! — ответили мы ему.

— Ну что, — спросил он, — будете заниматься?

— Да ну его! Не хотим! — ответил за нас двоих Сережка.

— А если я вам за каждый урок буду платить картошку?

Сережка посмотрел на меня, а я на него. Перспектива самим зарабатывать и этим приблизиться к взрослым была, конечно, заманчивой.

— Если будете давать картошку, тогда будем, — ответил Сережка.

Дон Хосе просиял.

— О-о-о! Правда?! Тогда пойдемте. Сейчас пойдем заниматься!

Он быстро пошел вперед, потому что стоял мороз, а на нем было старое и холодное демисезонное пальтецо.

Мы пошли за ним. Нам не терпелось получить свой первый заработок.

Он стал нам «платить» за каждый урок по одной картошке на двоих, и мы с Сережкой по очереди брали эту картошку. Когда я в первый раз получил свою картофелину, то испытывал необыкновенную радость и гордость. Я положил картошку в карман и побежал домой. Мне не терпелось похвастать перед мамой и тетей Дусей первым заработком в своей жизни. Но внешне я решил не проявлять своего восторга. Я вошел и с таким безраз-

личным видом положил картошку на стол, как будто это было для меня делом привычным.

— Это откуда у тебя? — поинтересовалась тетя Дуся. — Стащил где-нибудь?

— Почему это стащил?! — обиделся я. — Заработал.

И я рассказал обо всем маме и тете Дусе. Тетя Дуся пришла в восторг и просила меня повторить еще раз мой рассказ.

— Вот это да! — говорила она восхищенно. — Вот это здорово! Молодцы!

— Не понимаю, чему ты радуешься? — хмуро произнесла мама. — Это же нечестно. Это просто какая-то подлость, низость. Ведь это почти воровство.

— Сиди ты! — сердито оборвала ее тетя Дуся. — Подлость! Да этот старик за одну несчастную картофелину из них три пота выжимает. С него бы надо брать по килограмму за урок. Смотри, какую картошку дал, и смотреть не на что. И где только он такую раскопал? А ты: «Подлость»! «Воровство»!

— Ладно, делайте как хотите, — обиженно сказала мама. — Я больше ни во что не вмешиваюсь.

Дон Хосе стал говорить с нами только по-испански, и мы скоро научились его понимать и понемногу заговорили сами. Для него занятия с нами были праздником, и он готов был держать нас у себя целыми днями. Теперь у него не было необходимости надоедать своими рассказами маме. Теперь слушателями были мы, да к тому же с нами он говорил на своем родном языке.

Мы знали, что у дона Хосе остались в Испании жена и сын. Но мы не знали, что у него есть и второй сын. И этот второй сын был полицейским, и, чтобы выслужиться, он помог поймать своего брата и упрятать его в тюрьму. А матери он запретил писать письма отцу в Советский Союз, и дон Хосе даже не знал, жива его жена или нет. Дон Хосе ни разу не рассказывал об этом маме, и мы с Сережкой очень гордились тем, что он доверяет эту тайну только нам.

Бабка Лукерья молча слушала его бесконечные рассказы и все качала головой и тяжело вздыхала.

— Ох, господи! Да за что же ты нас, грешных, так покарал?

Говорила она это тихо и неразборчиво, и дон Хосе ничего не понимал. Когда же он иногда оборачивался в ее сторону, она незаметно крестилась. Нас с Сережкой она считала уже обреченными и не обращала на нас никакого внимания.

Дон Хосе прерывал занятия только для того, чтобы послушать очередную сводку Совинформбюро. Шел первый год войны, и положение на фронте было тяжелое. Наши отступали, оставляя один город за другим. Дон Хосе слушал и молча сжимал кулаки.

— О-о-о! Будь я моложе, я бы им показал! Я бы и сейчас еще мог показать им, но мне не верят в военкомате, говорят: «Ты стар».

Нам, правда, тоже не верилось, что он мог кому-то «показать». Он был маленький, щупленький и совсем не казался воинственным.

Скоро мы с Сережкой осознали, насколько мы нужны дону Хосе, и решили этим воспользоваться.

Мы без всякого предупреждения перестали ходить на занятия. И опять все повторилось. Дон Хосе обиделся на нас и при всех отворачивался.

И все же дон Хосе подошел к нам первый.

— Ребята, почему вы бросили заниматься? — спросил он.

— Потому, что нам мало одной картошки на двоих, — смело заявил Сережка. — Нам надо каждому по картошке. А то у меня мама ругается, что я мало зарабатываю.

— И у меня мама ругается, — соврал я.

— У меня совсем мало картошки осталось, — сказал дон Хосе.

— А какое наше дело? — нагло сказал Сережка. — Не будете платить по одной картошке на каждого — не будем заниматься.

— Я согласен. Я буду давать две картошки — тебе картошку и тебе картошку. Пойдемте.

Это было, конечно, очень жестоко с нашей стороны. И единственным оправданием может служить то, что мы делали это не ради озорства. С продуктами с каждым днем становилось все хуже, и даже одна картошка в день кое-что значила. Были дни, когда мама и тетя Дуся съедали за целый день по одной картошке и по кусочку хлеба.

Таким образом, наши занятия возобновились, и мы получили прибавку жалованья.

Как-то раз мы пришли к дону Хосе и застали его в необычном состоянии. Он сидел за столом, уткнувшись лицом в ладони, и пел какую-то очень заунывную испанскую песню. Я никогда не слышал, как воют волки, но, судя по описаниям, его пение очень походило на волчье завывание. Бабка Лукерья сидела на своей кровати, испуганно крестилась и причитала:

— Господи, что же с нами будет? За что же ты нас, грешных, так покарал?

Увидев нас, дон Хосе прервал свое пение и сказал:

— Больше у меня нет для вас картошки. Совсем нет картошки. Сегодня я съел последнюю.

— А когда будет? — спросил Сережка.

— Не знаю... может быть, через неделю.

— Ну, ладно, мы подождем, — продолжал Сережка. — Пока будем заниматься в долг, а потом вы нам сразу отдадите.

— О-о-о! — Дон Хосе, возбужденный, вскочил со стула. — Я вам отдам, я вам все отдам. Мне дадут зарплату, и я куплю картошку.

Когда я рассказал маме и тете Дусе об этом случае, обе они помрачнели.

— А что же он будет есть? — спросила мама.

— Хлеб, — ответил я.

— Ну, на одном хлебе долго не протянешь. Да и хлеба-то у него...

Мама безнадежно махнула рукой. Тетя Дуся молчала и задумчиво вертела на пальце свое золотое обручальное кольцо. Это кольцо было воспоминанием о муже. Он в первый месяц войны ушел на фронт, и больше о нем ничего не было слышно.

— Дуся, ты куда? — спросила мама, видя, что тетя Дуся одевается.

— Я скоро приду, — только и ответила тетя Дуся, выходя.

— Да, жалко дона Хосе, — сказала мама, когда мы с ней остались одни. — И муки у него нет?

— По-моему, нет.

Немного помолчали, и я неуверенно спросил:

— Мам, может, дадим ему несколько картошек?

Мама посмотрела на меня.

— Вадик, ты же знаешь — у нас самих ничего не осталось. Даже не знаю, что мы будем

делать через неделю. Опять придется что-нибудь продавать.

Я понимающе кивнул головой, и после этого у нас надолго воцарилось молчание. Мама стала что-то шить, а я забрался на теплую печку и принялся играть с котом, который у нас жил. Тетя Дуся очень любила его и с гордостью называла «довоенным котом» в отличие от соседской кошки, которая родилась уже в войну. Один раз я даже видел его с воробьем в зубах.

— Ну что я могу сделать? — прервала вдруг молчание мама. — Я бессильна ему помочь. Ты понимаешь, Вадик? Абсолютно бессильна.

Я ничего не ответил, продолжая возиться с котом.

Тетя Дуся вернулась довольно скоро. Она вошла и поставила на пол небольшой мешок. В мешке была картошка. И я заметил, что на пальце, где у нее было обручальное кольцо, теперь виднелась только узкая белая полоска.

Тетя Дуся взяла старую сумку, наложила ее доверху картошкой из мешка и сказала:

— Отнеси-ка этому болтуну, а то вдруг помрет с голодухи. Он ведь хлипкий.

Я быстро оделся и радостно схватил сумку.

— Тяжело тебе, не донесешь, — сказала мама. — Лучше отсыпь немного.

— Ничего, донесет, — сказала тетя Дуся и посмотрела на маму.

И мама покраснела.

Закрывая за собой дверь, я услышал, как тетя Дуся негромко сказала:

— Проклятая война! Что делает с людьми!

Я не понял, кого имела в виду тетя Дуся: меня, себя, маму или дона Хосе. Да меня это тогда и не интересовало. Я был слишком мал для этого, мне только-только исполнилось восемь лет.

БАЛЛАДА

Ибрагим БАБАЕВ

Сошел я с коня под огромной Скалой, —
Светило исчезло за этой Скалой.
Сгустились потемки, костер мой мигнул,
И вдруг мне таинственный голос шепнул:

— Эй, путник, не хочешь ли вместо Скалы
Дворец золотой я воздвигну из мглы!
— О нет! Мне привычней, стреножив коня,
Под буркой на камне сидеть у огня.

К рассвету взошла надо мною Звезда, —
Что в мире прекрасней, чем эта Звезда!
С предутренних гор ветерок потянул,
И снова таинственный голос шепнул:

— Эй, путник, летим, если хочешь, к Звезде —
Такой красоты не отыщешь нигде!
— О нет! Я с пути своего не сойду.
Родную страну не сменю на Звезду.

Над диким ущельем поднялся Орел, —
Свободнее ветра был этот Орел.
С восторгом и трепетом вслед я взглянул,
И тот же таинственный голос шепнул:

— Эй, путник, не хочешь быть братом Орла —
Я дам и тебе два таких же крыла!!
О нет! Не хочу я иметь два крыла,
Чтоб родина тесной вовек не была!

Перевел с балкарского
Глеб СЕМЕНОВ

Всегда находчив, смел, весел! КТО? Конечно, ПИФ!

Хосе Кабреро Арналь. Это он придумал неугомонного Пифа.

Дело происходит в Париже, и сейчас мы расскажем вам все по порядку, а вы посмотрите цветной разворот в этом номере, там, где проказничает веселый щенок Пиф. О нем и пойдет речь.

С утра, как только появляется в продаже свежий выпуск «Юманите», газеты французских коммунистов, читатели непременно узнают новые приключения Пифа. С картинки на картинку скачет это забавное и проказливое существо, попадая из-за чрезмерного любопытства и торопливости в самые нелепые, но всегда добрые и веселые приключения.

Родился Пиф в 1946 году, и с той поры — вот уже двадцать один год — следят за его ежедневными похождениями читатели «Юманите». Впрочем, другие журналы и газеты нередко перепечатывают эти истории, и Пифа знает теперь весь мир.

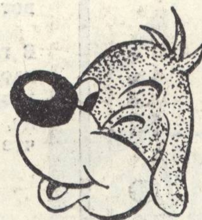
Выдумал щенка художник Арналь. Рабочая комната его сплошь расписана пестрыми, нарядными рисунками — тут на стенах вся жизнь Пифа.

Когда-то, совсем давно, в Испании, в Барселоне, где жил молодой художник Арналь, существовал предок Пифа — Топ, тоже забавный и неустрашимый песик. Но в 1936 году Арналь стал бойцом республиканской Испании, он дрался с фашистами до конца, и в 1939 году оказался во Франции, за колючей проволокой. А когда во Францию пришли немцы, Хосе Кабреро Арналь очутился в лагере смерти Маутхаузене. Однако создатель веселого Топа выжил. Через пять тяжких лет снова пришла свобода, и вот тут-то возник на белом бумажном листе «Вайяна» (это — приложение к «Юманите» для пионеров) славный проказник Пиф, приятель Лисенка, Кота и Медвежонка, тоже неунывающих и тоже нарисованных существ. Их зовут Мюзо, Феликс и Пласид, компания вполне подходящая.

Арналь работает не один. Другого создателя Пифа зовут Роже Монтей, или, как он подписывается под рисунками, Мас. О себе он рассказывает, что прежде был банковским служащим целых двенадцать унылых лет, пока ему наконец не повезло: он встретил Арналя. С той поры шестнадцать лет днем или ночью (газета ведь должна выйти утром и без опозданий!), когда дует ветер или когда летит снег, льет дождь или стоит в небе полная луна,— художник работает: завтра Пиф должен что-нибудь набедокурить!

Вот, пожалуй, и все, что мы хотели вам рассказать о веселом, неунывающем щенке, а картинки с его приключениями вы уже, наверно, рассмотрели. Если нет, Пиф ждет вас в самой серединке этого номера.

А это Роже Монтей и две его собаки. Одна живая — Лука, а другая нарисованная, и как ее зовут, вы уже знаете.

передаем из Волгограда

новости Старой Отрады

ИЗ ТРУДОВОГО ПАСПОРТА ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖИНЫ

«СЕГОДНЯ ПИОНЕРЫ И КОМСОМОЛЬЦЫ НАШЕЙ ШКОЛЫ ВСТУПИЛИ НА ПОСТ № 1 У ВЕЧНОГО ОГНЯ ГОРОДА-ГЕРОЯ ВОЛГОГРАДА. УТРОМ У НАС СОСТОЯЛАСЬ ТОРЖЕСТВЕННО-МЕМОРИАЛЬНАЯ ЛИНЕЙКА, НА КОТОРОЙ ДИРЕКТОР ШКОЛЫ ЗИНАИДА ИВАНОВНА ПЛЕХАНОВА ПОЗДРАВИЛА РЕБЯТ И ЗАЧИТАЛА ПРИКАЗ. РЕБЯТА, КОТОРЫЕ ЗАСТУПИЛИ НА ДЕЖУРСТВО У ПОСТА № 1, БЫЛИ ОЧЕНЬ ГОРДЫ ТЕМ, ЧТО ИМ ОКАЗАЛИ ТАКОЕ ДОВЕРИЕ».

К ВЕЧНОМУ ОГНЮ

По улице города движется торжественная процессия. Впереди — девочка лет двенадцати, может, тринадцати, с красным флажком. Позади четверо: двое — постарше, двое между ними — совсем мальчишки.

У мальчишек на груди автоматы, похоже, что настоящие.

Дошли до края тротуара. Тут девочка выходит вперед, поднимает красный флажок и — стоп! Остановилось все движение по улице. А улица центральная, шумная. Тут и легковые, и грузовые, и рейсовые автобусы, и даже автобус междугородный. Стоят смирно, дожидаются, пока пройдут, печатая шаг, четверо ребят в полувоенной форме. Знают: идет смена караула на пост № 1 к Вечному огню, зажженному в память погибших здесь героев Сталинграда.

Дежурство у Вечного огня — честь, и присуждают ее достойным: лучшей школе, лучшим ее ребятам. На время дежурства вручают им настоящие автоматы из Музея обороны, автоматы, принадлежавшие героям, которые сражались на этой земле.

Сейчас на посту 122-я школа.

УЛИЦА БЕЗ ДВОЕК

122-я школа — на окраине города, в поселке с красивым названием Отрада. В поселке деревенские домики и длинные неширокие улицы и переулки. В переулке Псковском, в начале и в конце на домах красные звезды с надписью: «Улица без двоек».

Много говорит новому человеку такая надпись. И то, какие здесь живут ребята. И то, как уважают их в поселке, если об их отметках сообщают прохожему вместе с названием улицы.

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

— Нам нечего было делать,— рассказывает Галя Лапина.— Уроки кончились, пришли каникулы, а было скучно. Сидели вечером на лавочке...

— Дело было вечером, делать было нечего,— насмешливо подсказал кто-то.

На него дружно шикнули девчонки, а Галя согласно кивнула и рассказала вот о чем.

Сидели на лавочке, ругали свой поселок. Что не город он, мол, не деревня. В городе — там большие дома, дворы просторные, и песок для ребят, и спортплощадки, и качели или там карусель... В деревне — лес, поле, речка. А здесь дворы тесные, все свободное место — под огородами. На улице пыль, ни цветочка, и малыши в этой пыли возятся. И большим ребятам тоже играть негде. Не то что в футбол, а в волейбол перекинуться места нет.

И ребята решили: сделаем все сами.

Наташа Скоробогатова предложила помогать по домам.

А Клава Белицкая — строить детскую площадку.

И кто-то из мальчиков — расчистить футбольное поле.

Дело было вечером, а наутро дело нашлось всем.

ШТАБ ПОД ДЕРЕВОМ

У одного мальчика во дворе стояло дерево. Там устроили штаб. Вкопали скамейку, столик. Кто из ребят выписывал газеты или журналы — тащили сюда. Каждый вечер штаб давал задания на завтра.

Что они делали?
Да вроде бы ничего особенного. Хозяйничали в поселке. Смотрели за ним, как мать смотрит за порядком в доме. И постепенно забрали в свои пионерские руки дворы и улицы. Ребята не ждали, пока люди добрые надоумят, что и когда сделать, чем заняться. Они сами искали, как интереснее устроить свою ребячью жизнь и чем помочь взрослым.

Вот они, отрадненские ребята.

РАССКАЗ ЛЕНЫ КОНДРАТЬЕВОЙ

В субботу всем обязательно надо полы мыть. Значит, наше дело — с пятницы воды натаскать и припомнить, где есть кому убираться в доме, а куда надо послать ребят.

Бабушка тут живет с внучкой, дедушка у них совсем плохой, ничего не видит, а Танюшке пять лет — что она может! Мы с утра пришли. Мальчики двор подмели, воды принесли, прибрали улицу у ворот. Девочки — в доме. Бабушка захлопотала:

— Да вы что, да не надо, я уж так как-нибудь.

Сама нас гонит, а сама, видно, радуется. Танюшке — той совсем праздник: столько гостей, весело. Мы ей все платьица перегладили. Когда уходили, бабушка яблоками нас угостила и спрашивает:

— Кто же вас прислал, ребята?

А мы гордо ей ответили:

— Никто нас не присылал, мы сами.

ДЕВЧОНКИ В ФУТБОЛ НЕ ИГРАЮТ

Мальчишки прибежали:

— Девочки, выручайте!

— Что стряслось?

— Помогите футбольное поле ровнять!

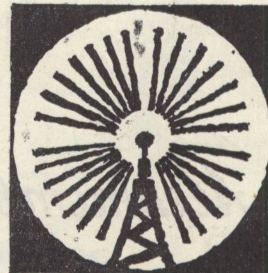
Пошли за ними девочки — и только ахнули. Мальчишки место выбрали — хуже нет во всем поселке: пустырь между Усть-Каменогорской и Мингечаурской улицами. Бурьян по пояс, колючки страшные растут, а главное, издавна служил этот пустырь свалкой, всякую дрянь туда валили.

Впрочем, делать нечего: другого «ничейного» места не было в поселке. Пришлось, носы зажав, рукава засучив, разбирать свалку и полоть высокий бурьян. И драть из земли цепкие колючки. А когда расчистили, да пропололи, да срезали лопатой бугры, да посыпали волжским песочком, да оглянулись,— поле вышло лучше не надо! Большое, со всех сторон открытое, гладкое. Смастерили ворота, окопали границу и поставили по бокам для верных товарищей, девчонок, трибуны — длинные скамейки, чтобы им «болеть» с удобствами.

Команда в поселке, можно сказать, была: старшие ребята занимались в спортшколе, они стали тренерами. Шурку Прокофьева выбрали капитаном. Все лето гоняли мяч, а когда привыкли к полю, вызвали на матч ближайший пионерский лагерь. Потом расхрабрились и пригласили команду вьетнамских студентов — они занимались в техникуме неподалеку. Вьетнамцы оказались серьезными противниками — не смотри, что ростом невысокие, а тренированные, быстрые и жутко прыгучие. Сначала так на так играли, а когда удалось отрадненской команде обставить студентов всухую, 4 : 0, капитан Шурка чуть дома потолок лбом не прошиб — так прыгал на радостях.

Когда стряслась беда, первыми о ней узнали девочки. Они мчались по улице и кричали встречным ребятам:

— Бегите скорее, частный сектор на нашем поле картошку сажает!

Оказалось, правда. Пока на углу Усть-Каменогорской и Мингечаурской была свалка, люди обходили поганое место стороной. А когда ребята расчистили его и разровняли, нашлись ловкие дядьки и тетки: с утра пораньше втихую раскопали поле лопатами и наладились сажать картошку — от северных ворот до южных, от западной трибуны до восточной. Весь поселок стыдил огородников, да что толку: поле все равно погибло!

Написать в райком комсомола футболисты поручили девчонкам: чтоб почерк был поаккуратнее и ошибок поменьше. Девочки не подкачали — ошибки не было ни одной. В райкоме узнали грустную историю футбольного поля и не только заставили выкопать картошку, но, к восторгу отрадненской детворы, прислали бульдозер, чтобы разровнять как следует площадку.

Девчонки, конечно, в футбол не играют, но не было бы без девчонок футбола в Старой Отраде!

РАССКАЗ ОЛИ БЕЛИЦКОЙ

Мы не только для себя, мы и для малышей старались. Возятся посреди дороги, каждый сам по себе. Прямо жалко смотреть. Мы с сестрой Клавой и Таней Екатеринич, соседкой нашей, взялись строить площадку. Хорошо получилось. С каждого двора дали нам кто что мог: кто бревно, кто доски, кто цепи для качелей. Инструменты у родителей брали. Одна тетя, она работает в озеленении, достала саженцы тополя. Очень здорово помогали нам и мальчишки и девчонки, даже никто ничего не ломал, не топтал...

Конечно, не обошлось без взрослых. Иван Сергеевич Пильщик, он тоже с нашей улицы, делал с мальчиками что потруднее: клинья забивал, качели подвесил. А девочки расчистили площадку, посадили цветы, поливали деревья. Воду тоже нам охотно давали для поливки, хотя и беспокойство людям.

ОПЕРАЦИЯ «СУХОЙ ЛИСТ» И ДРУГИЕ

К концу лета так привыкли ребята дружить целой улицей, вместе играть, вместе работать, что и школьные дела хотелось обсуждать сообща.

А какие общие дела могут быть у соседей, если один перешел в седьмой, а другой — во втором классе? Только отметки! И тот и другой получают свои пятерки или тройки. И того и другого за пятерки хвалят, за двойки честят.

Ребята снялись у дома, над которым горит красная звезда.

Придумали: соревнование за «Улицу без двоек», то есть за учебную честь не только класса, но своего двора, всей своей улицы. Первые звезды достались ребятам из Псковского переулка. На торжественной линейке сообщили всей школе об их победе и прибили почетные красные звезды над первым и последним домами переулка.

В охотку, играючи, а чего только не успели сделать в своем поселке отрадненские ребята! Клумбы на каждой улице, живые изгороди у домов — все их работа. Воскресник по уборке улиц (операция «Сухой лист») и воскресник по озеленению (операция «Радость людям»)... Баскетбольная площадка. Волейбольная площадка. Да что там — «Сухой лист». Школу сами отремонтировали! Комиссия диву далась и приняла на «отлично».

Ходят, бегают, носятся на велосипедах по улицам деловитые мальчишки и девчонки. Поглядывают по сторонам: где можно руки приложить, что улучшить, кого порадовать. Я, честно говоря, знаю, что они задумали. Но нельзя говорить — это пока секрет.

С. БОГАТЫРЕВА

Отряды! Дружины!

Дворовые команды!

Агентство ННН ждет ваших сообщений!

ЧЕЛОВЕЧЕК

Сергей ВОЛЬФ

Шел по улице одной
Человечек заводной.
Он сбежал из магазина —
Человечек заводной.
Он сбежал из магазина
потому,
Что его не заводили
никому,
Он сбежал из магазина
навсегда,
Так как он не заводился
никогда.
И теперь
идет по улице одной
Человечек,
человечек заводной.
Он смеется,
И хохочет,
И шалит,
И мальчишек
и девчонок веселит.
Вы мне скажете:
— Так как же ходит он,
Если он
Ни разу не был заведен?
Это верно.
Это правильно.
Но вот.
Посмотрите —
Он по улице идет!..

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Доан Ван Луен — партизан

В тринадцать лет Доан Ван Луен простился с детством. Большое горе делает взрослым и маленького человека.

Солдаты увели мать. Сквозь тюремную решетку Доан в последний раз увидел ее, окровавленную, опухшую от побоев. Она что-то сказала сыну. Доан не расслышал, а теперь уже никогда не узнает, что: через несколько дней мать, не выдержав пыток, скончалась.

Умерла от голода крохотная сестренка.

В деревню пришли американцы. Они раздавали вьетнамским детям леденцы, угощали крестьян сигаретами. Вскоре все узнали истинную цену «доброты» заокеанских гостей: горели леса и деревни, падали под автоматными очередями мирные, ни в чем не повинные жители.

Доан ушел к партизанам. Он просил дать ему оружие, зачислить в отряд бойцом. Командир сказал:

— Ты еще мал.— И посоветовал: — Лучше спрячься понадежней.

Доан не хотел прятаться. Ночами он пробирался в лагерь интервентов и потихоньку выносил со склада гранаты. Каждую минуту его могли схватить, но Доан не боялся. Ненависть убила в его душе страх.

Часть гранат мальчик передал партизанам, а часть оставил себе. Один из бойцов показал ему, как сделать из гранаты мину. И когда каратели отправились на очередную операцию по прочесыванию лесов и деревень, на дороге их встретили огненные ловушки, расставленные Доаном.

Американцы открыли дикую пальбу. Им казалось, что их окружает крупное соединение партизан. А единственный виновник всей паники — вьетнамский мальчишка — сидел в это время в придорожных кустах и подсчитывал вражеские потери.

Сейчас Доану четырнадцать лет. Его приняли в партизаны и дали оружие. Доан не выпустит его из рук до тех пор, пока последний оккупант не уберется восвояси с вьетнамской земли.

ОН ЕЩЕ ВЕРНЕТСЯ НА РОДИНУ

Майским утром 1964 года двенадцатилетний Авраам проснулся от громкого стука в дверь.

— Немедленно открывайте! Полиция!

В тот день были арестованы старший брат и отец Авраама — безработный сапожник Баретти. Их обвинили в том, что они коммунисты, а это в стране, где властвует кровавая диктатура Стресснера,— самое большое преступление. Полицейские три дня искали и Авраама. Но жители парагвайской столицы Асунсьона надежно укрыли мальчика. На четвертый день он выскользнул из города и на попутном грузовике добрался до бразильской границы.

Целый год маленький изгнанник жил в Бразилии. Нашел работу на ферме, друзей. Но мысли об отце и брате, которые все еще томились в застенке, не покидали его. И мальчик решил вернуться на родину.

Шеф полиции прибег к хитрости. Он пообещал Аврааму бесплатный вход в кино и разрешение путешествовать где угодно. А за это пусть он сообщает в полицию о разговорах знакомых и соседей.

Авраам согласился. Конечно, он вовсе не собирался стать полицейским доносчиком, но решил воспользоваться свободой, чтобы спасти отца и брата. Ему удалось внушить приходскому священнику, что его родные, заточенные в тюрьме, добрые католики, не помышляющие ни о какой политике. Расчет оказался верным: в стране, где власть диктатора прикрывалась именем божьим и крестом, в руках у священников ключи от тюрем. Отец и брат вышли на свободу.

Полицейские так и не получили от своего «агента» ни одного донесения. Семья Баретти сумела выехать в Уругвай.

Авраам снова на чужбине. Но он еще вернется на свою родину, он сделает все, чтобы она была свободной.

ПЯТЬ ПОПУТНЫХ ВЕТРОВ

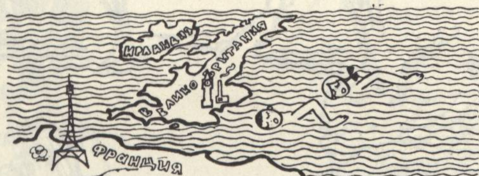
Этим ребятам завидуют и сверстники и даже взрослые. Еще бы, им посчастливилось совершить такое путешествие. Пятнадцать харцеров из польского города Красника на трех парусниках проплыли по всему голубому Дунаю.

Попутные ветры пяти стран — Чехословакии, Венгрии, Югославии, Румынии и Болгарии — надували паруса харцеровских кораблей.

Теплыми были встречи на берегу, в городах и селах. Сколько новых песен разучили, сколько интересных историй узнали! А повидали — за год не перескажешь...

СКОЛЬКО ЛЕТ ЭТОМУ АМЕРИКАНСКОМУ МАЛЬЧИКУ? ДВЕНАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТЬ — НЕ БОЛЬШЕ. ОН НЕ ЗАСЕДАЕТ, КОНЕЧНО, В КОНГРЕССЕ, НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СВОЮ СТРАНУ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ АССАМБЛЕЯХ. НО ПЛАКАТ, С КОТОРЫМ ОН ИДЕТ НА ДЕМОНСТРАЦИЮ, ТОЧНЕЕ, ЧЕМ КОНГРЕССМЕНЫ ИЗ ДЕПАРТАМЕНТА, ВЫРАЖАЕТ МНЕНИЕ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ АМЕРИКИ: «ДОЛОЙ ВОЙНУ ВО ВЬЕТНАМЕ!»

РЕКОРДЫ ЮНЫХ ПЛОВЦОВ

Шесть юных жителей Британских островов (два мальчика и четыре девочки) решили совершить рекордный эстафетный заплыв: войдя в воду на шотландском берегу, преодолеть путь длиной в тридцать три километра и выйти на противоположном ирландском берегу. Отважным пловцам не впервые пересекать водные рубежи: они пересекали вплавь Ла-Манш, на их счету дальние рейсы по озеру Лох Нес в Шотландии.

Поговаривают, что со временем эта шестерка, пожалуй, преодолеет и Атлантику. Что ж, все возможно: ведь самому старшему из пловцов всего тринадцать лет.

НАША ТЕЛЕТАЙПНАЯ ЛЕНТА ПРИНЕСЛА ЗАБАВНЫЕ СООБЩЕНИЯ. ПОЧИТАЙ-КА.

В Мадриде живет претендентка на русский престол — Мария Романова. Ей тринадцать лет.

Дед принцессы — двоюродный брат бывшего российского императора Николая II, бежавший в свое время за границу, ждал-ждал, когда его позовут править Россией, да так и не дождался. Ее отец, не надеясь на ближайшее возвращение в царские палаты, потихоньку учит дочь русскому языку и придворному этикету. Впрочем, спешить-то им некуда. Впереди у наследников трона — целая вечность.

●

Три американских бойскаута обратились к скаутмастеру с просьбой занести в их личные книжки отметку о том, что они совершили доброе дело.

— Что ты сделал? — спросил скаутмастер одного.

— Я перевел старую даму через улицу.

— А ты? — спросил он другого.

— Я ему помогал!

— Ну, а ты? — обратился он к третьему.

— Я помогал им обоим.

— Неужели это было так трудно? — удивился скаутмастер.

— Да, ведь старая дама не хотела переходить улицу.

●

По радио Майкл услышал, что правительство США обещает тем, кто не имеет работы, золотые горы. Он поверил. Когда дядюшка спросил Майкла, кем он станет, окончив школу, тот выпалил:

— Безработным!

СЕМЕЙНЫЙ ОРКЕСТР

Ни один сельский праздник в Словакии не обходится без цыганского оркестра. Интересно, что все музыканты такого оркестра — большие и маленькие — обычно члены одной семьи. Так уж издавна повелось, что музыкальное мастерство здесь передается из рода в род, из поколения в поколение. Видите скрипичный ансамбль? Это семья Кудрявых из Светопулкова в Нитрах.

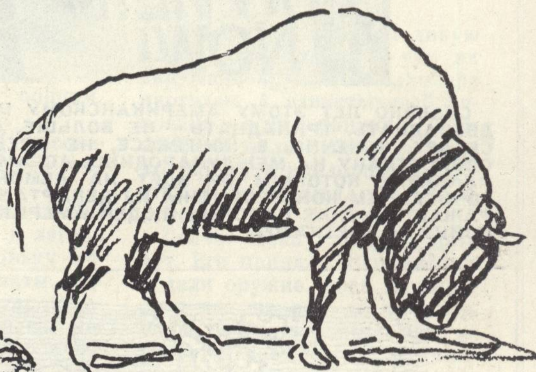
ПЕРЕД ВАМИ ДОБЫЧА ОХОТНИКА, да только не того, который бьет зверя пулей, и не того, который ставит в лесу хитрые стальные капканы. Даже вполне безвредного фоторужья у нашего охотника нет. Он художник. Его оружие: карандаш, кисти или, как здесь, фламастер. Это такая авторучка, полная особой краски вроде чернил, а вместо пера мягкий фетровый стерженек.

А лес? Леса тоже нет. Охота идет прямо среди зоопарка, где, как видите, нет недостатка в дичи. Судя по тому, как спокойно, величественно и бесстрашно держатся звери и птицы, им, кажется, нравится «рисоваться» у Дмитрия Дмитриевича **ПИВОВАРОВА.** Вон как медведь поглядывает, улыбается, что ли? Зебра, как в зеркало смотрится, сама себе нравится...

Кстати, такая охота разрешена круглый год, и никакого охотничьего билета не надо. Так не найдется ли среди вас, ребята, охотников поохотиться?

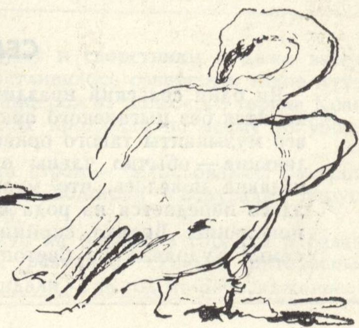

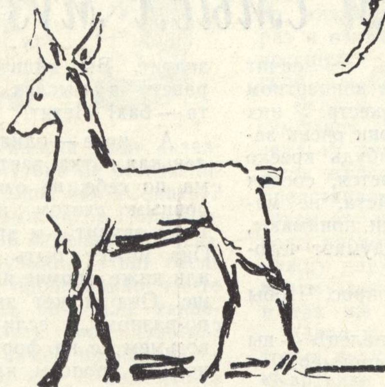
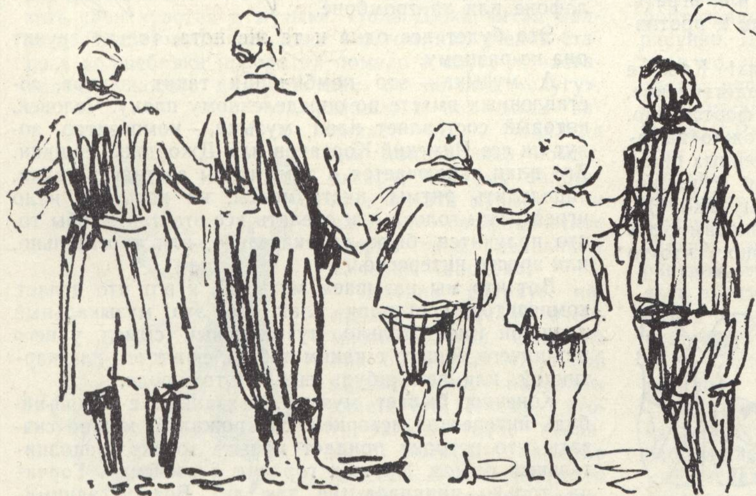

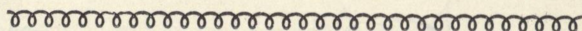

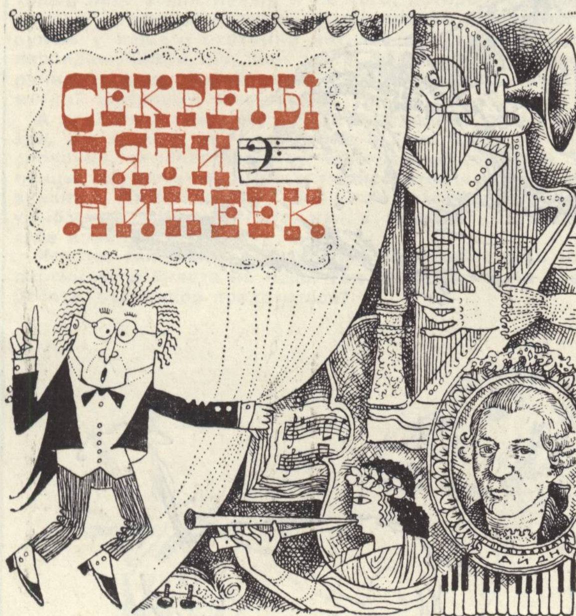

Леонард БЕРНСТАЙН

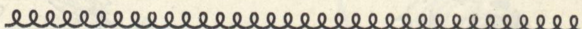

Бывает так: фильм очень хороший, а некоторым он кажется скучным. Или в театре: весь зал смотрит затаив дыхание, а кто-то ждет не дождется конца — тоска! Или вот еще пример: по радио передают музыку великого композитора, а дома говорят: «Опять какая-то ерунда!» — и выключают репродуктор.

Настоящее искусство не всегда легко понять. Нужно постепенно приучать себя слушать хорошую музыку, смотреть серьезные фильмы и спектакли, думать о них, разбираться в них. И настанет день, когда и ты научишься чувствовать прекрасное, и в твою жизнь придет много радости.

С этого номера мы будем отводить несколько страничек журнала специально для тех, кто хотел бы понять, что такое музыка и как ее слушать. Здесь мы будем печатать пересказ бесед, которые проводил с ребятами известный дирижер, пианист и композитор ***Леонард Бернстайн.*** *В нашей стране хорошо знают его. Он приезжал к нам на гастроли, его опера «Вестсайдская история» поставлена в Москве. Л. Бернстайн очень любит русскую и современную советскую музыку, много исполняет ее и в своих беседах часто ее вспоминает.*

I. В чем смысл музыки?

Многие ребята никак не могут понять, что значит слушать серьезную музыку. Вот сидят в концертном зале люди и слушают симфонический оркестр. У них сосредоточенный вид. Чувствуется, что они очень заняты, поглощены музыкой. Если чье-нибудь кресло громко скрипнет или кто-то закашляется, соседи оборачиваются недовольные: «Пожалуйста, не мешайте!» Что-то их увлекает... Что-то они понимают, чем-то наслаждаются... Но чем? О чем думает человек, когда он слушает музыку?

Это очень трудный, но интересный вопрос. Чтобы ответить на него, начнем издалека.

Если кто-то закричит: «Ой, я обжег палец!» — вы сейчас же подумаете о разных вещах. Например:

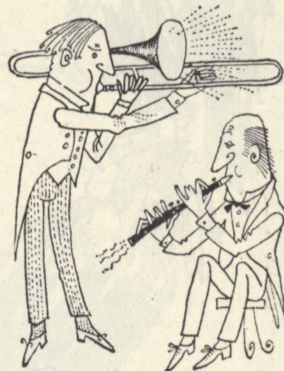
Он обжег палец. Ему больно.

Несколько дней он не сможет писать или играть.

Когда он закричал, у него был громкий и противный голос.

Масса различных мыслей, вроде этих! Каждое слово вызывает у нас определенное представление, мысль. Но если взять несколько нот на фортепьяно, ноты не дадут представления, которое можно выразить в словах. Ноты не говорят об обожженных пальцах, или о спутниках, или абажурах, или о чем-нибудь другом. О чем же они говорят? О музыке. Ноты вовсе не как слова. Если мы произносим хоть одно слово, например, «ракета»,— оно что-то значит. Вы видите эту ракету в мыслях. Ракета — бах! Летит!

А нота — одна маленькая нотка, взятая сама по себе, не означает ровным счетом ничего. Нота звучит — и это все. Она может быть выше или ниже, громче или тише. Она может звучать по-разному, если мы возьмем ее на фортепьяно, или пропоем, или сыграем на гобое, на ксилофоне или на тромбоне.

Это будет все одна и та же нота, только звучит она по-разному.

А музыка — это комбинация таких звуков, составленных вместе по определенному плану. Человек, который составляет план музыки,— композитор, зовут ли его Римский-Корсаков или Джордж Гершвин. Его план заключается в том, чтобы составить звуки, определить ритмы, инструменты, на которых надо играть, или голоса — и сделать все это так, чтобы то, что получится, было увлекательно, или трогательно, или просто интересно...

Вот что мы называем музыкой, и вот что делает композитор, составляя план. Но это музыкальный план, он имеет только музыкальный смысл, у него нет ничего общего с каким-нибудь сюжетом, или картинкой, или чем-нибудь еще в этом роде.

Конечно, бывает музыка, связанная с какой-нибудь интересной историей. Но, пожалуй, можно сказать, что история придает музыке только дополнительный смысл. Ну, как горчица к сосискам. Горчица только приправа, не так ли? Вот и занима-

тельная история тоже не входит в музыку, не является ее частью.

Однажды я сыграл своей маленькой дочери энергичную, быструю мелодию. Дочь сказала, что это о ковбоях и лошадях. Мне не хотелось ее разочаровывать, но автор музыки, которую я играл, итальянец по имени Россини, наверно, никогда не слышал ни о каких ковбоях. Он написал музыку для увертюры к опере «Вильгельм Телль», которая рассказывает о людях Швейцарии, а это довольно далеко от американского дикого Запада! Каждый знает историю Вильгельма Телля — человека, который должен был стрелой сбить яблоко с головы своего маленького сына.

Одна и та же музыка может рассказывать о совершенно различных вещах. Один человек, слушая музыку, представляет себе, что это Дон-Кихот сражается с отарой овец, другой — видит штурм замка... Каждый может придумать свою историю, но все эти истории никакого отношения к музыке не имеют. Когда люди слушают музыку, они не думают об историях, они думают о чем-то другом...

Но вы можете спросить: а почему же композиторы иногда дают названия своим произведениям? Почему они не всегда пишут просто: «Симфония», или «Трио», или «Соната»? Отчего, например, французский композитор Поль Дюка назвал одно из своих сочинений «Ученик чародея», если это совсем неважно для музыки? Ответ очень прост. Разве с вами никогда не происходило что-то такое, отчего вам вдруг хотелось петь или танцевать — словом, как-нибудь выразить свои чувства? Наверное, бывало... Вот то же самое происходит с композитором: он читает что-то, или с ним что-то случается, или он что-то видит — и ему хочется выразить свои чувства в музыке. Поль Дюка читал балладу Гете «Ученик чародея» — о том, как ученик старого волшебника превратил помело в слугу и заставил его носить воду. А как остановить «слугу», забыл, и вот вода заливает дом... Баллада так понравилась композитору, что ему захотелось писать музыку — он написал симфоническое скерцо под названием «Ученик чародея».

Иоганн Штраус, например, написал очень много вальсов. Один из них он назвал «Голубой Дунай». Вы, наверное, знаете его. Почему у этого вальса такое название? Возможно, именно красота Дуная побудила Штрауса написать вальс. Но есть ли что-нибудь общее между нотами и рекой? Другой вальс Штраус назвал «Сказки венского леса» — и он тоже не имеет никакого отношения ни к венскому лесу, ни к какому бы то ни было лесу вообще. Штраус точно так же мог бы назвать этот вальс «Голубой Дунай», или «Императорский вальс», или как-нибудь еще. Вальс Штрауса, как бы он ни назывался, — просто красивый вальс. Название его не имеет никакого значения — оно только помогает нам отличить один вальс от другого. Ну и еще, быть может, придает музыке какую-то окраску, вроде маскарадного костюма.

Итак, музыка не рассказывает никаких историй. Но, может быть, она описывает какие-то картины? Например, восход солнца или ночь в лесу? Это уже ближе к истинному значению музыки. Если нет историй, о которых мы должны думать, слушая оркестр, если мы должны схватить лишь общую идею картины, значит, мы можем полнее сосредоточиться на музыке и больше насладиться ею.

Возьмем, например, Шестую симфонию Бетховена. Здесь столько чудесных мелодий и сильных ритмов; симфония проникнута удивительным настроением — счастливым и мирным. Бетховен связывал эту симфонию с представлением о сельской жизни — крестьяне, ручьи, птицы, пастухи... Поэтому он назвал ее «пасторальной». Слово «пасторальный» как раз и означает нечто относящееся к идиллической сельской жизни.

Вторую часть своей симфонии Бетховен назвал «У ручья». Движение музыки должно подражать журчанию воды в ручье, вызвать у слушателя представление о ручье. Но предположим, что мы назовем эту часть «Сон в гамаке», и вместо движения воды представим себе спокойное покачивание гамака между двух деревьев. Будет ли это иметь значение для музыки? Музыка останется такой же красивой и так же удовлетворит нас...

Одно из лучших произведений из числа тех, которые рисуют картины, создал Мусоргский. Это его «Картинки с выставки». Мусоргский рассматривал рисунки, развешанные по стенам музея, и сочинил фортепьянные пьесы, в которых он хотел описать эти рисунки. Другими словами, он попытался сделать нотами то, что его друг художник Виктор Гартман сделал рисунками. Потом французский композитор Морис Равель переложил «Картинки с выставки» для оркестра — как будто раскрасил их. Конечно, ноты не могут сделать то же, что и рисунок. Нельзя нарисовать нотами нос, дом или заход солнца. Но, оказывается, что-то вроде этого сделать все-таки можно...

Например, в одной из картинок Мусоргский изображает детей, которые играют в парке и ссорятся друг с другом.

Как он делает это? Он имитирует голоса играющих детей — а они ведь так похожи на пение!

А другая картинка — о цыплятах, еще не вылупившихся из скорлупы. Множеством коротких, писклявых нот Мусоргский и Равель показывают, как цыплята кричат и долбят клювами скорлупки. Еще одна картинка рисует Богатырские ворота в Киеве, огромное каменное сооружение. Вы легко представите себе, что имел в виду Мусоргский, когда услышите большие, тяжелые аккорды — всем оркестром. Это как колонны, поддерживающие тонны камня.

Выходит, музыка действительно может заставить вас думать о каменных воротах? Но не потому ли, что вам известно, о чем она? А если бы вам сказали: думайте о большой реке, которая величественно течет по равнине? Пожалуй, вы увидели бы реку...

И вот мы опять пришли к выводу: определенная картина возникает в нашем сознании лишь потому, что композитор назвал ее. Она не является частью музыки, она дополнение к музыке. Значит, слушая музыку, вовсе не обязательно размышлять о какой-нибудь истории или представлять себе море, лес или ветер в степи...

Но что же все-таки происходит с человеком, когда он слушает музыку?

Вот главное свойство музыки: она передает чувства человека: страдание, счастье, страх, одиночество, волнение или любовь... И чем лучше музыка, тем сильнее заставляет вас композитор переживать то, что он сам чувствовал, когда писал ее.

Чайковский—вот композитор, который действительно умел писать такую музыку.

Наверно, каждый испытал такое чувство: вы хотите чего-то больше всего на свете, а вам говорят: «Нет!» Вы настаиваете: «Я хочу!» А вам вновь: «Нет!» Вы кричите громко и страстно: «Я хочу! Я хочу!» И так до тех пор, пока будто что-то не сломается внутри и остается одно — расплакаться. Когда по радио будут передавать первую часть Четвертой симфонии Чайковского, прислушайтесь к оркестру, и вы испытаете похожее чувство.

Теперь мы можем, наконец, сказать, в чем смысл музыки. Музыка означает как раз то, что вы чувствуете, когда вы слушаете ее. Нам не нужно знать все насчет диезов, бемолей и аккордов, чтобы понимать музыку. Если она говорит нам что-то — не рассказывает истории, не показывает картины, а вызывает у нас ответные чувства,— значит, мы как-то понимаем ее. Вот и все. Теперь мы, пожалуй, нашли правильный ответ. Потому что чувства принадлежат самой музыке. Чувства — в самой музыке. На вопрос: «О чем говорит музыка?» — можно ответить только так: «Музыка говорит о чувствах человека». Когда люди внимательно слушают музыку по радио или на концерте, они переживают, волнуются. Они испытывают то радость, то печаль; от одной музыки им становится спокойно на душе, от другой — тревожно.

Нет конца многообразию чувств, которые может выразить музыка. Иногда это такие тонкие душевные движения, что их нельзя описать словами. Многие чувства мы можем назвать: радость или печаль, любовь, ненависть или умиротворение,— но есть чувства такие глубокие и такие тонкие, что у нас нет слов для того, чтобы передать их. И вот тут-то музыка творит волшебство. Она называет вам чувства, но не в словах, а в нотах.

Все это выражено в движении музыки. Нельзя забывать, что музыка — это движение. Она все время стремится куда-то. Изменяется, течет от одной ноты к другой. Это движение музыки может сказать о наших чувствах больше, чем миллионы слов.

Если вы берете одну долгую ноту — она ничего сама по себе не значит: движения нет. Но вот вы взяли следом другую ноту — и сразу появился какой-то смысл. Смысл музыки в том, как она движется. Это музыкальное движение что-то делает с вами. Что-то происходит у вас в душе, когда вы слышите ее. Если от первой нашей ноты продвинуться не к той, что мы взяли потом, а к другой,— смысл изменится. Что-то иное отзовется в душе.

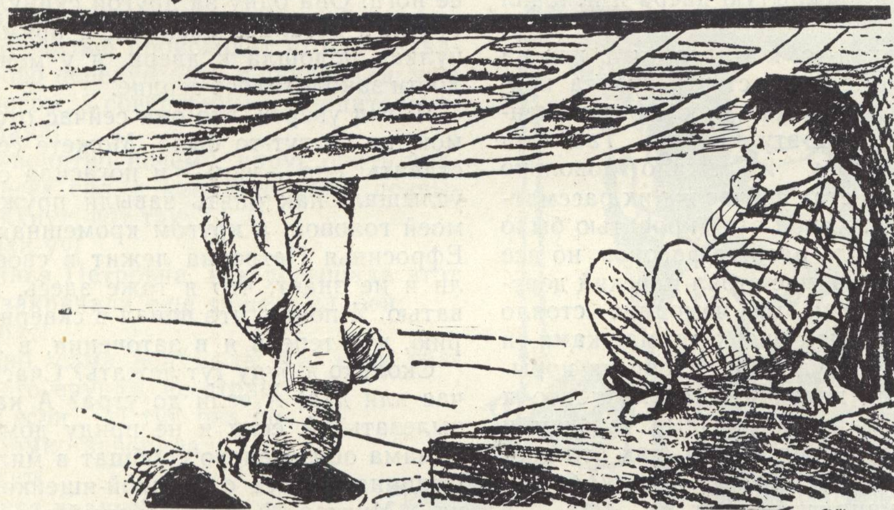
Музыка существует не сама по себе. Она выражает чувства людей и вызывает ответные чувства в душе внимательного слушателя. В ней заложены определенные идеи, хотя их бывает очень трудно выразить в словах. Не случайно в одни времена композиторы писали главным образом веселую, мягкую, изящную музыку, а в другие — страстную и бурную. Но для того, чтобы почувствовать смысл музыки, вам не нужны никакие поясняющие ее истории или картины. Смысл музыки надо искать в самой музыке, в ее мелодиях, ее гармониях, ее ритмах, ее оркестровой окраске, а главное, в том, как она развивается.

Если вы любите музыку, вы сами для себя определите ее смысл, просто слушая ее. Вот все, что надо делать: сидеть спокойно и наслаждаться музыкой, слушать ноты, следить за тем, как они движутся, скачут, ударяют, сверкают, скользят — просто наслаждаться всем этим. Смысл музыки надо искать не в чем другом, как в самой музыке.

Пересказал С. СОЛОВЕЙЧИК.
Рисунки В. ВЛАДИМИРОВА и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

Двадцать лет под кроватью

Виктор **ДРАГУНСКИЙ**

Рисунки Ю. **ЧЕРЕПАНОВА**.

Никогда я не забуду этот зимний вечер. На дворе было холодно, ветер тянул сильный, прямо резал щеки, как кинжалом, снег вертелся со страшной быстротой. Тоскливо было и скучно, просто выть хотелось, а тут еще папа и мама ушли в кино. И когда Мишка позвонил по телефону и позвал меня к себе, я тотчас же оделся и помчался к нему. Там было светло и тепло, и собралось много народу, пришла Аленка, за нею — Костик и Андрюшка. Мы играли во все игры, и было весело и шумно. И под конец Аленка вдруг сказала:

— А теперь в прятки! Давайте в прятки!

И мы стали играть в прятки. Это было прекрасно, потому что мы с Мишкой все время подсматривали так, чтобы водить выпадало маленьким: Костику или Аленке, — а сами все время прятались и вообще водили малышей за нос. Но все наши игры проходили только в Мишкиной комнате, и это довольно скоро нам стало надоедать, потому что комната была маленькая, тесная и мы все время прятались за портьеру, или за шкаф, или за сундук, и в конце концов мы стали потихоньку выплескиваться из Мишкиной комнаты и заполнили своей игрой большущий длинный коридор квартиры.

В коридоре было интереснее играть, потому что возле каждой двери стояли вешалки, а на них висели пальто и шубы. Это было лучше для нас, потому что, например, кто водит и ищет нас, тот, уж конечно, не сразу догадается, что я притаился за Марь-семениной шубой и сам влез в валенки как раз под шубой.

И вот один раз, когда водить выпало Костику, он отвернулся к стене и стал громко выкрикивать:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!

Тут все брызнули в разные стороны, кто куда, чтобы прятаться. А Костик немножко подождал и крикнул снова:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать! Опять!

Это считалось как бы вторым звонком. Мишка сейчас же залез на подоконник, Аленка — за шкаф, а мы с Андрюшкой выскользнули в коридор. Тут Андрюшка, недолго думая, полез под шубу Марьи Семеновны, где я все время прятался, и оказалось, что я остался без места! И я хотел дать Андрюшке леща, чтобы он освободил мое место, но тут Костик крикнул третье предупреждение:

— Пора не пора, я иду со двора!

И я испугался, что он меня сейчас увидит, потому что я совершенно не спрятался, и я заметался по коридору туда-сюда, как подстреленный заяц. И тут в самое нужное время я увидел раскрытую дверь и вскочил в нее.

Это была какая-то комната, и в ней на самом видном месте, у стены, стояла кровать, высокая и широкая, так что я моментально нырнул под эту кровать. Там был приятный полумрак и лежало довольно много вещей, и я стал сейчас же их рассматривать. Во-первых, под этой кроватью было очень много туфель разных фасонов, но все довольно старые, а еще стоял плоский деревянный чемодан, а на чемодане стояло алюминиевое корыто вверх тормашками, и я устроился очень удобно: голову на корыто, чемодан под поясницей, очень ловко и уютно. Я рассматривал разные тапочки и шлепанцы и все время думал, как это здорово я спрятался и сколько смеху будет, когда Костик меня тут найдет.

Я отогнул немножко кончик одеяла, которое свешивалось со всех сторон до пола и закрывало от меня всю комнату: я хотел глядеть на дверь, чтобы видеть, как Костик войдет и как он будет меня искать. Но в это время в комнату вошел никакой не Костик, а вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, но немножко похожая на бабу-ягу.

Она вошла, вытирая руки о полотенце. Я все время потихоньку наблюдал за нею, думал, что она обрадуется, когда увидит, как Костик вытащит меня из-под кровати. А я еще для смеху возьму какую-нибудь ее туфлю в зубы, она тогда наверняка упадет от смеха. Я был уверен, что вот еще секунда или две промелькнут, и Костик обязательно меня обнаружит. Поэтому я сам все время смеялся про себя, без звука.

У меня было чудесное настроение. И я все время поглядывал на Ефросинью Петровну. А она тем временем очень спокойно подошла к двери и ни с того ни с сего плотно захлопнула ее. А потом, гляжу, повернула ключик — и готово! Заперлась. Ото всех заперлась! Вместе со мной и корытом. Заперлась на два оборота.

В комнате сразу стало как-то тихо и зловеще. Но тут я подумал, что это она заперлась не надолго, а на минутку, и сейчас отопрет дверь, и все пойдет как по маслу, и опять будет смех и радость, и Костик будет просто счастлив, что вот он в таком трудном месте меня отыскал! Поэтому я хотя и оробел, но не до конца, и все продолжал посматривать на Ефросинью Петровну, что же она будет делать дальше.

А она села на кровать, и надо мной запели и заскрежетали пружины, и я увидел ее ноги. Она одну за другой скинула с себя туфли и осталась босиком, и прямо в одних чулках подошла к двери, и у меня от радости заколотилось сердце.

Я был уверен, что она сейчас отопрет замок, но не тут-то было. Можете себе представить: она — чик! — и погасила свет. И я услышал, как опять завыли пружины над моей головой, а кругом кромешная тьма, и Ефросинья Петровна лежит в своей постели и не знает, что я тоже здесь, под кроватью. Я понял, что попал в скверную историю, что теперь я в заточении, в ловушке.

Сколько я буду тут лежать? Счастье, если час или два! А если до утра? А как утром вылезать? А если я не приду домой, папа и мама обязательно сообщат в милицию. А милиция придет с собакой-ищейкой. Кличка — Мухтар. А если в нашей милиции никаких собак нету? И если милиция меня не найдет? А если старуха, Ефросинья Петровна эта самая, проспит до утра, а утром пойдет в свой любимый сквер сидеть целый день и снова запрет меня, уходя? Тогда как? Я, конечно, поем немножко из ее буфета, и когда она придет, придется мне лезть под кровать, потому что я съел ее продукты, и она отдаст меня под суд! И чтобы избежать позора, я буду жить под кроватью целую вечность? Ведь это самый настоящий кошмар! Конечно, тут есть тот плюс, что я всю школу просижу под кроватью, но как быть с аттестатом, вот в чем вопрос. С аттестатом зрелости! Я под кроватью за двадцать лет не то что созрею, я там вполне перезрею.

Тут я не выдержал и со злости как трахнул кулаком по корыту, на котором лежала моя голова! Раздался ужасный грохот! И в этой страшной тишине при погашенном свете и в таком моем жутком положении мне этот стук показался раз в двадцать сильнее. Он просто оглушил меня.

И у меня сердце замерло от испуга. А старуха надо мной, видно, проснулась от этого грохота. Она, наверное, давно спала мирным сном, а тут пожалуйте — тах-тах — из-под кровати! Вот старуха полежала маленько, отдышалась и вдруг спросила темноту слабым и испуганным голосом:

— Ка-ра-ул?!

Я хотел ей ответить: «Что вы, Ефросинья Петровна, какое там «караул»? Спите даль-

ше, это я, Дениска!» Я все это хотел ей ответить, но вдруг вместо ответа как чихну во всю ивановскую, да еще с хвостиком:

— Апчх! Чхи! Чхи! Чхи!..

Там, наверное, пыль поднялась под кроватью ото всей этой возни, но Ефросинья Петровна после моего чиханья убедилась, что под кроватью происходит что-то неладное, здорово перепугалась и закричала уже не с вопросом, а совершенно утвердительно:

— Караул!

И я, непонятно почему, вдруг опять чихнул изо всех сил, с каким-то даже подвыванием чихнул, вот так:

— Апчхи-уу!

Ефросинья Петровна, как услышала этот вой, так закричала еще тише и слабей:

— Грабят!..

И, видно, сама подумала, что если грабят, так это ерунда, не страшно. А вот если... И тут она довольно громко завопила:

— Режут!

Вот какое вранье! Кто ее режет? И за что? И чем? Разве можно по ночам кричать неправду? Поэтому я решил, что пора кончать это дело, и раз она все равно не спит, мне надо вылезать.

И все подо мной загремело, особенно корыто, ведь я в темноте не вижу. Грохот стоит дьявольский, а Ефросинья Петровна уже слегка помешалась и кричит какие-то странные слова:

— Грабаул! Караулят!

А я выскочил и по стене шарю, где тут выключатель, и нашел вместо выключателя ключ, и обрадовался, что это дверь. Я повернул ключ, но оказалось, что я открыл дверь от шкафа, и я тут же перевалился через порог этой двери, и стою, и тычусь в разные стороны, и только слышу, мне на голову разное барахлишко падает.

Ефросинья Петровна пищит, а я совсем онемел от страха, а тут кто-то забарабанил в настоящую-то дверь!

— Эй, Дениска! Выходи сейчас же! Ефросинья Петровна! Отдайте Дениску, за ним его папа пришел!

И папин голос:

— Скажите, пожалуйста, у вас нет моего сына?

Тут вспыхнул свет. Открылась дверь. И вся наша компания ввалилась в комнату. Они стали бегать по комнате, меня искать, а когда я вышел из шкафа, на мне было две шляпки и три платья.

Папа сказал:

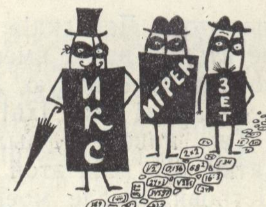
— Что с тобой было? Где ты пропадал?

Костик и Мишка сказали тоже:

— Где ты был, что с тобой приключилось? Рассказывай!

Но я молчал. У меня было такое чувство, что я и в самом деле просидел под кроватью ровно двадцать лет.

Встречи с тремя неизвестными

Сколько на елках иголок?

Представь себе, что в лесу 800 000 елок. На каждой елке — не более 600 000 иголок. Попробуй доказать теперь, что найдется среди этих елок по крайней мере две, на которых иголок одинаковое количество!

Примечание. Фамилии первой пятерки ребят, правильно ответивших на этот вопрос, Неизвестные заносят в свою Почетную Клетчатую тетрадь!

Ребята, помогите Васе!

У каждого человека есть любимое занятие. Одни коллекционируют марки, другие — трамвайные вагоны, а Петя Свечкин и Вася Печкин придумывают и собирают шифры. Один из них придумывает новый шифр и с его помощью записывает строчку из песни, какую-нибудь пословицу или еще что-нибудь, всем известное. А другой пытается разгадать запись. Вот начало одной Петиной шифровки:

12345 ВЗПВОВ...

Пока еще Васе не удалось разгадать, что здесь зашифровано. Может быть, среди вас есть любители разгадывать шифровки? Помогите Васе!

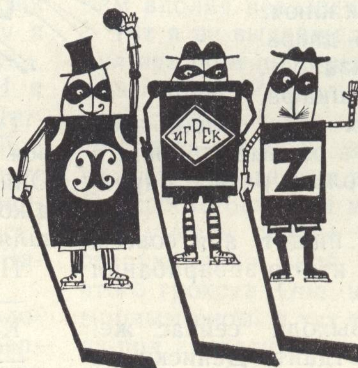
КРОССВОРД С КЛЯКСАМИ

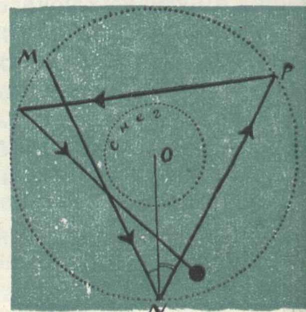
АЖУР×АЖУР=■■АБАЖУР

Человек, придумавший этот кроссворд, не отличался аккуратностью. На первые две буквы результата он поставил кляксы, и их невозможно разобрать. Но, когда Икс, Игрек и Зет изучили кроссворд, оказалось, что и в таком виде его можно разгадать. Попробуйте и вы!

Задача про шайбу

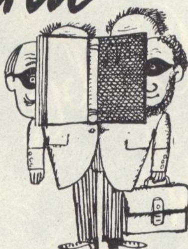
На дворе зима, и Трое неизвестных, вооружившись клюшками, отправились на каток. Но и здесь они оставались математиками. Хоккей был быстро забыт, и на ледяном поле стали разыгрываться математические баталии. На этот раз задача оказалась нелегкой, и Неизвестные всех зовут на помощь. А задача такая. Представь себе, что в центре круглого катка находится большая круглая куча снега. От борта с большой скоростью пущена шайба. Требуется доказать, что если шайба не попала в снег от первого удара о борт, то и в дальнейшем она в снег не попадет. Шайба отскакивает от борта под углом, равным углу падения (например, угол MNO на рисунке равен углу ONP).

А ну-ка, попробуйте...

Математики в черных масках

В 1939 году весь математический мир переживал сенсационную новость. Во Франции появились первые тома фундаментального издания «Элементы математики». Никто из ученых XX века не брался до сих пор за такой гигантский труд.

Кто же был автором? Это было неизвестно. Подпись «Н. Бурбаки» ничего не говорила ученым. А, судя по книге, это был далеко не новичок в математике.

Он блестяще знал все, что было сделано до него, но в своей книге не ссылается ни на одну статью, ни на одного ученого. Все математические понятия и законы он выводит заново и делает это так безупречно, что многие тома «Элементов математики» сразу же стали общепризнанными учебниками. Только в разделе задач и упражнений Бурбаки замечает других математиков, но и здесь не называет фамилий авторов, явно показывая, что «математик должен считать за честь, если какая-нибудь его статья украдена Бурбаки и использована в качестве упражнения».

Кто же он, этот неизвестный, в течение многих лет державший в неведении весь ученый мир?

Во Франции сразу же стали вспоминать, что эта фамилия более или менее известна. Существовала легенда об актере-любителе Н. Бурбаки, с блеском подражавшем принятому математическому жаргону.

Был и другой Бурбаки — старый французский генерал из Нанси, закончивший свою жизнь военными неудачами.

Прошло некоторое время. Книги и статьи за подписью «Н. Бурбаки» продолжали появляться. В конце одной из них сообщалось, что «профессор Н. Бурбаки, бывший член Королевской Полдавской академии, ныне проживает в Нанси (Франция)». Кое-что стало проясняться. Дело в том, что никакой Полдавской академии нет на свете, как нет и самой Полдавии. Их выдумал некий Пондичери, занимавшийся математическими шутками и курьезами. Он важно называл себя членом Королевского института в Полдавии.

Сомнений не было: «Н. Бурбаки» как имя и лицо нельзя принимать всерьез. Но кто же скрывается за этой шуткой? Кому по плечу оказалась такая гигантская работа, как многотомные «Элементы математики»? И это тоже долго не могли установить. Тому, кто скрывался за вымышленным именем, явно нравилось оставаться неизвестным. Вскоре все же стало известно, что «Н. Бурбаки» связан не только с Нанси, но и с Чикаго: под одной из статей стояло «Нанкаго». А затем стали просачиваться сведения, что это не один человек, а целый коллектив талантливых и остроумных французских математиков. Впервые несколько основных имен были названы в 1949 году. Это Вейль, Дьедонне и Картан. Как настоящие французы, они любили шутку и сначала придумали себе псевдоним, просто чтобы не перечислять на своей книге фамилии двадцати авторов. Потом шутка увлекла их, и они сами стали распространять разнообразные и противоречивые легенды о Николае Бурбаки.

Ну, а теперь шутки в сторону. Несколько слов советскому ученому, математику А. А. Ляпунову. Его словами серьезной оценки Бурбаки мы и закончим:

«Можно сказать, не боясь преувеличений, что Бурбаки представляют собой наиболее значительное явление в современной математике».

Из блокнота Смехотрона

— Вы забыли поставить точку.
— Да, правильно. Будьте добры, поставьте ее сами!
— Не могу, почерк должен быть один.

●

Хвастун говорит хвастуну:
— Слышал про Атлантический океан?
— Да.
— Я его переплыл.
— А ты слышал про Мертвое море?
— Да.
— Я его убил.

●

Учитель:
— Вода вращает турбину. Турбина производит электроэнергию. Электроэнергия дает нам свет. Когда еще благодаря воде мы получаем свет?
Ученик:
— После того, как вымоем водой окно.

●

Я решил ложиться спать с петухом. Но вы не представляете, как мне трудно было научить своего петуха садиться на насест на рассвете.

●

Экскурсовод водит туристов по старому замку и объясняет:
— Этот замок XIV века, а фонтан, который строится сейчас во дворе, будет XVI.

●

Маленький мальчик принес домой черепаху.
— Зачем она тебе?—спрашивает мать.— Что ты собираешься с ней делать?
— Хочу проверить, правда ли, что она живет двести лет.

●

Потерпевший кораблекрушение добрался наконец до бочонка, на котором восседает его товарищ по несчастью.
— Далеко ли до земли? — отдышавшись, спрашивает он.
— Километра два-три,— отвечал незнакомец.
— Правда? Так близко! А в каком направлении?
— Вниз.

●

Мальчик высунулся из окна третьего этажа, под которым растут розы.
— Ты знаешь, что будет, если ты вывалишься из окна? — строго спрашивает мать.
— Знаю,— отвечает сын.— Я помню розы.

Новогодний фантастический рассказ

В. СЛУКИН,
Е. КАРТАШЕВ

Академик надел черную шапочку, погладил седую бородку-клинышек и сказал:

— Ну, кажется, пора. Что вы придумали? Кем ему быть?

Кибернетик почесал затылок и немного неуверенно произнес:

— Все же мне кажется, что у молодого человека такой характер, что он мог бы стать Исследователем-археологом на ближайших планетах. А может быть, Космолингвистом — ведь нужно же кому-то изучать язык обитателей третьей планеты звезды сО-лнц-Е или расшифровывать сигналы, пришедшие из Туманности Хромого Пса.

Женщина-врач возразила:

— При проверке он обнаружил обширные познания в области математики.

Кибернетик поморщился:

— Но он ведь не сумеет перевести в уме числа из двоичной системы в десятичную.

— А разве это так обязательно? Для чего же вы придумываете счетные машины? Только для того, чтобы освободить человеческий мозг от сложных расчетов?! — Врач уже начинала сердиться.

Академик примирительно постучал рукой по столу.

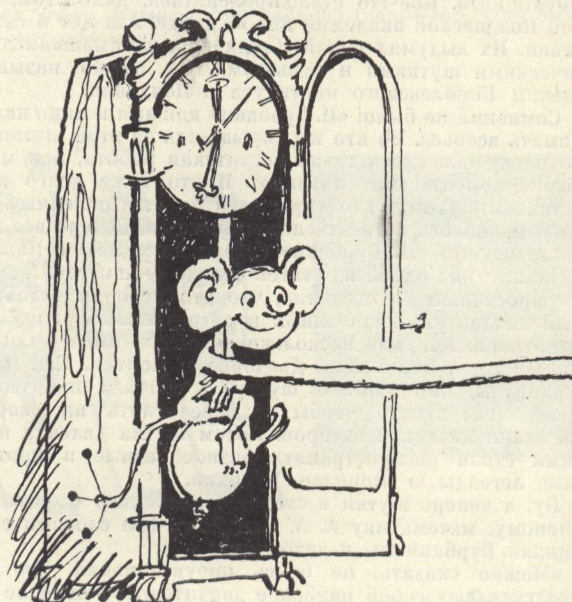
— Ну-ну, успокойтесь. Характер характером, способности способностями, но подумаем и о наших возможностях. Ведь электронный синтезатор еще не способен на чудеса. Скафандр космонавта или костюм индейского вождя ему под силу, но Космолингвист или таблица случайных чисел... Кстати, как вы себе это представляете?

Кибернетик промолчал. Врач тихо вздохнула. Академик посмотрел на них и предложил:

— А что, если мы спросим его самого? Пожалуй, это не будет нарушением правил. Кем бы ты хотел быть, Андрей?

Все трое взглянули на того, о ком шла речь. Но что-то, видно, очень поразило их, потому что сперва Академик, а за ним и Кибернетик с Врачом тут же встали из-за стола и вышли из комнаты...

... Андрей во время спора сидел, не поднимая глаз. Разговор, кажется, принимал не тот оборот. Нет, Математик — это слишком сложно. Не тот вид! Космолингвист?

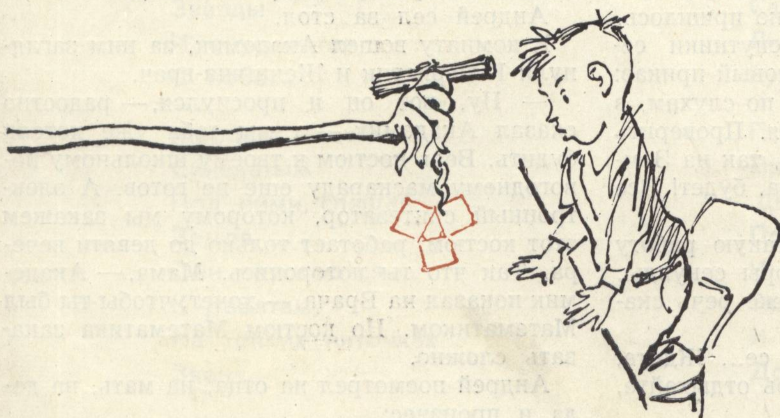
Неплохо... С кем, они сказали, нужно беседовать? С жителями Туманности Хромого Пса? Что-то я никогда о такой не слышал... Как, интересно, может выглядеть тамошний житель?.. Куда все исчезли? Не видно бородки Академика и черных волос Врача... Пропал Кибернетик... Странно...

Андрей огляделся. Что-то в комнате изменилось. Стол теперь вроде длиннее, а сама комната — пошире. В углу стоят совсем незнакомые высокие часы с латунным маятником. Их дубовый с толстым стеклом футляр напоминает шкаф в кабинете биологии.

Вдруг маятник перестал раскачиваться. Часы засветились изнутри. Что-то темное шевельнулось там. Затем дверца часов заскрипела и раскрылась. Однако дальше ничего не произошло, и Андрей отвернулся. Он разглядывал полированную поверхность стола и думал, о чем бы он мог говорить с посланцами третьей планеты звезды сО-лнц-Е. Ну, например, если поговорить о погоде. Там, может быть, самая лучшая пора — это когда льет дождь и вообще слякоть. Дожди Андрей не переносил. Что может быть лучше теплых и ясных дней или тихих звездных вечеров! Так о чем бы он мог поговорить?

Кто-то тронул Андрея за плечо. Он обернулся и увидел, что из открытой дверцы часов на два или три метра высунулась длинная худая рука. Эта рука и похлопывала Андрея по плечу. Ногтей на пальцах не было, а самих пальцев оказалось шесть. «Шестерню» Андрей заметил сразу, но не удивился. Больше того, он тут же догадался, что рука эта принадлежит существу ОТТУДА... Правда, откуда — неизвестно, но точно, что ОТТУДА.

Андрей встал со стула и подошел к часам. На маятнике сидело существо, похожее на мартышку или на летучую мышь без крыльев. Левая рука его была короткой и неподвижной, а правая беспрерывно вытягивалась, ощупывая предмет за предметом.

— Здравствуйте, — сказал Андрей, — вы откуда? Кто вы?

Существо не посмотрело на Андрея. Только большие уши, действительно похожие на уши летучих мышей, повернулись в его сторону.

— Откуда вы? — повторил свой вопрос Андрей. — Кто вы? Вы как сюда попали?

Длинная рука пошарила в ящике шкафа, вытащила оттуда штопор и стала выцарапывать что-то на поверхности стола.

Андрей снова подошел к столу. Там ровными бороздками на полировке красовался треугольник с квадратами, насаженными на его стороны.

— Ну, это яснее ясного! — обрадовался Андрей. — Пифагоровы штаны на все стороны равны! Есть космический контакт! Теперь сразу ясно, что вы существо разумное!

Он уже не сомневался, что гость-то прибыл не из Малаховки и не из Московского зоопарка, а точнехонько из космоса.

— Как вас зовут? — спросил Андрей, но существо молчало. Тогда он догадался, что еще не ответил на вопрос пришельца. Ведь он наверняка проверял Андрея, когда рисовал Пифагоровы штаны. Значит, действовать надо его же методом.

Андрей вынул из холодных пальцев гостя штопор и нарисовал на столе Солнце, вокруг которого по орбитам вращались Меркурий, Венера, Земля, Марс и остальные планеты. Именно так устанавливали контакты с Пришельцами из космоса все герои фантастических романов.

Гость понял все. Он похлопал Андрея по плечу и сказал на чистом русском языке:

— Привет!

Андрей снова не удивился. Это уж точно — сработал кибернетический переводчик.

— Здравствуйте, — ответил он, — как поживаете вы у себя там... Э-э...

— В Туманности Хромого Пса, на планете Игого, — подсказал гость.

— Вот именно, в Туманности Хромого Пса.

— Ничего, живем помаленьку. Тут у вас в экспедиции находимся второй миллион лет.

— Вы уже так давно на Земле? И вас никто не видел?

— Нет, — ответил гость. — На Земле вы первый, кто узнал нас. Правда, здесь мы недавно, с начала кайнозойской эры.

— А где же вы раньше были? — спросил Андрей.

— Да сидели на Сатурне и дули пузырь. Неизвестно, из какого материала он был сделан, только дулся. Дулся-дулся — и лопнул. Ну, и тарарам получился! Кого по шее стукнуло, кого по спине... У Главного — шишка на лбу, фиолетовая, точь-в-точь как небо над нашей родной Игого. Натворили в общем. Главному — выговор из Центра, нам тоже не сладко: кого на Марс перевели, кого обратно отозвали. Не успели, мол, въехать в новую планетную систему, а уже мусорите, какой пример подаете!

На Марсе работа совсем плевая. Одна забава — рой себе каналы от полюса и до полюса. Но и там долго пробыть не пришлось. Только мы сделали для него спутники серии «Д-с» и «Ф-с», как вдруг новый приказ: вылетайте на Землю! Там, мол, по слухам, в будущем цивилизация ожидается. Проверить и доложить. Нам что, на Землю, так на Землю. Проверили. Докладываем: да, будет! Все признаки за это.

Главный доволен. Еще бы, такую работу провернули и сэкономили полторы секунды. Глядишь, в Центре отметят. Даже речь сказал:

«Братцы-инопланетцы! То да се... Ждите, пока земляне появятся. А теперь отдыхайте, сил набирайтесь!..»

Прокричали мы три раза «И-го-го!» и стали отдыхать. Кто в костях квадратные дырки выпиливает, кто железную колонну ставит. А мы с приятелем стали в игру играть — валяй-вобл называется. Кто во что быстрей превратится. Приятель стал камнем, и я тоже. Он сделался речкой, и я потек ручейком. Он в акулу превратился, а я в треску. Он за мной погнался. Я испугался, что ненароком слопает! Сразу полетел куда глаза глядят да вот сюда и попал...

Андрей, слушавший сначала без особого интереса (все фантасты точь-в-точь так же об этом пишут), вдруг оживился:

— Вы говорите, можно превратиться во что угодно? — спросил он у инопланетного гостя. — А можно ли все лицо целиком изменить? Чтобы никто не узнал? А нельзя ли... — Андрей нагнулся к самому уху Пришельца и что-то зашептал.

Гость слушал внимательно. Потом закивал головой.

— Можно. Только нужен гиратам сенелор. У тебя есть триста балей гиратама сенелора?

— Н-нет. А без этого гиратама никак нельзя?

— Без него нельзя. Ничего не получится.

— Жаль. А долго вы тут еще будете?

— Нет, — сказал гость, — сейчас улетаем дальше — на Венеру. Главный вызывает. Говорит, там тумана маловато, рассеивается. Подпустить надо... Прощай. Готовь гиратам сенелор. Не меньше трехсот балей. Может быть, лет через тысячу встретимся... Пока!

В часах опять вспыхнул свет, снова пропал. И часы тоже исчезли. И комната сама приобрела прежний вид.

Андрей сел за стол.

В комнату вошел Академик, за ним заглянули Кибернетик и Женщина-врач.

— Ну, вот он и проснулся, — радостно сказал Академик, — а мы тебя уже хотели будить. Ведь костюм к твоему школьному новогоднему маскараду еще не готов. А электронный синтезатор, которому мы закажем этот костюм, работает только до девяти вечера. Так что ты поторопись. Мама, — Академик показал на Врача, — хочет, чтобы ты был Математиком. Но костюм Математика заказать сложно.

Андрей посмотрел на отца, на мать, на деда и произнес:

— Я уже почти выбрал костюм, вернее, чуть-чуть не превратился в существо с другой планеты.

— Что-то ты, батенька, сочиняешь, — сказал Академик, — как это ты мог превратиться в другое существо? И что это за существо?

— Ну, вот ты мне не веришь, дедушка! Это был гость с другой планеты, из Туманности Хромого Пса. Он меня чуть-чуть не превратил в себя. Вот только у него не было с собой гиратама сенелора.

— Чего-чего? — удивилась Женщина-врач.

— Гиратама. Без него превращать нельзя. А то как было бы здорово! Никто бы меня не узнавал! А я пришел бы в зал. Уши у меня — во! Левая рука — вот такусенькая. А правая зато — ого! И по шесть пальцев на каждой. Ребята лопнули бы от зависти.

— Ну-ну, полно, — сказал дедушка, — все это тебе приснилось. Мы ведь ушли потому, что ты уснул. Положил щеку на руку, глаза закрыл и уснул.

— Бывают же такие сны, — покачал головой отец.

— Так ты, значит, хочешь быть Пришельцем из космоса? — спросила мама с улыбкой.

— Да-да. Я уже рассказывал, какой он. Папа, ты нарисуй. Пусть синтезатор сделает мне костюм Пришельца.

— Ну, ладно. Пришелец так Пришелец, — вздохнул Кибернетик. — Пойдем делать заказ.

Все вышли из комнаты. И никто не заметил, что на столе лежит неизвестно откуда взявшийся штопор для пробок, а на полированной поверхности глубоко выцарапаны «Пифагоровы штаны».

Когда подрастают ребята

Владимир ОРЛОВ

Деревья пьют
Полночный воздух,
Последний свет
В домах исчез,
Дрожат неведомые
Звезды
И опускаются
С небес.

Мерцает светом
Синеватым
Под ними спящая
Земля.
Они спускаются
К ребятам,
На тонких ниточках
Звеня.

Они таинственно
Сияют,
Чуть-чуть
Качаются они,
И, словно яблоки,
Свисают —
Лишь только
Руку протяни.

Подушки теплые
Примяты.
Дымит рассветная
Пора...
И к звездам
Тянутся ребята,
И подрастают
До утра.

СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА...

смотрите не пропустите

Девятиклассник Саша Зуев в роли горниста.

Гражданская война шла к концу, был 1920 год. В руках у белых остался последний рубеж — Севастополь. Дальше отступать им некуда. Чтобы окончательно освободить Крым, Красная Армия совершила героический, неожиданный для врага бросок — штурм Перекопа через непроходимые топи Сиваша.

А сейчас Перекоп снова штурмуют. Только теперь не в Крыму, а совсем в другом месте — на берегу Дунайского лимана. Художники киностудии «Мосфильм» возвели тут «Турецкий вал», расставили орудия и пулеметы. Весь «Перекоп» занял метров сорок, через его укрепления легко перепрыгнуть. Но в глазок кинокамеры оператор — а вместе с ним и мы — увидит на экране все по-настоящему — грозную крепость, которую предстоит взять красным. Так будет выглядеть кадр, снятый сверху,— общий план, как называют в кино.

Но ведь мы должны еще разглядеть и героев фильма. Фильм называется «Служили два товарища». Но, кроме двух главных героев — красноармейцев, высокого спокойного Андрея, которого играет Олег Янковский, и маленького вспыльчивого Ивана (его роль исполняет Ролан Быков), в фильме много других действующих лиц. Это бойцы — кавалеристы, пехотинцы, артиллеристы. Многих из них совсем близко — на крупных и средних планах — мы увидим в самые трудные минуты тяжелого боя.

Развернутое красное знамя полощется в руках всадника. За ним вытянулся цепочкой кавалерийский строй. Силуэты всадников отчетливо видны на гребне обрыва в лучах солнца, которое садится за лиманом. Спускаются сумерки. Осветители зажгли яркие прожекторы, и съемка началась.

Красноармейцы-пехотинцы в лаптях, в линялых гимнастерках двинулись вперед через

болото. Бойцы, надрываясь, тянули на себе вязнущие в грязи пушки. Так начался эпизод перехода через Сиваш.

Это была трудная съемка. В ней участвовали, кроме артистов, специальный кавалерийский полк, солдаты Одесского военного округа и пиротехники, по команде режиссера в нужный момент разжигавшие дымовые шашки.

Такая сцена со множеством участников называется в кино массовкой. Снять ее трудно потому, что надо очень точно отработать, кто куда должен двигаться и как двигаться — быстро или медленно.

Но еще труднее снимать батальные сцены — сцены боев. Тут режиссеру Евгению Карелову пришлось позвать на помощь спортсменов-самбистов. Самбистов одели в красноармейские гимнастерки и белогвардейскую форму, и они, не жалея сил, дрались врукопашную: ставили друг другу подножки, сбрасывали с крутого обрыва «в море». На экране получился кровопролитнейший бой, но спортсмены провели его так ловко и умело, что никто не сломал даже пальца.

В самый разгар штурма на край обрыва вылетел на лихом скакуне парнишка-горнист. Он поднял вверх горн, протрубил звонкую трель и упал, подкошенный белогвардейской пулей. Юный горнист, сын полка, еще недавно хвастался перед сверстниками своей новенькой буденовкой и отлично сшитой гимнастеркой... Роль этого маленького солдата, погибшего на посту, играет в фильме московский школьник Саша Зуев. Саша в первый раз снимается в кино. Но он прекрасно владеет верховой ездой, мастер по конному спорту, хороший акробат, и режиссер смело доверил ему роль, в которой есть разные трюки.

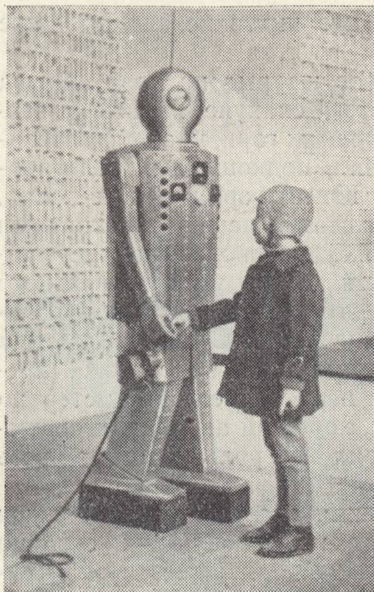
Фильм «Служили два товарища» должен воскресить одну из героических страниц гражданской войны, напомнить нам о людях, которые, не жалея жизни, сражались за Советскую власть. Студия «Мосфильм» выпустит эту картину в феврале, к пятидесятилетию Советской Армии.

Н. КОЛЕСНИКОВА

Штурм Перекопа.

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

"Здравствуй, робот!"

Как только на ВДНХ открывается павильон «Профтехобразование», просыпается и этот робот. Он встречает ребят у дверей, любезно протягивает свою визитную карточку. Считая, что все формальности закончены, робот приступает к делу: начинает экскурсию. Не торопясь, он идет по кругу, рассказывая об экспонатах павильона.

Родился робот в Сибири — недаром его зовут «Сибиряк»,— в Омском профтехучилище № 2.

Фото Г. Ялова.

"Краб" ведет репортаж

...Брошены якоря — судно замедляет ход. Звучит команда: «Начать спуск!» Закрутилась лебедка, разматывая кабель, и водолаз-аквалангист начал медленно погружаться. На этот раз его спутник — телевизионная камера «Краб». Достигнув дна, телеоператор посылает наверх первые кадры. Ученые и инженеры, собравшиеся на палубе, внимательно разглядывают подводную часть строящейся плотины. Телепередача ведется с глубины до тридцати метров.

В. Солдатенков

Черепахи в пути

Морские черепахи ежегодно проделывают большой путь в водах Атлантического океана. Со своей родины, вулканического острова Асцензион, они отправляются далеко-далеко, за 2 500 километров! — к берегам Южной Америки и затем возвращаются той же дорогой. Как они ориентируются в дороге? Чтобы выяснить это, американский ученый А. Карр решил установить связь с морскими путешественницами. Он привязал к черепахам яркие воздушные шары, а к ним маленькие радиопередатчики. Как только черепахи всплывают на поверхность, чтобы набрать воздуха, прибор начинает работать. Его сигналы помогут установить маршрут путешествия.

И. Котова

Алфавиту - 260 лет

«Геометрия славенски землемерие» — так называлась первая русская книга, напечатанная тем же алфавитом, что и наш современный (если не считать небольших изменений). Эта первая книга «гражданской печати» появилась в 1708 году.

Ввел новый алфавит Петр I. Он внимательно рассмотрел только что отпечатанную азбуку, где были новые, более простые для написания буквы. Петр вычеркнул старые буквы и написал на азбуке: «Сими литеры печатать исторические и мануфактурные книги, а которые подчерканы — тех в вышеописанных книгах не употреблять».

Но взгляните на эту монету. Она появилась годом раньше — в 1707 году, а надписи на ней сделаны уже новым, «гражданским» алфавитом. Возможно, она была выпущена в порядке эксперимента.

М. Максимов

Лоза и солнце

Долгое время специалисты не могли объяснить некоторые особенности в жизни виноградной лозы. По неизвестным причинам сахаристость ягод на разных участках виноградника то повышалась, то падала. Из крупнейшего в Крыму виноградарского совхоза «Коктебель» обратились за помощью к ученым. Неподалеку от совхоза на склонах Кара-Дага раскинулись домики актинометрической обсерватории. Здесь, на восточном берегу Крыма, где солнце сияет более трехсот дней в году, идет изучение нашего светила: как оно влияет на земную жизнь — на нашу атмосферу, на море, на физические, химические и биологические явления в почве.

Приборы-самописцы непрерывно отмечают колебания солнечного излучения. Помогли ученые и виноградарям, определили степень солнечной радиации на плантациях знаменитого совхоза, посоветовали, на каких участках разводить тот или иной сорт.

До сих пор науке не много было известно о взаимодействии солнца и моря. Сотрудникам обсерватории удалось установить, что солнечные лучи очень важны для размножения планктона, основного корма многих рыб.

Ю. Котляр

Из музея в музей

Вот таким необычным способом — с помощью вертолета—переправляют сотрудники музея в городе Берне (Швейцария) чучело верблюда в музей другого города.

Как слонов воспитывают

Кто не знает, какие слоны сильные и умные помощники человека! Они корчуют деревья, вытаскивают застрявшие в грязи машины, поднимают и перевозят тяжелые грузы. Но это прирученные слоны. У диких слонов характер совсем иной. Встреча с ними человеку опасна.

В индийских джунглях у подножия Гималаев живут укротители диких слонов. Это очень смелые люди. Они выслеживают слоновьи стада и, выбрав удобный момент, ловят отбившихся животных, набрасывают веревку на хобот и связывают великана.

Много месяцев живет дикий слон на привязи, в окружении прирученных собратьев. Они вместе с человеком учат его трудолюбию. На фотографии вы видите обучение дикого слоненка в лагере.

"Пилот, берегись птиц!"

На Гавайских островах живут огромные птицы-буревестники. Размах крыльев у этих гигантов достигает трех метров. Пилотам местных самолетов приходится быть особенно внимательными: уже не раз столкновение машины с буревестником кончалось катастрофой.

С. Копелнович

Громоотвод в Ватикане

Что такое громоотвод, хорошо известно. Но, наверное, мало кто знает, что еще не так давно не все могли пользоваться этим нехитрым приспособлением. Священники из Ватикана заявили: «Молния — дело божье. Грех выдумывать какие-то громоотводы». Верующие католики не решались ослушаться строгих указаний, а тех, у кого все же появлялся на крыше металлический стержень, отлучали от церкви. Но время идет, и все меняется. Сегодня можно увидеть громоотвод даже... на крышах самого Ватикана!

К. Ауэрбах

Весёлая игра Там-Там

ТРАМ-ТАМ-ТАМ!
ТАМ-ТА-РА-РАМ!

Слышишь позывные?

Веселый волшебный барабан ТАМ-ТАМ снова зовет тебя и твоих товарищей.

Для тех, кто первый раз играет с нами, повторяем основные правила игры.

Команда (одиннадцать человек) придумывает себе название, девиз, эмблему и вызывает на состязание другую команду.

К состязанию команды готовятся заранее. Помогает команде весь отряд. Каждая команда приглашает болельщиков. Болельщики подбадривают свою команду остроумными лозунгами, веселыми рисунками и аплодисментами.

Жюри оценивает успех команды по пятибалльной системе.

КОМАНДЫ! К СРАЖЕНИЮ ГОТОВЫ?

Остроумные есть?
Находчивые есть?
Фантазеры есть?
Эрудиты есть?
Мастера на все руки есть?

ИГРА НАЧИНАЕТСЯ!

Ведущие ударили в барабан. Капитаны команд, выходи вперед! Как всегда, первое сражение для вас.

ГЛАВНОЕ ПРАВИЛО ИГРЫ

В ответе ценятся не только правильность, но краткость и остроумие!

Рыболовы

Сегодня мы не зададим вам ни одного вопроса. Вопросы вы будете выуживать сами. Не удивляйтесь. Это очень просто.

Заранее вы сделаете картонный аквариум. К удочкам привяжете маленькие магнитики. Вырежете из картона разных рыбок и прикрепите к ним металлические колечки. На каждой рыбке напишете вопрос.

1. Сколько в нашем городе поворотов?
2. Когда земля тяжелее, вчера или сегодня?
3. Какая азбука состоит всего из двух знаков?
4. Сколько нужно гвоздей для хорошо подкованной лошади?
5. Сколько рыбок в день съедает бегемот?
6. Какие ноги у жирафа длиннее — передние или задние?

Итак, закидывайте удочки. Начинаем... Ах, да. Мы забыли вас предупредить, что на вопросы, которые выловит каждый из вас, отвечать должен ваш соперник.

ЗАПИСКА В БУТЫЛКЕ

В этой старинной бутылке мы обнаружили загадочную записку. Вот она.

«Апреля 31 дня. Потеряли якорь во время бури у берегов Саргассова моря. Отнесены течением в неизвестном направлении. Справа по борту — мыс Доброй Надежды. Слева — мыс Горн. Движемся к Южному полюсу со скоростью пять узлов в час. Оказавшему помощь обещаем в награду два бочонка турецких дублонов. По ночам нас преследует рев африканских тигров. Лишены возможности дать радиограмму, так как бросаем эту бутылку в море за двенадцать лет до установления сигнала «СОС». Наши координаты... (здесь неразборчиво)».

Специалисты, прочитавшие эту записку, утверждают, что в ней содержится не меньше семи ошибок.

А сколько найдете вы!

Когда мы смотрим хоккейный матч по телевизору, мы часто кричим: «Мазила!», «Ворона!», «Стоит в метре от ворот и не шелохнется!», «Меня бы туда пустили, я бы им показал!», «Дали бы мне возможность!»...

Сегодня мы предоставляем вам эту возможность — забивать голы и выигрывать очки своей команде.

(На сцене ворота для хоккея. Две клюшки и теннисный мячик.)

Вы должны взять в руки клюшку. Затем вы получаете мячик. Вы уже догадались, что вам нужно забить мяч в ворота. Чтобы это не было слишком просто, поставим в воротах лучшего вратаря команды соперников. Вы можете сделать пять ударов. Кто забьет больше голов?

ВНИМАНИЕ! МЕЖДУ СРАЖЕНИЯМИ КОМАНДЫ ПОКАЗЫВАЮТ ОДИН ТАНЕЦ И ОДНУ ПЕСНЮ.

БОЛЕЛЬЩИКИ

Как известно, настроение болельщиков зависит от находчивости команды. Но в этом конкурсе мы решили все сделать наоборот. Настроение команд будет зависеть от находчивости болельщиков.

Мы вручим вам, болельщикам, сто граммов воздушных шариков (сто граммов, не больше и не меньше), красных и желтых...

Собственно, воздушными шарики станут после того, как вы их надуете. Учтите, что каждый лопнувший шарик — минус одно очко. Ну как, готовы?

А теперь обратите внимание, что на каждом из шариков нарисована буква.

Вам надо в течение трех минут составить из этих букв веселый лозунг для вашей команды.

Но смотрите не допустите при этом какую-нибудь грамматическую ошибку!

БУДЕМ АКТЕРАМИ

Все вы, конечно, любите не только хоккей, но и театр. И, вероятно, многие из вас мечтают стать режиссерами или артистами. А может быть, кто-то мечтает завоевать звание не только мастера ледяной дорожки, но и мастера сцены?

Как знать, такое вполне может случиться. А с двумя из вас это случится очень скоро.

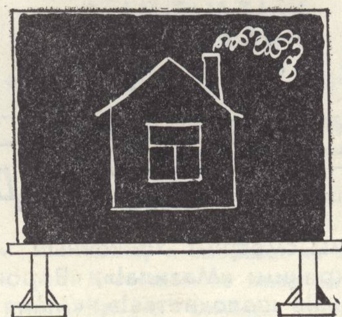
Пусть выйдут на сцену по два человека от каждой команды.

За полчаса они должны подготовить и сыграть небольшой этюд — пантомиму на тему...

А вот название темы сейчас вам подскажут ваши соперники.

КОНКУРС ХУДОЖНИКОВ

Все вы, конечно, умеете рисовать. И сейчас легко это нам докажете. Нарисуйте на школьной доске домик с одним окном. На крыше труба, из которой идет дым. Очень хорошо. А теперь мы слегка усложним задание. Вы будете рисовать с завязанными глазами.

Нарисуйте дом. Опустите руку. Теперь нарисуйте трубу. Опустите руку. Теперь окно. Опустите руку. И, наконец, дымок. Вот так...

А теперь снимите повязки, и вы поймете, почему так весело все смеются.

Десять шагов до победы

В этом конкурсе побеждает тот, кто быстрее сделает десять шагов. Но при этом нужно назвать еще десять разных имен. Каждый шаг — одно имя.

Итак, кто быстрее?! И, пожалуйста, не решайте заранее, что выполнить это задание легко и просто!

Я — БУРАТИНО

Перед вами восемь больших коробок.

Пускай выйдут на сцену по четыре человека от каждой команды и встанут друг против друга. Вот так. А теперь по сигналу ведущих открывайте коробки. Их содержимое смело надевайте на голову! Команда, которая сделает это быстрее, получает первое очко.

Внимание! Начали...

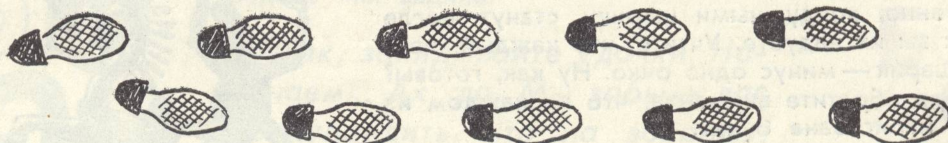
Стоп.

А теперь взгляните на головы своих соседей. Догадались? На вас головные уборы знаменитых литературных героев. Представьте, что каждый из вас носит имя героя, шляпа которого вам досталась. Ведущий называет имена героев. Как только вы услышите свое имя, вы должны сделать шаг вперед и представиться...

Итак, Д'Артаньян... Буратино... Старик Хоттабыч... Золушка... Дядя Степа...

Кто лучше рассказал о себе? Кто остроумнее представился?

Побежденные, сделайте шаг назад и снимите шляпы перед победителями.

Желаем успеха твоей команде

Поросята Хрюк и Хряк

Юнна МОРИЦ

Рисунки А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

На поросенке Хрюке
Розовые брюки.
Он в цирке на бульваре
Показывает трюки.

Он может шпагу проглотить,
И шляпу в зайца превратить,
И вверх копытами ходить
С тарелкой на бамбуке.
Он клоун, фокусник, гимнаст,
И ни тебе, ни мне не даст
Он умереть от скуки.

Он в разноцветном колпаке
Танцует вальс на потолке,
Несется вскачь на ишаке,
Играя на гитаре.
На представлении вчера
Я закричал ему: «Ура!» —
Такие были номера
В его репертуаре!

У Хрюка есть братишка Хряк,
И тот, наоборот,— моряк.
Он спорит с бурей океанской,
Живет в каюте капитанской.
Он ест тресковое филе,
Почти не ходит по земле,
И лососенок и китенок
О нем наслышаны с пеленок!

Бывало, море бушевало
Три дня, три ночи напролет,
Но Хряк дежурил у штурвала,
И ледокол летел вперед!

Висит на вантах зимний иней,
Во всех каютах свет погас,
А храбрый Хряк в фуражке синей
Стоит с биноклем возле глаз.
Опасно плыть на ветер в марте:
Несутся айсберги гурьбой
И путь, отмеченный на карте,
Желают заградить собой.

Они на вид крупней Казбека
И тверже! Судя по всему,
Они хотят разбить с разбега
Борта, и днище, и корму.
Опасна с айсбергами драка
В пучине льдистой и морской,
Однако храбрым, вроде Хряка,
Не страшен айсберг никакой!

Он капитанскую науку
Усвоил с бурями в борьбе
И пишет в Хрюков брату Хрюку
О жизни в море, о себе.

Он приглашает Хрюка в Хряков:
— Пора у моря побывать!
Мы будем есть вареных раков
И светлым пивом запивать.

Этот Хряк —
Такой добряк!

Ответил клоун капитану,
Что он согласен погостить.
И притворяться я не стану:
Я буду жалобно грустить,

Когда на цирковой площадке —
Перед началом и концом —
На чудной пляшущей лошадке
Не будет Хрюка с бубенцом.

КАК ОЖИВИТЬ РИСУНОК

В. КУРЧЕВСКИЙ

Показал мне один мальчик рисунок. Не сразу я в нем разобрался: столько было там начерчено и накрашено. Очень многое хотел сказать художник на одном листе бумаги сразу, поэтому все и запуталось. Человечки на рисунке бегали вперегонки, чем-то бросались, пускали по ветру разноцветные шары, прыгали с вышки в воду, из которой летели голубые брызги. Получился целый рассказ.

Разобрался я в этой картине, и очень она мне понравилась: и человечки смешные и двигаются интересно. Вот бы все это оживить. Чтобы рисованные человечки забегали, запрыгали, заулыбались.

А ведь есть способ оживить рисунок — мультипликация. Слово это латинское и означает оно «повторенный много раз». В мультфильмах много раз повторяется рисунок для того, чтобы он ожил, задвигался, забегал.

Можно сделать простой опыт.

Нарисуй на углу каждой страницы тетради или записной книжки маленькую фигурку человечка в разных позах движения. Потом согни страницы твоей книжки и быстро отпусти их. Углы страниц с рисунками быстро замелькают перед твоими глазами, и ты увидишь, что нарисованный человечек ожил.

Это «оживление» рисунка объясняется свойством нашего зрения, зрительной памятью. Одно положение движущегося предмета еще не успело в глазу исчезнуть, как возникло новое положение, это и создает видимость движения.

Ученые установили: человеческий глаз сохраняет зрительное впечатление примерно в течение одной десятой секунды. Значит, если время между двумя зрительными впечатлениями не превышает одной десятой секунды, то впечатления сливаются одно с другим.

Этим воспользовались кинооператоры. Представьте себе, что пленка в киноаппарате движется с такой скоростью, что за одну секунду мы получаем двадцать четыре разных по движению кадриков: объектив киноаппарата как бы разложил снимаемое движение на ряд последовательных снимков-моментов этого движения.

Пропуская отснятую кинопленку с такой же скоростью через проекционный аппарат на экран, мы не замечаем отдельных снимков, они сливаются в нашем глазу в общее движение.

Так снимают игровые фильмы с настоящими актерами на настоящей природе.

А как же заставить двигаться рисованного или кукольного героя, чтобы он двигался, как настоящий актер? Очень просто. Сделаем двадцать четыре снимка, слегка изменяя движение нашего героя, а при проекции на экран в одну секунду они сольются в плавное движение.

Такой метод съемки называется покадровым.

А сколько нужно времени на какое-либо движение, подскажет секундомер.

Ну, вот, к примеру, сколько секунд уходит на твое пионерское приветствие «Всегда готов!», когда ты подносишь ладонь руки ко лбу?

Делай движение и нажми секундомер.

У меня получилось две секунды.

Значит, для того, чтобы донести руку от бедра до головы, тебе придется снять сорок восемь кадров. Вот так и мультипликатор по секундомеру проверяет каждое движение и раскладывает его во времени с учетом, что за секунду в проекционном аппарате проходит двадцать четыре кадра.

Это самое основное, что ты должен знать, если хочешь, чтобы в твоей школе был кружок муль-

типликаций, если хочешь увидеть, как придуманный человечек будет смешно бегать и разыгрывать любые истории, сочиненные тобой. Почти в каждой школе есть фотокружок. Многие из вас имеют свой фотоаппарат и хорошо снимают. Это все пригодится при работе и с кинокамерой.

Многие любительские кинокамеры имеют устройство для покадровой съемки как для пленки в 16 мм, так и для пленки 2 × 8.

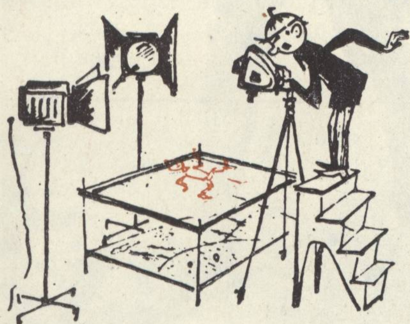
Любительскими кинокамерами можно снимать движение по шестнадцать кадров в секунду.

Теперь немного о том, как сделать героев твоего будущего фильма.

Проще всего сделать плоские марионетки или перекладки.

Нарисованный на плотной бумаге или картоне человечек разрезается в местах движения (в локтях, поясе, на шее, в коленях и т. д.), а потом скрепляется шарнирами из тонкой проволоки. Для съемки таких кукол делают горизонтальную установку.

Кукол кладут на стекло, за стеклом рисованный фон, а аппарат прилаживается над этой установкой. Фон и куклы на стекле освещают отдельно, чтобы тени от кукол не попадали на фон. Обратная сторона кукол красится в черный цвет, чтобы не было бликов на стекле.

Куклы эти очень подвижны. На таких куклах снято очень много фильмов. Посмотри их.

«Левша», фильм о русском умельце, сделан на рисованных бумажных куклах.

«Мистер Твистер» — на плоских куклах различной фактуры. Они склеены материей. Волосы — из проволоки или меха.

Проследи, как двигаются плоские куклы, как они сделаны.

Если ты попадешь в кинотеатр на программу мультипликационных фильмов, то обязательно увидишь там кукольный фильм.

Но актеры, то есть куклы, там совсем другие, чем в кукольных театрах.

В театре куклу двигает рука актера, в мультипликационном фильме движение получается, как мы уже говорили, за счет большого количества кадриков, которые при проекции создают видимость движения.

Чтобы мы могли снять куклу много раз, разложив движение на много кадриков, конструкция куклы должна быть пластичной и в то же время упругой, способной сохранить каждое маленькое движение. Чтобы отдать пионерский салют, руку куклы на пути от бедра к голове нужно подвинуть сорок восемь раз. И все сорок восемь маленьких движений должны быть зафиксированы.

Лучше всего сначала попробовать сделать куклу из латунной проволоки, свив несколько проволочек в жгут. Голову, руки или ноги можно вырезать из дерева или из любого материала (шарик пинг-понга, пробка). Чтобы кукла стояла, ее прибивают маленькими гвоздиками к полу. Для этого в ботинках куклы делают небольшие отверстия. Ботинки должны быть прочными. На проволочный каркас можно сшить одежду, шляпу, варежки. Чтобы подчеркнуть фигуру, каркас можно обмотать изоляционной лентой или обклеить обыкновенной резиновой губкой, которую легко выстричь по фасону.

Очень много разнообразных кукол участвует в фильме «Кто поедет на выставку?». Там есть

человечки, сделанные из конструктора, связанные из веревки, склеенные из шишек, и просто магазинные матрешки.

Обрати внимание, как крепятся, как двигаются различные куклы. Есть ли мимика, и как она сделана.

Мне очень интересно жить в этом мире, где все, что я придумаю, нарисую, сделаю, оживет и живет рядом со мной.

А тебе?

Не бойся, берись за кинокамеру, и те маленькие неудачи, трудности и ошибки, которые поначалу, конечно, будут, с лихвой возместятся радостью от общения со своей ожившей фантазией.

Тем, кто захочет первый раз взять в руки фотоаппарат, я посоветую снять диафильм — это самая простая форма фоторассказа. Снимки делаются любым фотоаппаратом на цветной обратимой пленке. Мне кажется, что было бы интересно выпускать школьный сатирический журнал, где могут быть небольшие рассказы в картинках и подписи под ними.

В диафильме можно использовать объемные куклы и куклы-перекладки. Можно разыгрывать «актерские» сцены, снимая ребят в нужных ситуациях, тогда подписи пойдут отдельным титром после картинки.

Дорогой друг!

Если тебя заинтересовала моя статья, если ты видел какой-нибудь мультипликационный фильм и хочешь узнать, как он сделан, если ты сам взялся за камеру и хочешь получить совет, то не стесняйся, пиши в редакцию журнала, мне, Вадиму Курчевскому.

Четыре совета Алевтины Колчиной

Заслуженный мастер спорта Алевтина Колчина.

Замечательная вещь — лыжи! Человек может подружиться с лыжами уже в двухлетнем возрасте и сохранять эту дружбу до старости. Конечно, двухлетний малыш не бегает на лыжах так, как бегают мальчишки школьного возраста, да и у старых людей не те силы и возможности, что у молодых. И советы им всем нужны неодинаковые. Но сегодня мои советы для вас, мальчики и девочки.

Часто ли и много ли вы ходите на лыжах?

Я знаю, на этот вопрос одни ответят: «Часто, каждое воскресенье». Другие скажут: «Ну разве это часто? Я как уроки выучу, так сразу на лыжи и за околицу нашего села». А я и тем и другим скажу:

— Мало! Ведь вы живете в стране, где зима и снег царствуют много месяцев, где снежные просторы не измеришь, не обойдешь.

Да, на околице села, на окраине небольшого городка всегда веселыми узорами лыжных следов исполосован снег. Но далеко ли уйдешь за часок до сумерек? А между тем сколько ребят ходят в школу за полтора, за два километра, в другое село! Ходят, топают по тропке, оскальзываясь и проваливаясь в снег, а лыжи у них стоят дома в сенях до прогулки. Будто невдомек ребятам, что ведь лыжи — средство сообщения, и какое чудесное! И сколько бодрости, сколько сил прибывает человеку, если он дважды в день делает такую пробежку.

Зря я вам не посоветую, на себе испытала в ваши годы! Это было в трудную пору войны. Я училась в ремесленном училище. А до него от дома — три километра. И туда и обратно я эти три километра одолевала на лыжах.

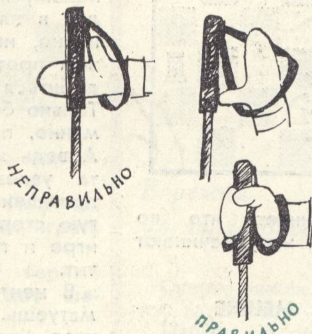
У меня до сих пор перед глазами те места. Вековой уральский лес, сугробы, заячьи стежки-дорожки на снегу. И, пересекая их, то в гору, то под гору тянется моя лыжня среди елей, одетых в мохнатые белые шубы.

Может, не будь этих трех километров, не стала бы я никогда настоящей лыжницей.

Итак, сколько у вас километров от дома до школы? Не меряйте эти километры шага-

ми по пешим тропкам, а становитесь на лыжи — и айда!

Как вы берете палки в руки? Многие вдевают руку в петлю сверху вниз. Это неправильно. Надо просунуть кисть в петлю снизу вверх и развернуть руку так, чтобы охватить ладонью палку вместе с петлей. Петля при этом оказывается во впадине между большим пальцем и указательным. Тогда при отталкивании петля становится дополнительной опорой. Заметьте: захват палки кистью не ослабляется и после отталкивания; палка все время как бы продолжает руку, как бы спаяна с ней.

Учитесь скользить на одной лыже. Это самое важное для скорости и для хорошего равновесия в попеременном шаге — умение скользить на одной лыже.

А как учиться длинному скользящему шагу? Старайтесь ходить без палок, но не ступайте, не шагайте, а оттолкнитесь и скользите, перенеся тяжесть на одну ногу. Другая нога в это время на весу и сзади, только носковой загиб лыжи слегка касается снега и находится рядом с пяткой ботинка скользящей ноги. Однако не надо, чтобы нога зависала надолго. Маховым движением переносите ее вперед для следующего шага.

После лыж всегда ужасно хочется пить. Только вы не хватайтесь сразу за воду, чтобы пить. Умойтесь, приведите себя в порядок, пополощите рот. На все это уйдет минут двадцать. Вот тогда-то и можно пить. Но вы увидите, что ужасная неутолимая жажда както прошла и хочется вам пить не больше, чем обычно.

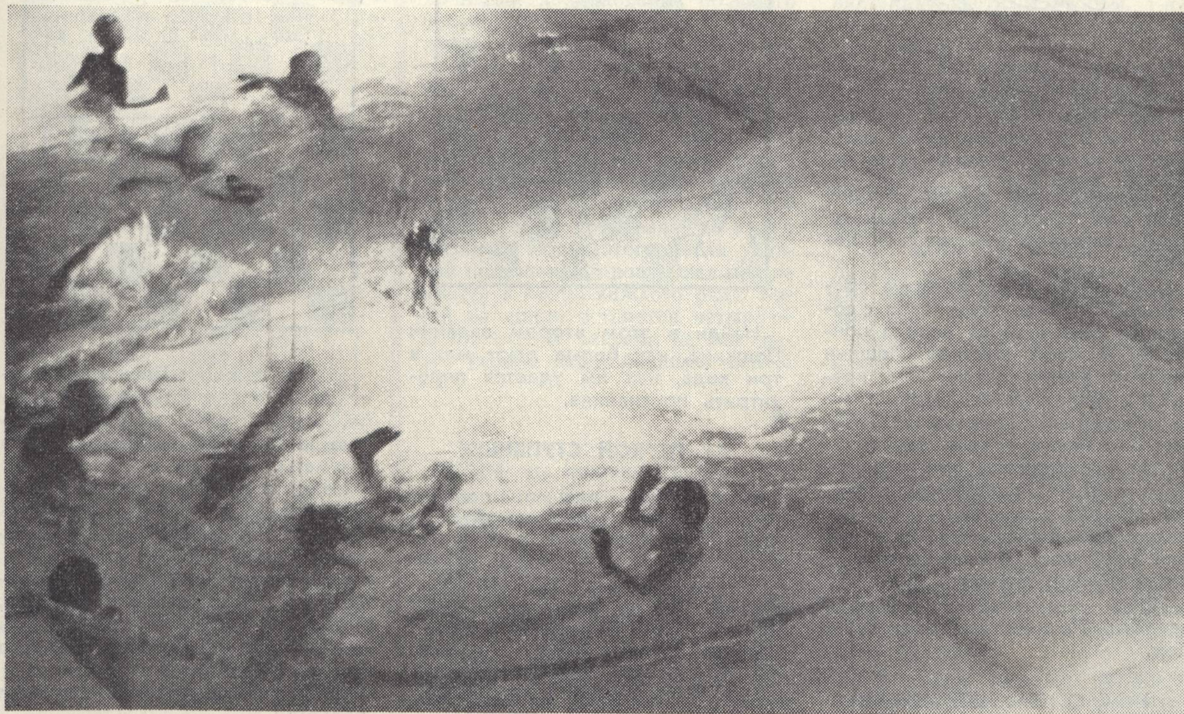

Фото Н. Масленникова

Осенью, когда над Москвой кружились первые снежинки и таяли, не долетев до земли, в Норильске снег был уже в полтора метра толщиной. Сейчас здесь бушуют метели и царит полярная ночь. Но в плавательном бассейне у норильских ребят лето. На юных пловцов весело льются с потолка яркие лучи искусственного солнца.

ПЕШКИН НАЧИНАЕТ ПОХОД

Грозным строем разместились на шахматной доске твои фигуры и пешки. Все на местах, готовы к сражению. А вдали расположились боевые силы противника.

ка. «Деревянные войска рассеивают сон невежества» — так говорит старинная монгольская легенда.

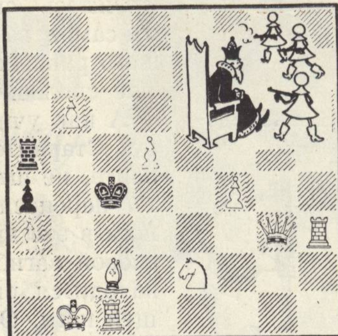
А ты готов к шахматным сражениям? Пешкин зовет тебя с собой на штурм задач нового конкурса. В свой конкурс Пешкин включил десять задач. Кто правильно решит шесть задач, получит четвертый спортивный разряд, кто решит восемь задач, тот станет шахматистом третьего разряда и будет награжден грамотой «Ферзя и ладьи».

Решения присылайте не позднее чем через месяц после того, как получите журнал.

Итак, дан сигнал шахматной тревоги. Пешкин выступил в поход.

ПОД ОГНЕМ НЕПРИЯТЕЛЯ

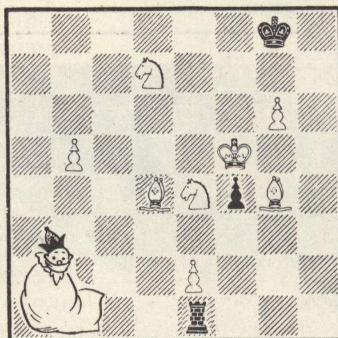
Со всех сторон ведут огонь по черному королю белые. А он не унывает, надеется спастись. Как, по-вашему, в этом первом задании Пешкина белые могут заматовать черного короля всего лишь в два хода?

Пешкин напоминает, что во всех его заданиях игру начинают белые.

КОРОЛЬ В МЕШКЕ

Воинственные слоны и стремительные кони белых загнали в угол черного короля. Поредели ряды его защитников, но ладья готова в нужный момент прийти на выручку «его величеству».

Найди в этом втором задании Пешкина, как белые дают мат в три хода, как им удается перехитрить противника.

НА ПЕРВОЙ СТУПЕНЬКЕ

Вот какое письмо получил Пешкин из города Алма-Аты от Бори Стольникова.

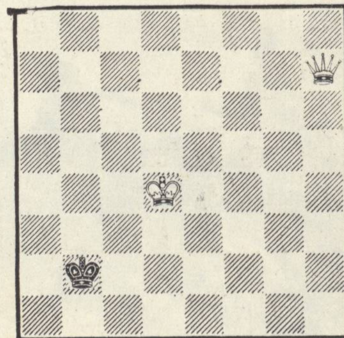

«Играл я недавно в турнире у нас во дворе,— пишет Боря,— и мы часто спорили о правилах. В одной партии у меня остались король и ферзь, а у противника — только король. Ребята сказали, что я должен дать мат за десять ходов, иначе будет ничья. Есть ли такое правило?»

Нет, Боря, такого правила. Одинокому королю мат должен быть дан в пятьдесят ходов, хотя, конечно, играя с королем и ферзем против короля, мата можно добиться и за несколько ходов. Только борьбу надо вести продуманно, по определенному плану. А ведь иногда бывает, что ребята увлекутся шахмами и теснят противника то в одну, то в другую сторону. Конечно, при такой игре и пятидесяти ходов не хватит.

В центре доски короля не заматуешь. Значит, надо гнать его в угол, на крайнюю горизонталь или вертикаль. Надо организовать и взаимодействие своих сил. Активное участие в сражении должен принять и твой король.

Если руководствоваться этими соображениями, то цель будет достигнута быстро и легко.

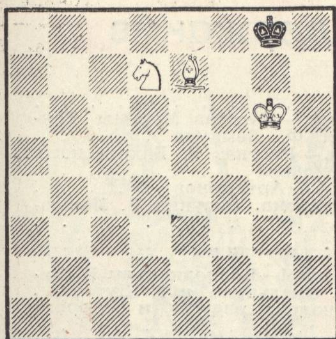
В этой позиции Пешкин советует внимательно разобраться и тебе, Боря, и всем ребятам, которые недавно научились играть в шахматы.

Найдите наименьшее число ходов для того, чтобы заматовать черного короля, если игру начинают белые.

Сложнее всего заматовать одинокого короля слоном и конем. Его надо обязательно оттеснить на угловое поле того цвета, по которому действует слон.

Вот одна из типичных матовых позиций:

Белые дают мат, играя так: 1. Kd7 — e5 Kpg8 — h8 2. Ke5 — f7+ + Kph8 — g8 3. Kf7 — h6 + + Kpg8 — h8, и слон наносит решающий удар на f6.

А можно ли заматовать черного короля быстрее?

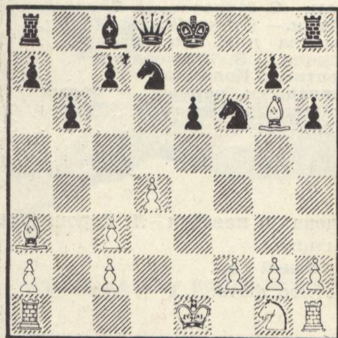
Это второй вопрос Пешкина тем, кто недавно научился играть в шахматы.

Кто пришлет Пешкину верные ответы, станет оруженосцем шаха.

ТАЙНА ОДНОЙ ПАРТИИ

Было это много лет назад, в 1931 году. Тогдашний чемпион мира Алехин проводил сеанс одновременной игры в одном из городов Югославии.

В этой партии были сделаны такие ходы: 1. e2 — e4 e7 — e6 2. d2 — d4 d7 — d5 3. Kb1 — c3 Cf8 — b4 4. Cf1 — d3 Cb4 : c3 + 5. b2 : c3 h7 — h6 6. Cc1 — a3 Kb8 — d7 7. Фd1 — e2.

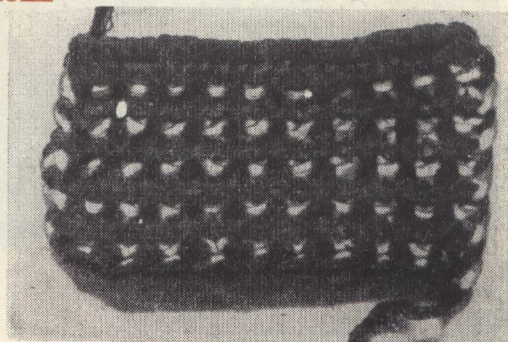

А на этой диаграмме вы видите финал этого поединка. Последний ход белых 11. Cd3 — g6 мат.

Попробуйте сами сделать недостающие ходы за белых и черных. Как развивалась борьба в этом поединке? Почему черные так быстро потерпели поражение, какие ошибки они допустили?

Пешкин ждет ваших разгадок тайны этой «короткометражной» партии. Лучшие ответы принесут ребятам почетную грамоту «Ферзя и ладьи».

ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ

Варежки из двух половинок

Сперва вяжем нижнюю половинку варежек.

Набери на спицы двадцать две петли и вяжи резинкой 2 × 2 5—7 см (1-й ряд — две петли лицевые, две петли изнаночные; 2-й и все последующие ряды — лицевые петли вязать налицо, изнаночные — наизнанку).

Связав резинку, вяжи чулочной вязкой (по лицу работы лицевыми петлями, по изнанке — изнаночными) до основания большого пальца. Отверстие для большого пальца выполняют так: провяжи от края одну петлю, затем третью часть петель от общего числа (примерно 7 петель) сними на булавку. Когда будешь вязать следующий ряд, то над снятыми петлями набери столько же новых петель. Теперь вяжи прямо (не убавляя и не прибавляя) до конца мизинца. После этого петли убавляй постепенно, провязывая по две вместе в конце каждого ряда. Когда на спице останется четыре — шесть петель, закрепи их все сразу. Теперь вяжи большой палец. Сними петли с булавки на спицу, с каждой стороны добавив по одной петле, и вяжи чулочной вязкой наружную половинку до середины ногтя. Заканчивают палец, провязывая по две петли вместе с каждой стороны. Для внутренней половинки пальца петли набери по краю отверстия и вяжи точно так же, как и наружную половинку.

Верхнюю половинку варежки вяжи двухцветным узором. 1-й и 2-й ряд — лицевыми петлями темной нитью.

3-й ряд — вводи светлую нить и вяжи: одну петлю снять (нить от клубка остается позади петли), одна петля лицевая. 4-й ряд — одна петля лицевая, одну снять (нить от клубка остается перед петлей).

5-й ряд — повторяй рисунок, начиная с 1-го ряда.

Так вяжи до конца мизинца. Дальше в лицевых рядах бери по две петли вместе с обеих сторон варежки.

Готовые половинки варежки сшей.

● ●

ШАРФ ты можешь связать в подарок папе, брату или товарищу.

Может быть, кто-нибудь из мальчиков отважится сам связать такой шарф. Пусть обязательно нам об этом напишет.

Вяжется шарф из 150 граммов шерсти. Шерсть должна быть двух цветов, а спицы с очень острыми концами с обеих сторон.

Набери на спицы 70—75 петель и начинай вязать.

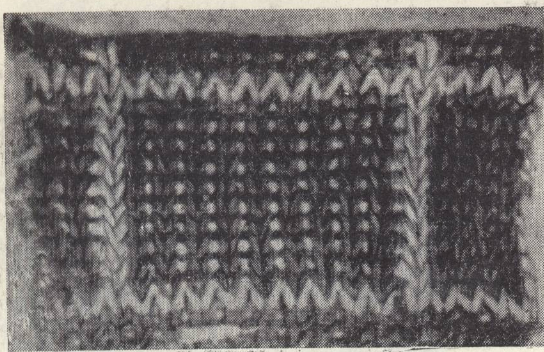
1-й ряд вяжется темной ниткой — одна петля лицевая, одна изнаночная.

2-й ряд вяжется светлой ниткой. Изнаночные петли надо снять со спицы не провязывая (нить остается перед пряжей), лицевые петли провязать налицо.

В 3-м ряду передвинь вязание на другой конец спицы и вяжи темной ниткой по изнанке работы — лицевые петли налицо, изнаночные (те, что сняты в предыдущем ряду) наизнанку.

В 4-м ряду переверни пряжу на лицевую сторону и вяжи светлой ниткой. Снимай, не провязывая лицевые петли (нить остается позади работы), изнаночные петли вяжи наизнанку.

5-й ряд: опять передвинь вязание на другой конец спицы и вяжи

еще раз по лицу работы темной ниткой — лицевые петли (те, что сняты в предыдущем ряду) налицо, изнаночные петли наизнанку.

Теперь повторяй весь рисунок, начиная со 2-го ряда.

Когда шарф будет готов, отпарь его через влажную ткань горячим утюгом.

Концы шарфа можно украсить кисточками. Как делать кисточки, «Храбрые портняжки» уже рассказывали в девятом номере журнала за 1965 год.

О. ЛУНЕВА

Неизвестные раскрывают свои тайны

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 12

«Сколько лет деду Морозу!» — 1968 лет.

«Новогодние подарки» — 40 подарков.

«Сосчитай-ка» — 00000 (последние пять цифр — произведения всех чисел от 7 до 27 (и 11) наименьший отличный от 1 делитель числа 1 111 111 111).

«Сколько детей в семье!» — Всего 7 детей: 4 мальчика и 3 девочки.

«Наши кроссворды»:

$$\begin{array}{r} 980 \\ -\ 90 \\ \hline 890 \end{array} \qquad \begin{array}{r} 918 \\ +\ 168 \\ \hline 1\,086 \end{array}$$

Содержание

Адрес редакции: **Москва, А-15. Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00296. Подписано к печати 18/XII 1967 г. Формат бум. 84×108 1/16. Объем 8,82 усл. п. л.
10,11 учетно-изд. л. Тираж 936 000 экз. Изд. № 8. Заказ № 3531.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

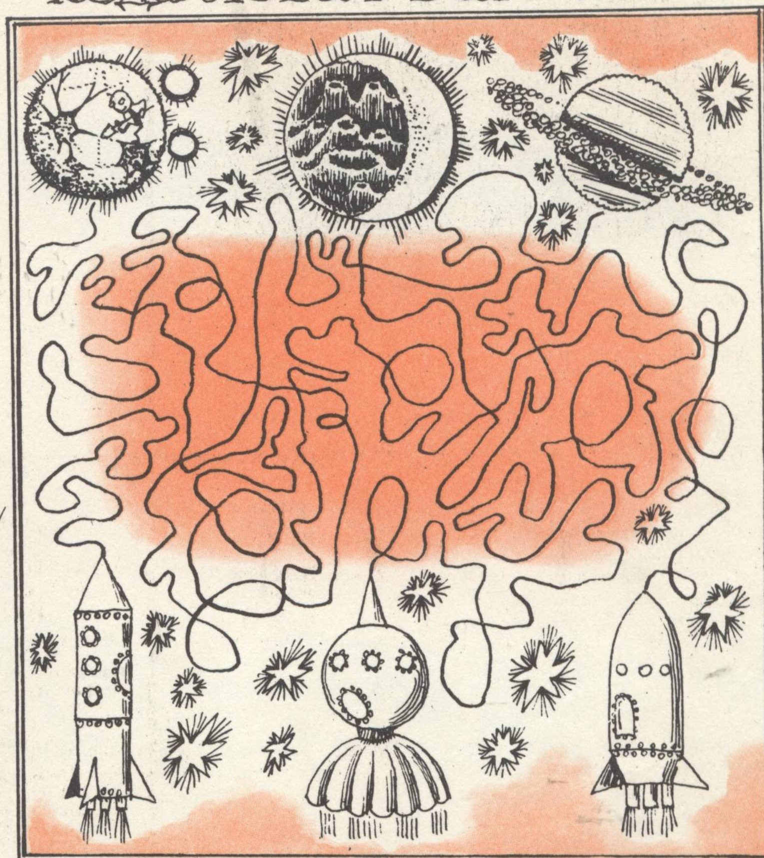
Нескучайка

Выберите каждому всаднику коня.

Куда летит ракета?

Какая из ракет летит к Луне, какая — к Сатурну и какая — к Марсу?

Мячики

Какой из этих мячиков не похож на другие?

Сюрприз

Мальчик решил сделать сюрприз родителям — покрасить пол в комнате. Какую ошибку допустил он, принимаясь за работу?

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Лесная столовая «ЗВЕРСКИЙ АППЕТИТ»

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.